

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рязанский завод тяжелого станкостроения. Цех сборки. Станки модели «165» на испытательном стенде.

Фото В. Руйковича.

На первой странице обложки: У агитпункта села Надежда, Ворошиловского района, Ставропольского края. Агитаторы медсестра Александра Елецкая (слева) и заведующая сельской библиотекой Анна Комарова.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Ясный день.

Фото В. Шаховского.

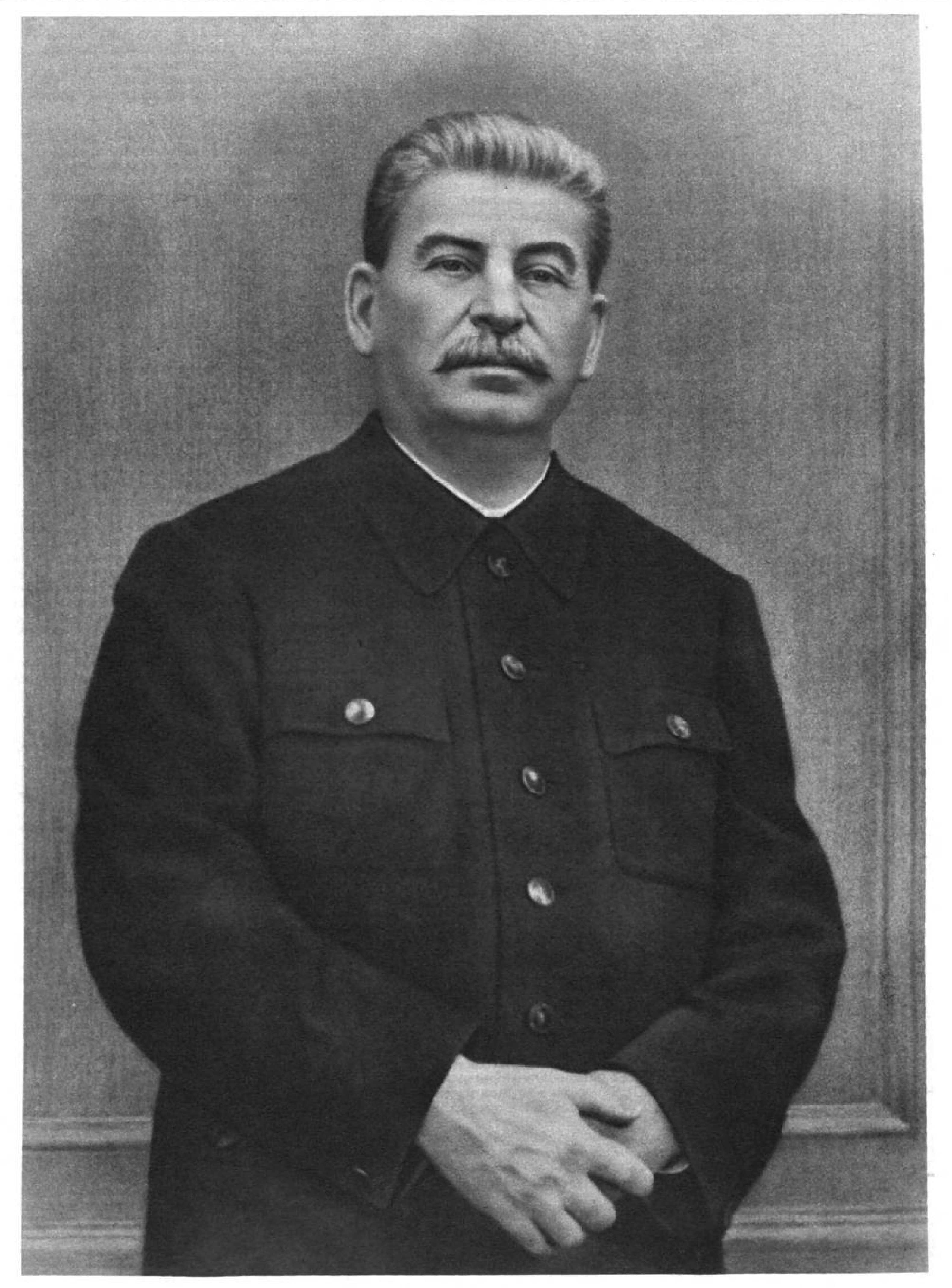
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1394) 28 ФЕВРАЛЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

И. В. СТАЛИН

К годовщине со дня смерти.

К ДЕКАДЕ ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В МОСКВЕ

Литве

Валерия ВАЛЬСЮНЕНЕ

Литва, прославлять тебя песнями мало,
Дорога твоя широка и светла,
Все то, что война беспощадно сломала,
Все то, что разбила, сожгла, разметала,
Из праха и пепла ты вновь подняла!
В колхозных полях, в городах твоих новых
Счастливое завтра счастливой земли,
А помнишь, как ты изнывала в оковах,
А помнишь, как люди вздохнуть не могли!

Сермяга и четки, костел в воскресенье —
Бедняцкий удел был от века таков.
Покуда не сдохнешь, работай в именье,
Сгибайся в дугу на полях кулаков!
Терпенью с детства ксендзы обучали,
Господнею карой грозили они:
«Господь всеблагой посылает печали,
За то благодетеля больше цени!»
И слышали люди в костеле воскресном:
«Блаженство обрящете в царстве небесном!»

Земля бедняка — валуны и болото,
Рябина, березка, песчаный овраг.
Осенние ливни хлестали без счета
Полоску земли, где трудился бедняк,
А крыши, серевшие на косогоре,
Казалось, твердили про горькое горе.
Крестьянская доля жалка и сурова,
Бедняк при сметоновцах мрачно глядел,
Когда выводили из хлева корову,
Когда за долги забирали надел.
Однако надеялся крепко народ,
Что пропадом лютый фашизм пропадет.

Седая сестрица моя дорогая,
Не ты ль на коленях исползала поле!
Я помню, лучина горела, мигая,
Ты дó свету нитку сучила. Легко ли!
Льняная тончайшая нитка порой
От слез твоих горьких бывала сырой.

Да разве ты видела светлые зори,
В цветущих садах молодую сирень!
Весь мир заслоняло огромное горе,
На солнце набросив угрюмую тень,
Нет, слезы ты видела вместо росы
На редких колосьях своей полосы.

Таких в деревеньках росло нас немало
На быстрой Дубисе, на тихой Швентойи.
Мы в поиски счастья пускались, бывало,
Оставив далеко селенье родное,
И в городе доли искали своей,
А город большой, и не счесть там людей.

Однако и в городе было не слаще:
Работать начнешь — попадешь в кабалу.
Без хлеба сидишь ты все чаще и чаще,
Бездомной грустишь по родному углу.
Мы в городе голод и холод знавали,
Ютились в сыром, полутемном подвале.

Вернувшись теперь, я узнаю едва ли
Свою деревеньку, тропинку к гумну,
Которую некогда мы протоптали.
На улицу выйду, направо взгляну,
И ГЭС я увижу за ровной дорогой.
Где ж горе! Скатилось тропинкой пологой!

Не стрехи взъерошенные перед нами
Маячат сегодня — в колхозе твоем
Кирпичные домики стали рядами,
Сады зеленеют, цветов не сочтем,
И школа большая на площади встала.
Признайся, о школе такой ты мечтала!

Кто б ты ни была: трактористка, доярка,
Какую работу бы ты ни вела,—
Ты видишь: поля твои светятся ярко,
Как будто бы юность земля обрела.
А ровное, точно подстригли, жнивье
Везде обличает усердье твое.

За добрые руки твои трудовые
Тебя наградили Звездой золотой.
Ты светлое счастье узнала впервые,
Навеки веков распростилась с нуждой.
Исполнен твой будничный труд героизма.
Не ты ли строительница коммунизма!

В грядущее смотришь уверенным взглядом
И знаешь, что ты не собьешься с пути:
Дыханье Партии чувствуешь рядом,
Она помогает учиться, расти,
Она распахнула все окна и двери
И вывела к свету из тьмы суеверий.

Советскую землю ты любишь за это,
Свой край, что к Балтийскому морю приник,
Недаром ты солнцем эпохи согрета
И путь твой сегодня широк и велик.
За мир во всем мире ты борешься смело,
За это великое, славное дело!

Перевела с литовского
С. МАР.

Ручей

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Горит листва на вербе и осине.
Граб почернел. Пылает краснотал...
И ты, ручей, опять журчишь в долине,
А где же ты в июле пропадал!

Я приходил сюда нередко летом
И помню: огороды и сады
Просили пить; и видел русло это,
Открытое, пустое, без воды.

Ах, как была необходима влага
Капусте, помидорам, огурцам!
А ты шатался где-то, как бродяга,
По темным и нехоженным лесам.

Ты летом знался только с облаками,
Шептался с ними где-то на горе,
Носился с буйным ветром над лугами
И поздно возвратился, в сентябре.

Поешь, плетешь рассказы-небылицы,
А над тобою голая лоза,
И убран сад, и покидают птицы,
Как дачники, деревни и леса.

Опали клены. Облетели вязы.
Лес почернел и непривычно тих.
И не нужны ему твои рассказы:
Есть у него достаточно своих.

Так чей же ты, ручей! Скажи нам прямо.
Мы знать хотим: ты наш или ничей!
Конечно, ты, как все ручьи, упрямый,
Но все-таки одумайся, ручей!

Пришли мелиораторы в долину.
За ними экскаватор прошагал.
Они в долине возведут плотину,
Чтоб больше ты от нас не убегал.

Не время потакать твоим побегам!
Весной, лишь проплывет над полем пар,
Твоя вода, разбавленная снегом,
В широкий побежит резервуар.

Довольно, милый, попусту шататься.
Ты будешь орошать сады и рожь.
Пора, ручей, за дело приниматься.
Мы выросли. И ты у нас растешь!

Перевел с литовского
А. КЛЕНОВ.

БАЛТИЙСКАЯ НОВЬ

Е. РЯБЧИКОВ,

Н. ХРАБРОВА

Фото И. Семина.

Новый поселок колхоза «Накотне».
Фото Е. Рябчикова.

От яркого солнца и синего неба самолет бросается в чащу серебристых облаков. Ощущается легкий, едва уловимый толчок. На окна наплывает белесая мгла. Когда облака пробиты, взору открывается плоская земля Латвии.

Та ли это страна? Пять или шесть лет назад, вскоре после войны, мы видели впервые землю Латвии с воздуха: она была аккуратно разграфлена межами на узкие крохотные полоски — поля. Тогда при взгляде с высоты птичьего полета создавалось впечатление, будто внизу лежали бесконечные лоскутные одеяла. Однообразный пейзаж отражал характер единоличного землепользования. Теперь с радостью ощущаешь приволье и красоту широко раскинувшихся колхозных полей. Простор и ширь вместо карликовой замкнутости и обособленности хуторов определяют современный пейзаж Латвии.

И вот еще особенность, которую воспринимаешь с особой ясностью, пожалуй, лишь с воздуха: в Латвии стало больше полей. В стране происходит технически хорошо оснащенное наступление на болота, занимавшие значительную часть земельной площади. Машинно-мелиоративные станции осушают вековые топи, прокладывают каналы, дренажируют почву, очищают отвоеванную у болот землю от кустарников и мхов. В то же время другие пустовавшие земли освобождают от валунов, принесенных сюда когда-то ледниками, счищают каменную крошку. Бросовые территории, как и побежденные болота, отходят под пашни и луга.

Живописцы прошлого связывали пейзаж Прибалтики с песчаными дюнами, тянувшимися вдоль морского побережья. Сыпучие, белесо-желтые, они медленно, но властно надвигались от моря на поля и сады, вторгались в сосновые боры и губили их, сжигая мертвым песком, сметая со своего пути даже селения. Дюны были бедствием страны. Ныне уже приостановлено их движение на материковую твердь. Дымящиеся холодным песком дюны покрываются цепкой зеленью. На песчаных холмах вырастают леса, и вдоль берегов появляются своеобразные крепостные стены из дюн, защищающие поля и леса от морских бурь и песчаных смерчей.

Живая рельефная карта латвийской земли, раскинувшаяся под крылом самолета, открывает взору все новые картины. Буржуазные экономисты считали Латвию страной классической хуторской системы. С дьявольской расчетливостью и хитростью был осуществлен здесь столыпинский план переселения крестьян на хутора. Рассыпанные по всей стране, вдоль берегов Венты и Даугавы, Гауи и Лиелупе, они и сейчас свидетельствуют об этом.

Люди, привыкшие у себя дома к деревням или селам, приехав в Латвию, с крайним удивлением взирают на обособленные хутора. Трудно им представить, как можно жить настолько разобщенно, чтобы месяцами не видеть соседа, не знать, что происходит окрест. Если нужно занять соль или спички, если понадобится помощь больному, хуторянин должен идти километр за километром к ближайшему дому. Метель ли, ветер ли, шагает он по сугробам, сжимая в руках охотничье ружье, опасливо вглядываясь во тьму, где бродят звери. Детям приходится ходить в школы, отдаленные от хуторов.

Распыленность жилищ, оставшаяся от хуторской системы, стала тормозом в развитии и организационно-хозяйственном укреплении артелей. Колхозная жизнь вносит свои поправки: начинается переселение с хуторов в специально отстроенные селения.

...На заснеженной равнине, среди мелких березняков и по-зимнему просвечивающих рощиц, пролегла первая в Латвии колхозная улица. У нее еще нет названия, но ее собираются наименовать Счастливой.

— Для нас это не просто улица, а путь к новой жизни.

С этими словами председатель колхоза «Накотне» Рудольф Густович Томсон раскрывает карту артельных угодий. Много на ней точек, кружков, квадратов и заштрихованных участков.

— Колхоз наш был создан одним из первых в республике,— говорит Томсон.— Живем мы богато: у нас больше тысячи гектаров земли, миллионный доход, много скота, есть добротные постройки. Казалось, имеются все условия, чтобы и нам расти быстрее и стране давать больше продуктов. Но тут-то и приходится серьезно говорить о пережитках хуторской системы. Вот она, вся карта в точках: это десятки хуторов. Попробуйте-ка обойти все эти домики — потребуется не один день. А как вести среди этих разобщенных семей культурно-массовую работу, организовывать людей, сплачивать их? Трудно! А вот теперь у нас на центральной усадьбе в Яунземи первый поселок, и дела пошли веселее: народ вместе, стал он дружней, работа идет споро, контролировать качество работы удобнее. Радист Освальд Шалме передает из радиоузла музыку, советы агронома, распоряжения по бригадам, транслирует из клуба собрания и спектакли.

Рудольф Густович обводит спичкой на карте небольшой квадратик.

— Построили баню,— сообщает он.— Вон она, видите, в рощице? Парная есть. Невдалеке — ясли, школа. Есть на центральной усадьбе Яунземи и клуб и библиотека, тут же здание правления колхоза. Впервые люди оказались вместе, и они уже чувствуют радость и выгоды совместной жизни.

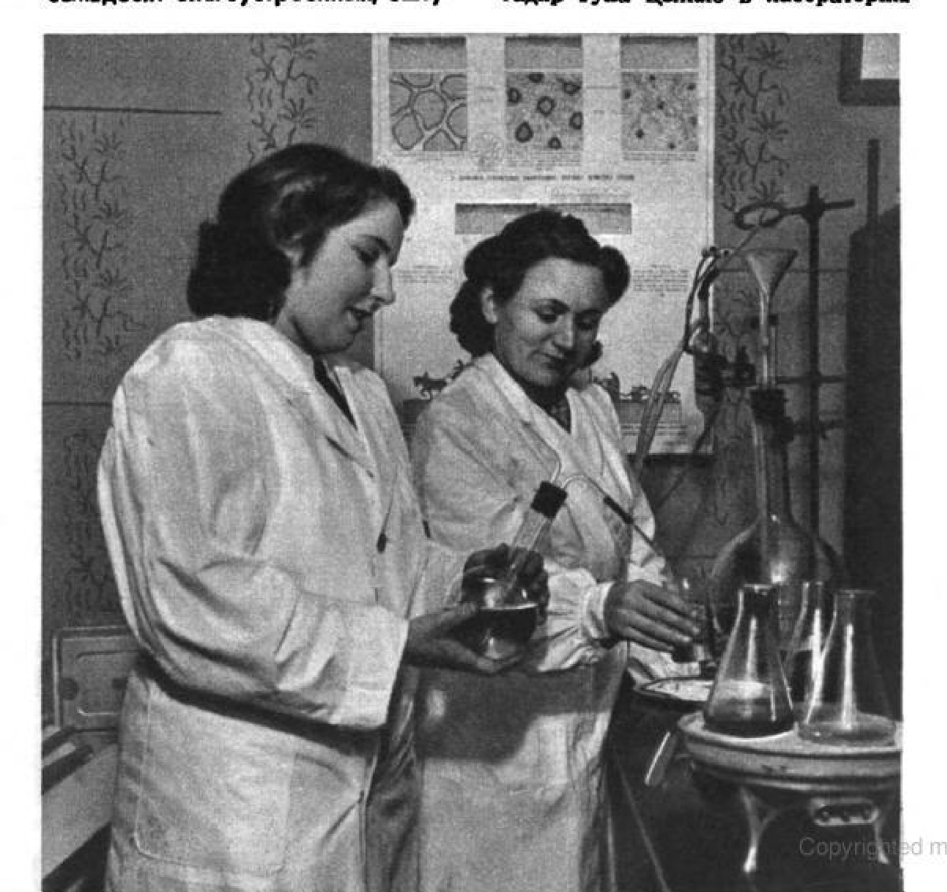
Правление колхоза только что официально приняло свой первый поселок. В ближайшее время здесь же, в Яунземи, будет восемьдесят благоустроенных, оштукатуренных домов. На дальнейшее строительство поселка запланировано потратить только в этом году еще триста тысяч рублей. Кроме того артель получит весьма значительную ссуду от государства.

Как живут новоселы? Пройдем по первой широкой колхозной улице Латвии и наугад заглянем в какой-нибудь домик. Вот здесь, оказывается, поселилась семья пчеловода Теодора Лиекне. Сам он в отъезде — в Риге; квартиру из четырех комнат показывают его жена Амалия и невестка Бирута. В кабинете пчеловода много книг, солнце золотит скрипку, висящую на стене: Теодор Лиекне любит музыку и выступает на колхозных вечерах. Амалия Лиекне включает свет.

— У нас теперь электричество и радио,— сообщает она.— Совсем рядом магазин, ясли, клуб, школа.

Из окон дома Лиекне видны остановившиеся посреди улицы

Агроном Мата Ляя (справа) и бригадир Гуна Цейкле в лаборатории.

легковые машины. Председатель колхоза улыбается:

— Зачастили к нам гости из других артелей, все приглядываются, как зажили хуторяне на новом месте, что получается в «Накотне», какая выгода...

Строительство колхозных поселков идет не только в «Накотне», Добельского района, но и в колхозе имени 1 мая, Резекненского района, имени В. И. Ленина, Лудзенского района, имени В. М. Молотова, Зилупского района, «Дзиркстеле», Даугавпилсского района.

С разбросанностью жилищ решили покончить и рыболовецкие колхозы Латвии. На берегу веселой Аге рыбаки артели «Звейниекс» уже возводят вблизи гавани Скулте огромный Дворец культуры — центр будущего большого рыбачьего поселка.

Новью колхозной жизни Латвии стало и бурное строительство домов сельскохозяйственной культуры.

От плотины Кегумской ГЭС, по берегу замерзшей широкой Даугавы, тянутся земли огрского колхоза «Лачплесис», владеющего одним из лучших таких домов. В вечерней мгле сквозь падающий густой снег видим манящие огни. Показывается двухэтажное здание с молочно-белыми светильниками у входа. Вьюга не замела к нему тропку. Около двери стоят лыжи. Эдгар Каулиньш, председатель колхоза, смотрит на лыжи и узнает, кто приехал заниматься.

— Когда дорога черная, без снега, Гуна Цейкле приезжает сюда на мотоцикле,— говорит Каулиньш. — Она у нас бригадир и отчаянный спортсмен. Сегодня метель, и нет мотоцикла Гуны, — она пришла на лыжах.

На втором этаже слышится веселый шум, как на перемене в школе. Открывается дверь, и девушка, заглянув на лестницу, объявляет товарищам:

— Идет наш Эдгар!

Председатель колхоза вместе с агрономом Матой Лэя проводит сегодня беседу о квадратно-гнездовом способе посадки картофеля. После беседы слушатели пройдут в лабораторию, и каждый займется своей темой.

Хорошо натопленные, мягко освещенные кабинеты располагают к вдумчивой учебе. Белые столы, микроскопы, муляжи овец и коров, снопы колосьев — все тут, как в солидном учебном заведении. Агроном Мата Лэя, подвижная и веселая женщина, стала душой Дома сельскохозяйственной культуры. До Огре она работала в Риге, в Академии наук Латвийской ССР. Когда многие специалисты стали переезжать из города на село, Мата Лэя поехала в Огрскую МТС. От МТС она и работает в колхозе «Лачплесис», превращает Дом сельскохозяйственной культуры в центр передовой агротехнической мысли.

В лаборатории этого Дома нам показывают новинку — комплексный прибор для исследования почв, созданный президентом Академии наук Латвийской ССР Я. В. Пейве. Это большой удобный чемодан, в котором компактно размещена передвижная колхозная лаборатория. В ней есть все для проведения экспресс-исследований в полевых условиях. Осенью эта походная лаборатория уже побывала на многих полях колхоза. С ее помощью определена кислотность и влажность местного торфа, уточнены запасы пригодного для употребления торфа на территории колхоза.

Лаборатория задалась целью создать почвенную карту колхоза. С осени ее готовят агроном, бригадиры и опытники. Над картой трудится весь актив Дома сельскохозяйственной культуры в колхозе «Лачплесис».

...В Риге, в той ее части, которая называется Старым городом, среди старинных готических сооружений расположилось здание Академии наук Латвийской ССР. Президент академии, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Ян Вольдемарович Пейве как бы продолжает разговоры, начавшиеся еще в колхозе «Лачплесис». Земли Латвии, прежде покрытые болотами, валунами и дюнами, со сложным характером почв, только теперь, при колхозном строе, становятся плодородными, способными давать небывало высокие урожаи. Знание почв — ключ к решению важнейших проблем сельского хозяйства. Институт почвоведения и земледелия уже составил большую и точную почвенную карту всей республики.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС Академия наук Латвийской ССР с еще бо́льшим размахом решает многие насущные проблемы земледелия и животноводства республики. Даже институты, не имеющие прямого отношения к сельскому хозяйству, выпускают машины, приборы и приспособления, ускоряющие мелиоративные работы, помогающие хлеборобам увеличивать посевной клин. Институт лесохозяйственных проблем создал универсальную малогабаритную самоходную электростанцию. Установленная на мотоциклете с гусеничным ходом, она может появляться в труднодоступных местах.

Нужды сельского хозяйства республики привлекают к себе теперь внимание всей Латвии. Проедем из Старого города по проспекту Ленина в промышленный район Риги. За виадуком над железнодорожными путями высятся заводские корпуса. Вот ВЭФ. Серая башня с огромными часами поднимается над его цехами. С верхних этажей льются музыкальные мелодии, доносятся трески и разряды — на испытательных стендах проверяют приемники «Балтика» и «Мир». Но еще громче слышится рев тракторных моторов: на заводском дворе выстроились тракторы, доставленные сюда из подшефной заводу МТС Рижского района. Трактористы, механик из МТС и вэфовцы деловито осматривают машины, подготовленные уже к отправке на поля.

Над замерзшей широкой Даугавой, над кварталами Московского района Риги взметнулось многоэтажное сооружение. С каждым месяцем оно все выше поднимается к небу. Идем с этажа на этаж. С верхних перекрытий льются потоки электросварочных искр. Краны поднимают арматуру, бетон, керамические блоки. Сквозь арматурные сплетения, кажется, уже сейчас можно различить будущее этого чудесного дома; тут на 16 этажах разместятся научные кабинеты и лаборатории, аудитории и конференц-зал, библиотеки и выставки. Здесь для колхозников построят комфортабельную гостиницу. Из «Накотне» и «Лачплесиса» — со всех концов Латвии приедут сюда хлеборобы слушать лекции, проверять свои наблюдения, обмениваться опытом. Здесь будут дружески встречаться ученые республики с передовыми колхозниками.

...Ветер с моря развевает легкую мглу, затянувшую проспекты Риги. С высоты верхних этажей Дома колхозника виден большой, красивый город. Его парки, шумные улицы, гранитные набережные, острые шпили древних соборов, ангары колхозного рынка ярко освещены зимним солнцем. Дымят корабли в незамерзающем порту. Пробегают внизу яркозеленые, только что вышедшие с завода электрические поезда. А там, за громадами цехов, за гранью городской черты лежат преображенные земли Латвии.

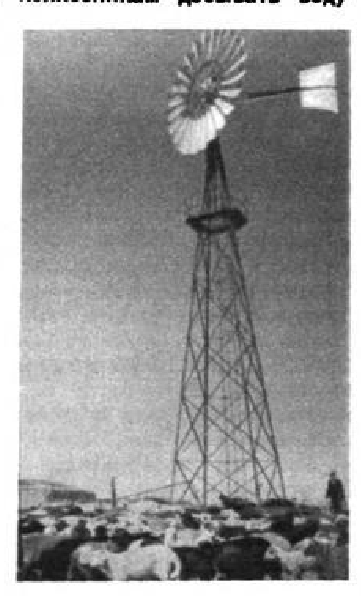
Строительство высотного Дома колхозника в Риге.

Роза ветров

На языке метеорологии розой ветров называется график, показывающий, как повторяются направления ветра за месяц, сезон, год. Колхозники артели «Победа», Быковского района, Сталинградской области, узнали об этом от монтажников, приехавших на село устанавливать ветродвигатели. Специалисты закончили работу и уехали, а слово, привезенное ими на село, осталось, вошло в речь колхозников. Употребляя выражение «роза ветров», они имеют в виду, правда, не термин из области метеорологии, а новые механизмы, появившиеся в их хозяйстве. Действительно, ветродвигатели маячат над степью, словно громадные металлические цветки.

Неутомимо вращаются, сливаясь в серебристый круг, лопасти, чуть подрагивает высокая мачта. А из глубины колодца, поднятая насосом, бьет в бетонированный желоб звонкая струя. На животноводческих фермах быковского колхоза пять ветродвигателей. Они обеспечивают водой несколько тысяч голов скота. Ветросиловые установки позволили колхозникам добывать воду

Ветродвигатель на овцеводческой ферме колхоза «Победа», Быковского района. Фото Ю. Яковлева.

из глубоких трубчатых колодцев. Животноводы заволжского района быстро оценили эти преимущества. По примеру колхозников артели «Победа» новые механизмы недавно установили на фермах других артелей Быковского района — «Путь к коммунизму», имени Ленина, «30 лет Октября», имени Калинина, имени Куйбышева. При помощи ветра вода подымается с глубины 50 метров, а в Раковском районе действует двигатель, который качает ее со 130-метровой глубины.

Район Нижнего Поволжья — край ветров. По данным метеорологов, средняя годовая скорость ветра в Сталинграде составляет 6 метров в секунду. Колхозы области ставят силу ветра на службу сельскому хозяйству. В прошлом году областная контора «Мелиоводстрой» построила в селах больше 50 трубчатых колодцев с ветродвигателями. В этом году контора получила от колхозников заявки на постройку еще 175 таких колодцев.

Сталинградские ученые ведут интересные работы по использованию силы ветра в народном хозяйстве.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Вьюга

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки П. Караченцова.

Вечер.

Пригревшись на лежанке возле печи, за полуотдернутой ситцевой занавеской, пытается дремать студент-первокурсник Виктор Крушинин, приехавший на каникулы к отцу. Это ему плохо удается: и потому, что он в первый раз является гостем в своем селе и испытывает приятную особенность своего положения, и потому, что за столом под висячей керосиновой лампой шепчутся ребята — тринадцатилетний Васька, брат Виктора, и два соседских мальчика. Самый младший Крушинин, пятилетний Сенька, посажен в конце стола. Чтобы не плакал и не надоедал разговорами, ему дали карандаш и лист бумаги. Взрослых дома нет: ушли на колхозное собрание. За стеклами окон, на которых все удлиняются языки наледи, мечется вьюга. Сухой снег тучами несется с полей, перекатывается через плетни и крыши, кружится в улице со свистом и подвыванием. «У... у... у!» — гудит в трубе, словно кто-то большой и косноязычный сердится на закрытые вьюшки, которые мешают пробраться к теплу. Временами эти звуки перекрывает один протяжный и глухой — это на реке, где по случаю морозов убывает вода, оседает и трескается лед.

— Стреляет! — лениво замечает с лежанки студент. — Как тогда, когда наши немцев вышибали... Помнишь, Васька?

— Помню...

— Врешь, ничего ты помнить не можешь: мал был.

— А я все равно помню...

— Понимаю, — ехидно замечает студент, — по следам от веника, которым тогда тебя мать в погребе исхлестала... Выбрал время о хлебе реветь! Хорошо, фашисты не услыхали, а то хватили бы гранатой...

Васька сопит и не отвечает. Чернявый, с острыми лопатками и угловатыми плечами мальчик не любит старшего брата и за то, что тому справили роскошный, с его точки зрения, костюм, а у него нет коньков, и за то, что тот явно гордится своим положением и постоянно задирает его. «Васька, подай-ка воды», — командует студент за обедом, и Васька, опасаясь матери, которая не нарадуется на успехи старшего сына, берет кружку и нехотя тащится к ведру. «Васька, иди к ребятам!» — выгоняет его студент, когда к тому приходят товарищи. И Васька под просящим взглядом матери натягивает полушубок, хотя ему очень хочется послушать, о чем говорят студенты... Сейчас он сидит за столом перед раскрытой тетрадкой, макает ручку в чернильницу, но ничего не пишет. Напротив него торчат две светлые стриженые головенки соседских ребят — шары с ушами... Студент свысока оглядывает ребят и закрывает глаза. Начинает чудиться, что за окном шумит не вьюга, а море, которое он видел только в кино, бьет прибоем в стены, достает брызгами до окна. Потом приходит мысль о том, что снег и впрямь превратится в воду по весне, заиграет по овражкам и ложбинкам, заблестит под солнцем, поднимет шум и трезвон... Дремотные видения сменяют одно другое, но вот сквозь волны шума до него опять долетает разговор у стола:

— Начнем так: «Уважаемая и дорогая редакция»... Потому что надо вежливо...

— Что ты, Петька! — укоряет рассудительный Васька. — Это так письма пишут, а у нас совсем другое дело. У нас материал. Понял?

— Понял, — охотно уступает Петька.

— С заголовка надо начинать, — предлагает другой мальчик. — Например: «Темный угол».

Васька соглашается и скрипит пером. Студент открывает глаза. Он до смерти устал от экзаменов, сочинений, рассуждений, ему просто хочется полежать, думая о чем-нибудь приятном, но желание подзадорить ершистого брата оказывается сильнее.

— Это что вы сочиняете, писатели? — интересуется он. — «Войну и мир» или «Евгения Онегина»?

Васька молчит. Шары с ушами поворачиваются, и на студента смотрят две пары серых, слегка сконфуженных глаз. Он приподнимается на локтях и понимающе подмигивает ребятам:

— Ну?

— Заметку сочиняем, — смущенно объясняет Петька.

— Ха-ха-ха!.. — веселится студент. — Расцвет журналистики в селе Сосновке!.. Только кто же это называет класс «Темным углом»? Стилисты-юмористы...

— Мы не про класс, мы про председателя...

— Про какого? Что это у вас за деятель?

— Про Ивана Козлова, — объясняет Петька. Тихий и добрый мальчик, он в отличие от Васьки не может выдержать допроса.

— Постойте-ка, — удивляется студент, — Иван Козлов — председатель колхоза. Он, что ли?

— Да.

— Ну и сатирики! — смеется студент. Сонливость его проходит, делать все равно нечего, и он с удовольствием потешается над этими забавными ребятами. — Да какой же Иван Козлов — «темный угол»? Он человек, а о человеке так не пишут. Он скорее колодезный журавль: длинный... По русскому языку, наверное, двойки у вас, да? Тоже мне журналистика!..

— Тебя не касается, — хмурит брови Васька, не выдержав до конца характера и ввязываясь в перепалку. — Ты теперь в городе живешь, так тебе не видно... А у нас электричества нет, радио до половины села провели, а больше столбов не хватило... Председатель ревизионной комиссии из них своей корове сарай построил...

— Мы об этом в школьную газету написали, — сообщает Петька, — а он прочитал и разозлился... Он сказал, что мы вредные щенки и больше ничего... А нам обидно, потому что мы ученики семилетней школы, а не щенки!..

— Понятно, — останавливает студент Петьку. — Страшная месть учеников шестого класса зарвавшемуся председателю колхоза... А куда вы это ваше сочинение посылать собираетесь, если в своей газете уже писали?

— Тебя не касается! — отрезает Васька.

— В областную газету, — поясняет Петька. — В газетах пишут и по радио говорят, что колхозам помогать надо, а нам не помогают. А с Козловым у нас замучились, все говорят, он неспособный и водку пьет, а никто не помогает...

Студент слезает с лежанки, заправляя рубашку под ремень, говорит назидательно:

— Ничего у вас не получится... Факты не обоснованы! Хотите, чтобы электростанцию построили... А может, в колхозе денег нет? Или, может, грунт у вас неподходящий. Откуда вы знаете? Электростанция по щучьему велению не строится...

— Грунт крепкий, — говорит Петька. — И мел мы разведали для извести... Под Белой кручей...

Огни агитпунктов

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Агитпункт помещается в школе,
где шумит детвора озорная,
Где звонок заливается утром,
нам о юности напоминая.
Агитпункт помещается в клубе,
где нанайцы в костюмах старинных
Молча слушают голос столицы,
примостившись на шкурах звериных.
Агитпункт помещается в сакле,
в облаках, над долиною синей,
Где шагают железные мачты
подвесных электрических линий.
Агитпункт разместился в каюте,
где волна от зари до заката
С никогда не стихающей силой
бьет в завинченный иллюминатор.
Агитпункт помещается в хате,
где увидите пахнущий летом
Пыльный сноп прошлогодней пшеницы
над мичуринским старым портретом.
И под трепетным бледным сияньем
там, где тропы проходят олеьи,
И под добрыми звездами юга
в одиноком рыбачьем селенье,
И в далекой гуцульской деревне,
и на снежных равнинах России
Зажигаются ежевечерне
агитпунктов огни золотые.
И одним они светятся светом
и волнуют нас думой одною,
Словно множество новых созвездий
появилось над нашей страною!

— Здравствуйте, разведали! — начинает раздражаться студент, натыкаясь на упорство ребят. — Эта Белая круча стоит тысячу лет, сам коленки там обдирал... Нашли топор за лавкой!.. Ну, какие еще у вас факты? Нету... А газету и так всяким мусором заваливают!..

— Вот и сходи на собрание за фактами, — ехидно советует Васька. — Ты большой, тебя пустят... Пять вас тут, студентов, на каникулах, а никому не помогаете... На печке дрыхнете да за Наташкой бегаете...

— Это кто тебе сказал? — удивляется студент.

Натка Воронова — студентка их села, и действительно, если не все, то двое за ней во всяком случае ухаживают, в том числе он. Однако, по общему заблуждению молодости, ему казалось, что об этом никому не известно.

— Никто, — рубит Васька. — Сам видел, как ты ее за плечи хватал и уговаривал приходить...

— Вас что, на ябедников учат? — злится студент.

— А вас на ухажеров...

— Ты что это сказал? — с угрозой спрашивает студент. — Ну-ка попробуй, повтори!

— Глухому две обедни не служат! — с отчаянной храбростью дерзит Васька. Темноглазый, худенький, он напрягся, как струна, он готов сейчас отомстить старшему брату за все обиды: и за то, что ему не купили коньков, и за то, что его выгоняют, когда приходят студенты, и за то, что нельзя слова громко сказать, когда брат спит днем, и даже за то, что не получается заметка, которую они собрались писать.

— Вот я сейчас тебе покажу, как со старшим братом разговаривать! Я тебя научу!..

— Иди Наташку учи...

— Ты замолчишь?

— Захочу — замолчу... Девчушник!..

Студент расталкивает белобрысых ребят и, нагибаясь через стол, пытается ухватить Ваську за чуб. Но потасовку в доме Крушининых портит Сенька. Увидев, что дело идет к драке, он поднимает такой крик, что сразу перекрывает и шум вьюги, и нытье в трубе, и треск льда на реке. Младший Крушинин — гражданин чувствительный: он плачет, когда дерутся или возятся ребята, плачет, когда в книжках, которые ему читает Васька, обижают зайцев и медвежат, плачет и просто за компанию с другими, от доброты своего маленького сердечка. Вообще про братьев говорят, что они как горох из одного стручка, но наследники Крушинины — овощи разные, и колючесть Васьки в доме с лихвой возмещается ласковостью и чувствительностью Сеньки. Что касается старшего, то его вспыльчивость равна его податливости...

— А-а! — вопит Сенька, вытирая слезы кулаками. — Ма-ма-аааа!

Студент досадливо машет рукой. Васька злорадствует:

— Напугал, теперь разгуливай его сам... Занимался ребенок, а ты лезешь... А еще называется советский студент!

Виктор идет к Сеньке, берет его карандаш и бумагу, рисует дом, елку, потом собаку. Сенька еще хнычет, но, уже затихая, одним глазом косится на рисунки. Продолжая одной рукой вытирать слезы, другой он хватается за карандаш:

— Я сам!..

На несколько минут в доме наступает тишина, только слышно, как вьюга швыряет снег в стекла и стены, шипит, шарит, ищет щели... Васька хохлится, уткнувшись взглядом в плакат, призывающий разводить пчел; Виктор, глядя в половицы, теребит чуб. Белобрысые соседские ребята сидят тихо, выжидая, что будет дальше. Наконец студент поднимается, бросает снисходительно, в явных поисках примирения:

— Так это вы серьезно решили в газету?

— Серьезно, — отвечает Петька.

— Как будто в селе некому писать, кроме вас... Ваше дело — учиться, пятерки домой таскать...

— Председатель нас вредными щенками обозвал, а мы...

— Ну ладно, слыхал уже! — отмахивается студент. — Вот кончим мы институты, приедем — такое развернем!..

— Приедете, жди! — уже с меньшей непримиримостью, но все еще обидчиво укоряет Васька. — Сколько наших пооканчивало, а никто не приехал, в городах живут или еще где на стройках. Отец говорил: не любите вы свою землю... Хоть травой порасти — лишь бы вам хорошая служба была!

— Что-то мне отец этого не говорил, — сомневается студент.

— Говорил, говорил, — подтверждает Петька. — Что вы отрезанный ломоть...

— Ладно, сам спрошу, — прекращает разговор на эту неприятную для него тему Виктор. — Очень уж вы тут все грамотные стали... Ну, о чем хотели писать? Васька, давай ручку, помогу... Растопорщился, как вороненок в дождь!.. Заметку назовем так: «В отсталом колхозе». Возражений нету? Начали...

Студент устраивается поудобнее и начинает писать. Белобрысые ребята заглядывают сбоку, удивляясь, как быстро бежит перо и как ровно ложатся буквы. Даже Васька не может удержаться и, подперев кулаком щеку, с напряженным вниманием пытается читать перевернутые строки... Но творческий азарт студента длится так же недолго, как и ссора: чуть приоткрывается дверь, и сквозь облако морозного пара просовывается укутанная в шаль голова с красными щеками и лукавыми голубыми глазками:

— К вам можно?

— Можно, Нюра, заходи, — приглашает, отрываясь от тетради, студент. — Иди, садись...

— А я не сидеть к вам... Меня, Виктор Николаевич, прислала Наташа, она сказала, чтобы вы шли...

— Дело какое, что ли? — нарочито строго спрашивает студент.

— Ага, дело... Наши ушли на собрание, а она скучает...

Чувствуя на себе язвительные взгляды ребят, Виктор кладет ручку, надевает пальто и шарф. Уже от двери, выпроводив посыльную Нюрку, он оборачивается и натыкается на три укоризненных взгляда.

— Завтра допишем, — говорит он и, чувствуя, что ведет себя предательски и по отношению к интересам дела и к ребятам, неуверенно добавляет: — Я, может, на собрание зайду, факты соберу...

— Иди, иди, — ехидно разрешает Васька. — Наташка свистнула — и побежал!.. Вот тебе и факты...

— Как это свистнула?

— А так...

Видя, что пререканиям не будет конца, студент уходит, сердито хлопнув дверью. Через несколько секунд снова появляется Нюрка, показывает ребятам язык и, плутовато сощурив голубые глазки, исчезает. Васька вздыхает и сурово оглядывает своих белобрысых соратников, словно они именно и виноваты в таком неожиданном обороте событий.

— Начнем сначала, — говорит он. — Сперва напишем про электричество, потом про радио, а потом про председателя... Это будет наш план сочинения. Заметку назовем «В отсталом колхозе». Согласны?

Ребята кивают головами.

Васька, наклонившись над столом так, что еще заметнее выпирают худые лопатки, скашивает набок голову и пишет. По бумаге в клеточку медленно ползут одна за другой толстые, как майские жуки, буквы, собираясь в строки о том, что в селе речка есть и лес есть, а о строительстве никто не думает и что сосновским ребятам обидно перед всеми детьми страны; что председатель Иван Козлов, который похож на колодезный журавль, пьет водку и критики не слушает, а учеников семилетней школы обозвал вредными щенками за то, что они в школьной газете написали заметку про безобразия, и что это ребятам обидно, потому что они не кто-нибудь, а советские дети...

На стенке тикают ходики, словно подбадривая ребят: так-так-так... Сенька, исчертив со всех сторон свой лист бумаги, положил голову на руки и спит, временами тихонько всхлипывая. Наверное, ему снится, что волк обижает зайцев и медвежат. Все глубже зимний вечер, и за стеклами окон, на которых растут языки наледи, мечется вьюга. Сухой снег тучами несется с полей, перепрыгивает через плетни и крыши, крутится в улице со свистом и подвыванием. И словно кто-то большой и косноязычный, сердясь на закрытые вьюшки, гудит в трубе:

— У... у... у!..

Год рождения — 1930

...В первую минуту швея Нина Ячменёва подумала, что она ослышалась. Рядом с подругами из цеха она сидела вдали от сцены, почти в самом конце длинного зрительного зала клуба Льнокомбината. В этот снежный февральский вечер здесь происходило предвыборное собрание рабочих и служащих.

— Тебя назвали... слышишь, тебя! — толкнула Нину локтем Ольга Завадская, землячка и соседка по общежитию.

Но Нина не оглянулась, ничего не ответила Ольге и еще ниже, заливаясь краской смущения, опустила голову.

«Не ослышалась, нет. Женщина на трибуне — браковщица Лебедева — что-то говорит про меня...»

Снова страстно зашептала над ухом Ольга, словно Нина была глухая:

— Говорит, пятилетку ты закончила!

Еще прокатывался холодком по спине озноб волнения, но Нина уже овладела собой. Теперь она внимательно слушала ораторов.

В жаркой тишине переполненного зала рассказывали про жизнь обыкновенной крестьянской девушки из Толочинского района Витебщины, из деревни Логовщины, которую оккупанты разорили за помощь партизанам,— рассказывали про нее, Нину Ивановну Ячменёву, комсомолку, работницу швейно-отделочной фабрики комбината.

Что она сделала такого, за что ей такая честь? Ведь вот же кругом опытные мастера, заслуженные люди. А она, по Конституции, лишь в нынешнем году получила право быть избранной в Верховный Совет. Только четыре года, как работницей стала: сначала простой обшивщицей кип, а потом швеей на конвейере.

На фабрике сшивают льняные мешки для мельниц. Хитрое ли дело — сложить ровненько заготовки мешка, загнуть края на три сантиметра, подложить под лапку электрической швейной машины, прострочить раз, другой?.. Норма — шестьсот двадцать мешков; она сшивает по тысяче — тысяче сто. Ничего особенного. Вот Даша Воробьева, ее ученица, сшивает уже и по тысяче двести!

Господи боже мой, какие мелочи вспоминают! Вот заговорили про то, как она организовала девчат на воскресник в помощь подшефному колхозу имени Ворошилова: грузили на машины кирпич. Правда, работать было нелегко: мела в этот день пурга, обжигал руки и лица ледяной ветер. Но зато колхозники во-время получили кирпич для постройки коровника и свинарника.

Про историю с нитками тоже не забыли. Да, был такой случай. Вдруг низко упала на их швейно-отделочной фабрике выработка. Нитки все время рвались; швеи нервничали; никто не понимал, почему столько брака. Вот тогда Нина вместе с секретарем комсомольской организации техником Надей Федосеевой надумали взять да написать письмо прямо поставщику швейных ниток — Костромскому комбинату имени В. И. Ленина. Сначала сходили в лабораторию, захватив окатки (остатки ниток с патронов). Проверили на приборах; их догадка подтвердилась: нитки не соответствовали техническим требованиям. Чтобы сшить мешок, нужны крученые нитки в три сложения (конца), а костромичи почему-то нарушили государственный стандарт: дали нитки в два сложения.

Написали они с Надей в Кострому резко, откровенно: ваш комбинат, товарищи костромичи, носит великое, священное имя, так будьте его достойны!.. И что же? Письмо повлияло. Теперь Кострома шлет в Оршу, на Льнокомбинат, крепкие, доброкачественные нитки... «Спасибо, товарищи, что с благодарностью вспомнили об этой маленькой истории, да ведь письмо писала не я одна. Разве это только моя заслуга?»

Шумные аплодисменты прервали раздумья Нины. Что-то коротко сказал секретарь партийного бюро Владимир Миронович Новиков, и люди снова захлопали. Нина сидела неподвижно, растерянная, встревоженная. «Единогласно!» — дохнула ей в ухо Ольга.

— Что ты такая сумная? — обеспокоенно спросила Ольга, когда вечером они возвращались в общежитие по белой укатанной дороге, блестевшей под светом подвешенных к высоким мачтам электрических фонарей. Дорога пролегала между новыми трех- и четырехэтажными домами; собственно, ее правильнее было бы назвать не дорогой, а городской магистралью, да и весь поселок Льнокомбината, привольно раскинувшийся вблизи высокого берега Днепра, озаренный сиянием бесчисленных окон, с шумной толпой молодежи возле катка, с музыкой, лившейся из репродукторов, выглядел сейчас молодым праздничным городом.

— Не грустно мне, нет, — тихо откликнулась Нина и помолчала, захваченная вдруг открывшейся ей красотой рабочего поселка и этого зимнего вечера. — Просто голова разболелась...

Плохо спалось ей в эту ночь, а утром она не могла заставить себя поесть, чем вызвала негодующие восклицания Оли:

— Посмотрите на эту чудачку! Ей теперь радоваться... а она...

«Милая Оля! Преданная, любимая подружка моя,— думала Нина.— Когда-то вместе прятались от гитлеровцев в Рацевском лесу, собирали заячий щавель, чтоб не помереть с голодухи... В один твой вязаный шарфик вдвоем заворачивались, дрожа от ночного холода. Ты видела меня в беде и горе. Ты помнишь, как я начинала на этой фабрике с самой черной работы, как первый раз выступила на собрании... Вот почему ты так рада, так горда сегодня за меня. Но ты не понимаешь, Оля: слишком большая это ответственность! Справлюсь ли?»

Решила Нина поделиться своими сомнениями с секретарем партийного бюро. Новиков любил молодежь. Когда комсомольцы грузили кирпич для колхоза, Владимир Миронович был вместе с ними. Он же подал мысль провести сбор книг для подшефного села и устроить для деревенских школьников елку с подарками. «Ведь ребята в деревне давно этого не видели», — тихо добавил он, и у Нины, выросшей в разоренном оккупантами селе, защемило сердце от этих простых слов.

— Народ тебя выдвинул, — строго сказал Новиков, выслушав Ячменёву. — Значит, достойна. А то, что молодая, ничего, не порок.

Как-то особенно споро шла у нее в этот день работа в цехе. Приемщица еле успевала за швеей. Только уберет от машины Ячменёвой сшитые мешки, а Нина уже прострочила новый десяток.

Обычно к концу смены появлялась в плечах давящая тяжесть и слегка отекали ноги. Но сегодня Нина словно не ощущала усталости. Ритм, ритм... Пройти боковую строчку, потом дно мешка, потом молниеносно повернуть под лапкой машины весь мешок и прострочить второй раз, но только так, чтобы вторая линия стежков легла строго параллельно первой строчке; если хоть чуточку отойдет в сторону, — брак.

— Ты сегодня молодцом. Тысяча двести пятьдесят мешков,— услышала она голос браковщицы. — Первым сортом все приняла.

Швеи устало поднимались со своих сидений. Утихал стрекот машин. Но люди не покидали фабрику. Тесными группками стояли они между колонн и тюков готового товара, оживленно переговаривались, чего-то ожидая.

Внесли фабричное знамя. Секретарь партийного бюро открыл митинг. Начали читать Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза к избирателям.

Вчера вечером в общежитии Нина уже слушала Обращение по радио. Но сейчас, в этом огромном цехе, среди товарищей и подруг, с которыми только что закончила трудовую вахту, до нее острее доходил смысл спокойных, ясных, целеустремленных призывов партии к рабочему классу — неуклонно повышать производительность труда, снижать себестоимость, улучшать качество, экономнее и разумнее использовать все наши средства и возможности.

Нина думала о своей фабрике и о людях, стоявших плечо к плечу с ней. Она готовилась взять слово на митинге и не чувствовала больше ни робости, ни смущения...

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

Подруги поздравляют Н. Ячменёву (вторая справа).
Фото С. Капелько.

СОЛДАТЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

В веселой компании дорога всегда коротка. Слева — Борис Привалов и Антон Кудравец; справа — Владислав Мусатов и Леонид Григорьев. На полке — Абдулахмед Бичурин.

Вл. РУДИМ

Фото С. РАСКИНА.

Итак, служба в армии окончена, и демобилизованные воины возвращаются домой. Едут однополчане, едут попутчики, встретившиеся впервые в поезде. К новой жизни, к новым делам!

Рядовой Абдулахмед Бичурин, лежа на верхней полке, смотрит в окно.

— О чем задумался? — раздается снизу голос. — Наверное, вспоминаешь, сколько раз кашу солдатскую пересолил?

— Что было, то прошло. Хочу и теперь поваром работать.

Окликнул Бичурина пехотинец Леонид Григорьев, веселивший всю компанию. Затянувшись папиросой, Григорьев обращается к белорусу, младшему сержанту Антону Кудравцу:

— Так ты ни разу не бывал в Саратове? Только брат там живет? Значит, прожил ты на свете двадцать три года и еще не видел лучшего, можно сказать, города в Европе?

Так как все попутчики, кроме Антона,— саратовцы, то никто не оспаривает утверждения Леонида...

Стучат колеса, все ближе Саратов, где начнут новую жизнь воины, отслужившие почетную службу. Они уже хорошо познакомились друг с другом, даже сделали неожиданные открытия: оказалось, что Леонид Григорьев и его сосед по купе Владислав Мусатов работали до призыва в армию на одном и том же заводе: первый — токарем, второй — электромонтером. Уезжали врозь, возвращаются вместе.

— Думаю снова устраиваться там же. А ты? — спрашивает Григорьев.

— Вступаю в компанию. Вдвоем веселее будет.

Старший сержант Борис Привалов — тоже токарь. И жена у него — токарь. Привалов — единственный в этой пятерке женатый, и ему не сидится на месте: скорее встретиться с Аней! Она, наверное, уже стоит на перроне, взволнованно всматриваясь в даль.

Но вот наконец и Саратов. Гулкий шум вокзала, радостные возгласы, объятия друзей и знакомых...

Привалова встретила жена, Бичурина и Кудравца — братья, Мусатова — мать. Григорьева некому было встречать: отец погиб на фронте, мать была убита фашистской бомбой.

Все вместе вышли на привокзальную площадь. Зоркий взгляд Григорьева заметил неподалеку витрину «Саргорсправки». Посмотрим, кто нужен Саратову! Предприятиям требуются токари, слесари, механики, шоферы, электрики... А вот объявление родного завода: здесь назван десяток различных профессий. Для начала совсем неплохо!

Адреса записаны в блокноты, и друзья отправились устраивать свою жизнь. И не только эти пятеро. Многие парни в бушлатах и шинелях, одни раньше, другие позже, возвратились в Саратов. Среди них были сержанты, рядовые, моряки.

Где же вы теперь, друзья? Как вы устроились?

Леонид Григорьев и Владислав Мусатов не изменили уговору: они поступили на свой завод. Засучив рукава гимнастерки, в механическом цехе сосредоточенно склонился над токарным станком Григорьев.

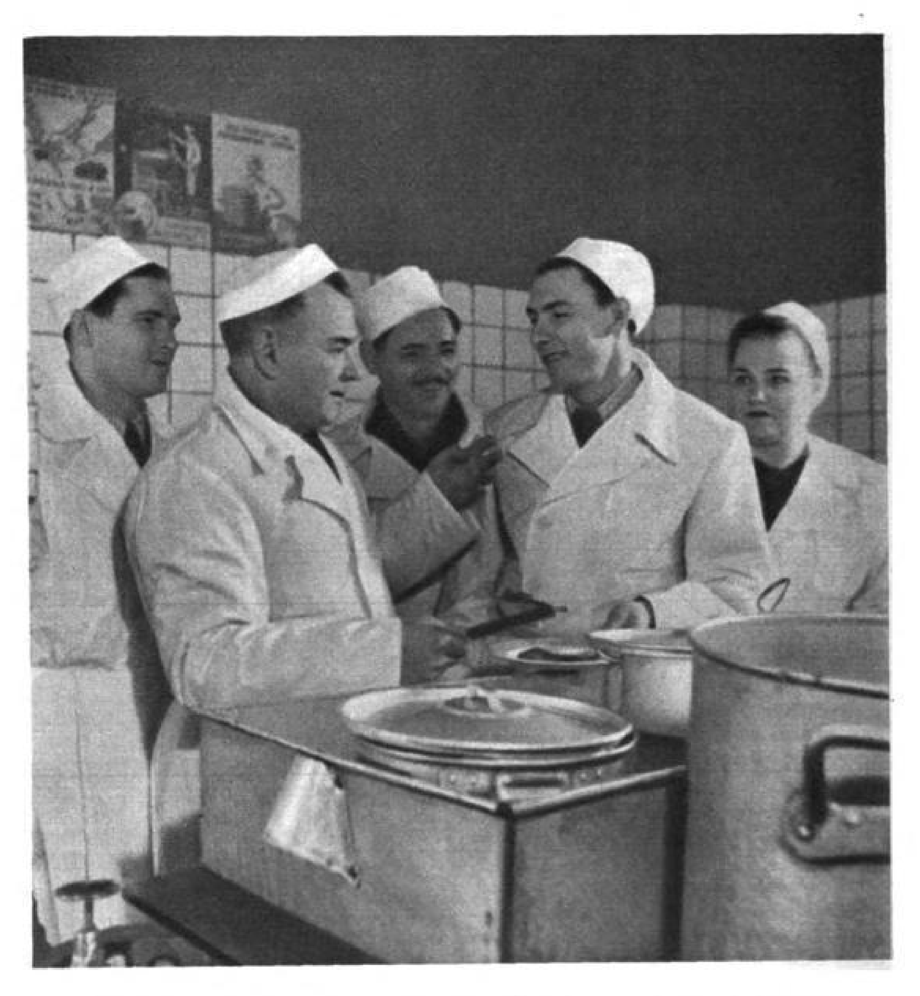
— Я на этом станке и до армии работал, — сказал Леонид. — Мастер уважил мою просьбу, на старое место поставил.

Сменщик Григорьева тоже недавно демобилизовался, и на заводе и в общежитии их называют по-армейски: «солдаты». Но не только этим приметны оба парня: они уже к концу первой недели стали перевыполнять норму!

Мусатова в цехе не оказалось, но и дома Владислава не было:

Студенты музыкального училища Николай Давыдов (слева) и Владимир Шаронов.

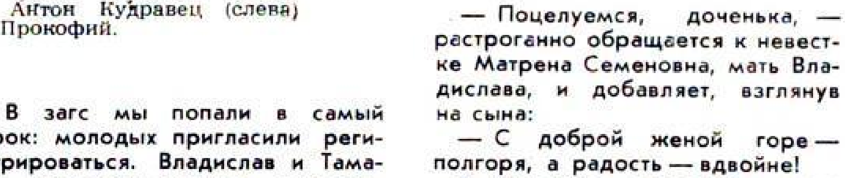

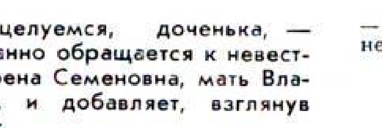
Абдулахмед Бичурин (второй справа) снова работает поваром.

Закончил первый трудовой день Антон Кудравец (слева). Рядом с ним брат Прокофий.

— Поцелуемся, доченька, — говорит невестке Матрена Семеновна Мусатова.

он поехал в загс регистрировать брак. Что ж, поторопимся туда.

— Вам надо на Вольскую улицу ехать, — объяснил сосед Мусатова. — Это там, где была когда-то биржа труда. Не знаете? А мы, старики, помним: помытарствовали.

В загс мы попали в самый срок: молодых пригласили регистрироваться. Владислав и Тамара — оператор завода — познакомились четыре года назад, их любовь выдержала испытание разлукой, и вот настала пора свадьбы.

— Поцелуемся, доченька, — растроганно обращается к невестке Матрена Семеновна, мать Владислава, и добавляет, взглянув на сына:

— С доброй женой горе — полгоря, а радость — вдвойне!

В Саратове встретишь много бывших солдат, прочно нашедших свое место в жизни. Абдулахмед Бичурин снова надел белый колпак — солдатского повара приняли в ресторан «Волна». Сержант Николай Белов работает машинистом, и старшие товарищи проводили его в первый самостоятельный рейс на мощном паровозе «СО».

Гостеприимно встретил незнакомый город Антона Кудравца. Строительный трест предоставил ему комнату в новом доме и определил на стройку плотником (в полку научился). По армейской привычке встает Антон чуть свет, умывается на снегу в любой мороз и раньше всех появляется на стройке.

Спорится работа у бывших воинов. А когда дела идут хорошо, можно и хорошо отдохнуть.

В Театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского вечером пришли с женами токарь Валентин Хабаров и механик Борис Привалов. Они смотрят оперу «Угрюм-река».

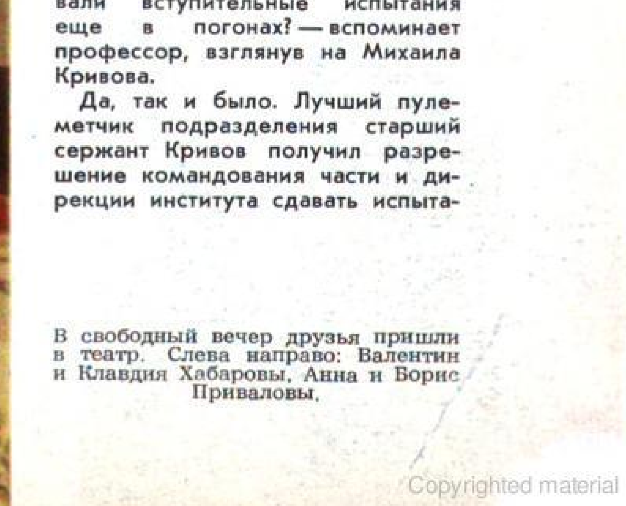
А теперь заглянем к тем, которые после армии сели на студенческую скамью.

На Советской улице высится корпус института механизации сельского хозяйства имени М. И. Калинина. В одной из аудиторий проводит консультацию заслуженный деятель науки профессор В. В. Костровский.

— Это ведь вы, кажется, сдавали вступительные испытания еще в погонах? — вспоминает профессор, взглянув на Михаила Кривова.

Да, так и было. Лучший пулеметчик подразделения старший сержант Кривов получил разрешение командования части и дирекции института сдавать испыта-

В свободный вечер друзья пришли в театр. Слева направо: Валентин и Клавдия Хабаровы, Анна и Борис Приваловы.

Будущий инженер-механизатор Михаил Кривов на консультации у профессора В. В. Костровского.

Старые машинисты провожают Николая Белова в первый самостоятельный рейс.

ния еще до увольнения из армии, иначе у него пропал бы целый год. Сбывается желание бывшего учетчика тракторной бригады: со временем он вернется в родное село инженером.

...Проспект Кирова. Консерватория имени Л. В. Собинова и музыкальное училище. Из классов доносятся звуки рояля и скрипки. По коридору, стараясь ступать мягче, торопливо идет молодой человек в гимнастерке. Он открывает дверь класса и просит извинения за опоздание. Это Евгений Андреев.

Андреев вернулся из армии несколько недель назад. Там он участвовал в самодеятельности, командир предоставил ему возможность посещать городскую вечернюю музыкальную школу. С тех пор Андреева не покидает заветная мечта стать певцом. Ему приходится совмещать занятия со службой, так как после смерти отца на плечи Евгения легла забота о матери и сестренке-школьнице. Андреев работает контролером на троллейбусной линии.

В армейской художественной самодеятельности участвовали и пехотинец Николай Давыдов — ныне студент оркестрового факультета по классу тромбона — и артиллерист Владимир Шаронов — молодой композитор. Сочиненный Шароновым концерт для фортепиано с оркестром уже дважды исполнялся в Саратове.

...Костюм готов к сроку. Михаил Павлович Кляев — после армии он стал мотористом волжского порта — и его жена Валентина Ивановна довольны обновкой. На совесть потрудились закройщик А. Е. Ножкин — бывший боец Чапаевской дивизии — и портной Виктор Щитаев, который лишь осенью минувшего года снял артиллерийские погоны.

Из ателье мы вышли вместе с Кляевыми. С заволжской стороны дул порывистый ветер, обжигая лицо. Мороз заметно крепчал, а Михаил Павлович вдруг заговорил о тепле.

— Летом у нас Волга широко разливается по левобережью. В такую пору там возникает много всяких озер да проток, они по-нашему воложками называются. И кто попадет в пойму на лодке первый раз, намучится, мозоли натрет и нескоро сам выберется к реке. Зато если встретятся знающие люди, для которых пойма — что своя ладонь, они быстро выведут на волжский простор...

Вот и этим молодым людям всюду помогали, не пришлось им путаться по воложкам, сразу выбрались они на самую быстрину жизни.

Михаил Кляев доволен: костюм сшит хорошо! Рядом стоят: бывший воин, ныне портной Виктор Щитаев и закройщик Александр Ножкин.

РАССКАЗЫ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. Верейского.

ЗА РЕКОЙ

Из своего раннего детства Худроут помнит желтый осыпающийся глиняный дувал, большой, старый, многоветвистый тут, ворота, у которых он играл с мальчишками, дорогу, проходившую мимо дувала, помнит, как он впервые в жизни испугался так сильно, что весь покрылся пóтом и в глазах потемнело.

Всадник на такой высокой лошади, что она показалась маленькому Худроуту выше дувала, кричал на его отца, стоявшего у ворот, кричал долго, пронзительно, громко, тряся над ним своей жесткой красной бородой, потом взмахнул толстой плетеной камчой над головой отца, который стоял неподвижно и смотрел в лицо всаднику.

Тогда-то и испугался маленький Худроут. Ему показалось, что одним ударом этой высоко поднятой камчи неизвестный убьет отца, разрубит пополам его голову, выбьет ему глаза. Мальчик закричал, но всадник звонко щелкнул камчой в воздухе, ударил коня, который сделал прыжок, и, повернув коня, еще раз крикнул что-то с ходу и исчез за поворотом стены.

А отец разжал кулак, и на дорогу упал камень, длинный и острый, который он зажал в кулаке, пока кричал на него так внезапно наехавший помещичий приказчик.

Помнит еще Худроут, как чужие люди выносили из отцовского дома, тесного, темного, с земляным полом, кошму, котел, одеяло, какие-то тряпки и мать умоляла их, кланяясь им, просила о чем-то, но эти молчаливые торопящиеся люди с сонными лицами и остановившимися глазами, казалось, ослепли и оглохли. Они не глядели на бедную, в слезах, Сафармо и не слушали ее просящих слов. За воротами они бросили вещи на арбу, переполненную всяким скарбом, и сами влезли и сели поверх него, молчаливые и непреклонные.

Солнце заходило, и далеко было видно, как пылит в красной пыли темная арба, увозящая нищее крестьянское добро. Но Худроут был еще мал, чтобы понимать, что произошло, и он хотел утешить мать и прижимался к ней. Она, вытирая слезы тыльной стороной левой руки, правой рукой гладила его по голове и шептала непонятные слова.

Потом Худроут помнит слонов. Розовым весенним утром два огромных животных шагали по дороге мимо деревни. Посмотреть на них сбегались люди со всех сторон. Слоны остановились, важно оглядываясь. Вожак одного из них, сидя почти на самой слоновой голове, разговаривал с крестьянами, спустив свои ноги так, что ступни их были спрятаны за широкими шершавыми слоновыми ушами. Слоны, видимо, были на простой прогулке, потому что на них не было корзин — гауд — и они были покрыты только толстой красной попоной с золотистой бахромой. В руках у Худроута было несколько соломенных жгутов, из которых он хотел сделать кукол для игры. Но слон так осторожно, что Худроут не успел даже вскрикнуть, взял кончиком хобота у него из руки соломенный жгут, взглянул на мальчика своими маленькими, хитрыми глазами, точно подмигнул ему, высоко поднял в воздух жгут, раскрошил его и соломенной крошкой посыпал себе голову. Он сделал это так быстро и весело, что все вокруг засмеялись, а Худроут протянул другой соломенный жгут второму слону, и тот, похлопав ушами, взял у него жгут так же, как и первый слон, раскрошил его, но прежде, чем посыпать себя, вытянул хобот и посыпал сначала голову Худроута соломенной крошкой.

Все развеселились еще больше, но вожаки что-то сказали слонам, и два гиганта, грузно ступая сильными, тяжелыми ногами, раскачиваясь, как бы лениво пошли по дороге. Но долго еще смотрел им вслед Худроут и долго встряхивал головой и с удивлением рассматривал соломенные крошки, которыми была посыпана его голова.

Худроуту шел уже седьмой год, когда в селении наступили какие-то шумные дни. Взрослым было не до детей. И дети бродили, где хотели. Худроут научился лазить на дувал по выбоинам в глиняной стене и смотреть оттуда на дорогу. Раз он увидел, как по дороге шло много людей, и все они шли к зеленой лужайке у тех трех ореховых деревьев, которые были много старше самого старого старожила, много старше самого селения.

Вместе с мальчишками Худроут пробрался к старым ореховым деревьям, и мальчишки помогли ему вскарабкаться на толстый сук, с которого хорошо было видно, что делается на лужайке. Там сидели и стояли, разговаривая, крестьяне. Женщин не было. Были только мужчины. У многих было оружие. То один, то другой выходил на середину и говорил резким, гортанным, сильным голосом что-то такое, на что все остальные отвечали такими же резкими, сильными криками и трясли винтовками в воздухе. Кое-где сверкали обнаженные кинжалы и шашки. Потом тихим, почти вкрадчивым голосом говорил низкоплечий толстый человек в большом тюрбане. Он говорил, временами пел и, ведя свою речь все более тонким и гнусавым голосом, закончил криком, таким пронзительным и долгим, что птицы поднялись с деревьев и заметались над головами в начинавшем угасать вечернем небе. После этого крика старик сел и как бы впал в сон, потому что голова его склонилась набок и вся фигура погрузилась в покой.

Тут вышел, как танцовщик, перебирая ногами, дервиш. На его впалых лиловых от загара и грязи щеках виднелись клочья рыжих волос. Он царапал землю ногами, похожими на спицы. Его глубокие и скользящие по сторонам глаза горели холодным, каким-то голодным блеском. Вдруг, точно ужаленный, он подскочил на месте и простер руки.

Рыжая мохнатая шапка его опустилась до бровей, глаза закрылись. Он дико крикнул, и этот крик долетел до вершин многоветвистых, масляно-черных на закате деревьев.

Дервиш начал медленно кружиться, как будто ввинчивался в землю. Потом, точно отброшенный землей, он высоко подпрыгивал и кружился, как волчок, пущенный непонятной силой.

Когда он останавливал свое кружение, все видели, что пена текла по его сизой бороденке, обнажались неровные длинные зубы, один глаз полуоткрылся и был злобен и страшен. Все быстрее и быстрее кружился он, выкрикивая по временам какие-то клятвы или ругательства.

Люди шумно вздыхали, кое-кто всхлипывал от переживаний, кое-кто ударял себя кулаком в грудь. Иные плакали от умиления. Ужаснее всего были руки дервиша. Они то взвивались, как палки, над головами, то складывались, как будто ломались, надвое, то извивались и раскачивались в стороны, касались земли.

Они устремлялись вперед, душили и сжимали невидимого врага. Они рубили невидимой шашкой, потом в изнеможении падали и снова бились над головой.

Маленький Худроут смотрел, весь дрожа, ничего не понимая и только чувствуя, что все его существо напряглось и насторожилось и если он чуть разожмет пальцы, то упадет с дерева и разобьется о землю, не почувствовав боли.

Каждый из крестьян не раз видел подобные неистовства захожих нищих дервишей. Они особенно никого не страшили и не удивляли. Люди знали, что после всех этих прыжков и завываний дервиш попросит чаю и лепешек, богатый подарит ему платок или туфли, накормит пловом.

Но сегодня — и все понимали это — дервиш не спросит ни подарка, ни чаю, ни туфель. Сегодня дервиш требовал другого.

Остановившись и только слегка покачиваясь, дервиш выхватил из-за пояса нож и ударил себя по голому, почти черному плечу. Все видели, как на белом лезвии ножа свернулась и прыгнула в сторону темная капля, за ней другая и третья. Дервиш, все еще покачиваясь, ударил себя по другому плечу, и снова кровь брызнула на его лохмотья. Тогда он нагнулся и подал нож ближайшему из сидевших, захлопал в ладоши, издал воющий вопль и упал, как мешок, на землю.

Тут все вскочили, всё смешалось в крике и шуме. Худроут не помнил, как его сняли с дерева, кто принес его домой. Он только на всю жизнь запомнил круглую, совершенно круглую луну, стоявшую над домом, отца, которого окружили вооруженные люди, мать, которая плакала в стороне, закрывшись с головой покрывалом, присмиревших собак и звон и лязг оружия, которого было так много, что казалось, звенит вся земля вокруг. Отец обнял Худроута, поднял его в воздух, прижал к своей колючей щеке его лицо и опустил на землю, сказал что-то непонятное, что-то о воде, о земле, о нем, Худроуте, и о том, что надо наказать предателей ислама.

Потом вся толпа куда-то двинулась, звеня оружием, и остались только Худроут и мать. Маленькая сестра спала в колыбели, и ее не касались ни дурная бестолочь этой ночи, ни внезапная пустота села и тишина. Издали долетал смутный гул и далекий, приглушенный собачий лай.

Проходили месяцы. Деревня жила тревожно. Приходили разные люди, возвращались крестьяне, ушедшие в ту ночь, но уже не было ни оживления, ни крика. Наоборот, теперь собирались по домам и дворам, говорили тихо и боязливо оглядывались. Мать плакала с утра до вечера. Маленькая Сабзбагор — Цветок весны — кричала в колыбели. Худроут понял своим детским умом, что отец больше не вернется обратно, никогда не вернется. Раз пришел в селение высокий, худой человек с таким же высоким, худым ослом. Худроут никогда раньше не видел его.

— Я твой дядя Хурам,— сказал он ласково Худроуту, рассматривая пристально мальчика,— я брат твоей матери, и я пришел помочь вам.

Но недолго этот грустный и ласковый человек жил в доме. Не прошло много времени, как снова пришли те молчаливые, озабоченные и равнодушные люди, что приходили и раньше, и снова вынесли из дому последние кувшины, чашки и тряпки. Только теперь уже мать не плакала. Она взяла на руки маленькую Сабзбагор и ушла к соседям, а дядя молча стоял на дворе, загородив загон с высоким, худым ослом, как бы готовый защищать его до последней капли крови.

А немного позже Худроут пошел с дядей в поле. Там уже стояли кое-где люди, и нельзя было понять, о чем они думают, так неподвижно стояли они над тесными канавками, глядя в них, точно видели там что-то необыкновенное.

Над такой же канавкой стоял и дядя с Худроутом. Дядя оглядел поле, длинной палкой, с которой никогда не расставался, потрогал потрескавшуюся горячую, рассыпающуюся в порошок глину и сказал:

— Вот и все, Худроут...

— Что все, дядя Хурам? — спросил мальчик.

— Отняли у нас воду, мальчик. Не будет больше воды в этих арыках...

— Что же мы будем делать без воды, дядя?

— Без воды здесь нечего делать, дорогой. Ну, пойдем...

И они тихо, как с кладбища, шли по этим печальным полям домой, и земля шуршала у них под ногами, точно жаловалась на свое горе.

А через три дня дядя Хурам сказал Худроуту:

— Надо уходить отсюда, сынок; помоги мне навьючить осла.

— Что же это такое, дядя? — спросил, боясь чего-то ужасного, что должно случиться, мальчик, но дядя просто ответил, как будто не случилось ничего особенного:

— Когда вырастешь, Худроут, все узнаешь. А сейчас долго рассказывать. Надо уходить...

— А мама? — сказал упавшим голосом Худроут.

— Маму и Сабзбагор возьмет к себе сестра, а ты будешь со мной.

И они ушли в тот же вечер по каменистой, неровной дороге на восток, когда солнце стало спускаться за выси далеких, сизых, прозрачно-голубых хребтов. Копыта осла гулко и легко стучали по пустынной, тихой дороге. Мальчик шел рядом с ослом, а впереди них шагал коротким шагом опытного пешехода высокий, худой человек с большой бородой, печальными ласковыми глазами, сжимая крепкими коричневыми пальцами высокую палку, придававшую ему вид пастуха.

Начались годы долгой кочевой жизни среди таких дебрей, куда вели только узкие тропинки, где вставали над головой такие горы, что не видно было неба из темных, сжатых каменными стенами ущелий, где леса охватывали в жаркий день осенним холодом, а в пропасти лучше было не глядеть.

Дядя Хурам нанялся помогать кочующему продавцу, который торговал в этих мрачных краях, не боясь, что его ограбят, или что его товар утонет в одной из здешних бешеных речек, или осел сорвется с кручи в бездонную щель, поскользнувшись на обледенелом камне.

В тюках предприимчивого торгаша были и шукры — черные шерстяные халаты,— и дешевые шелка, и шелковые разноцветные ленты, деревянные и металлические гребешки, стеклянные бусы, иголки и нитки, оловянные кольца, медные запястья, красивые коробочки и рукоятки для ножей.

Вместе с дядей странствовал по этой неуютной стране и Худроут, ведя дядиного осла через животрепещущие горные мостики и отдыхая в каменных холодных домах высокогорных селений. Иногда дядя оставлял его на попечение своих друзей, оберегая мальчика от слишком утомительного или опасного пути.

Мальчик рос, как растут деревья в этих горах, так же естественно принимая все перемены климата, как и эти питомцы дикой горной флоры, украшающие каменистые склоны.

Сидя в жалкой горной хижине перед огнем, разложенным прямо на полу, слушая рассказы любителей поговорить на языке, который он сначала почти не понимал, он засыпал, прижавшись к мешку с кукурузными початками или к старому, выцветшему чавалу.

В этом горном мире не существовало школ, учителей, книг. Дни были похожи один на другой, и только смена времен года вносила разнообразие в суровую, бедную, темную жизнь ущелий и долин, население которых совсем не представляло себе, что происходит на свете, да это его и не очень интересовало.

Худроут подружился с местными мальчишками, очень ловким, сильным и независимым народцем. Раз дядя, вернувшись из одного из своих головоломных путешествий, нашел его лежащим на старом одеяле, с лихорадочным блеском в глазах. Дядя Хурам перепугался, решив, что он серьезно заболел.

Но мальчик признался, что он попробовал принять участие в игре местных мальчишек и ему не повезло. Он сел на одеяле и, размахивая худыми руками, волнуясь, рассказывал, что не мог не принять участия в забаве, раз его пригласили. И пусть дядя не думает, что он подвел свою партию, нет, ему просто не повезло.

Игра заключалась в том, что нужно было отстоять от нападающей стороны начертанный на плоской крыше круг. Но защитники и нападавшие не просто толкали друг друга. Нет, каждый должен был схватить правой рукой большой палец левой ноги и прыгать только на одной ноге и действовать только одной рукой. Если бы дядя знал, как это весело! Нельзя выпустить пальцы ни в каком случае. Можно было только в пылу игры переставлять ногу и перехватывать другой рукой.

Нападение и защита дрались ожесточенно. Можно было хватать противников за волосы и, уж, конечно, получив ссадину или царапину, не показывать вида, что тебе больно. Но так как игра происходила на крыше горного дома, то нужна была немалая ловкость, чтобы не слететь с нее вниз. И он, решительно отбив атаку противника, поскользнулся, наступив на орех, потерянный кем-то из игроков. А это случилось у самого края крыши, и он полетел вниз и упал с головой в большой сугроб мягкого снега. Он нырнул в него, как в речку, и все же сам вылез оттуда, без посторонней помощи, и только дома все тело разболелось, и он спал почти сутки. На его лице, руках и ногах было много порезов и ссадин, и дядя решил не оставлять его больше в такой глуши, где даже в игре можно сломать голову, и взял его с собой.

Время шло. Дядя нашел другую работу. Он не отпускал от себя Худроута, и они теперь жили вместе в горных лесах, в тех местах, где срубали большие деревья и пускали их, обрубив ветви, вниз по громко шумевшей реке. В самом конце ее эти бревна вылавливали и, как говорили люди, отправляли их в Кабул и даже в далекую Индию.

Густые сосновые и кедровые леса с их ме-

ланхолической величественностью, дубовые леса с подлеском из боярышника и дикого миндаля, такие же простые и гордые люди, которые боролись с огромными деревьями и побеждали их, жизнь на берегах летящей день и ночь реки, крутящейся среди скал,— все это не могло не отразиться на характере юного Худроута.

Он сам охотно принимал участие в битве с гигантским кедром, и когда с треском поверженного лесного владыки сливался грохот падавших в реку камней, Худроут обрубал огромные зеленые ветви, стоя по уши в холодной, живой хвое, трепещущей, как будто что-то желающей рассказать ему перед тем, как она умрет, отделившись от тяжелого, великолепного в своей даже поверженной мощи ствола.

Он не боялся ни отвесных уступов, ни стремительных вод, как бы приглашающих храбрецов испытать их силу, ни горных духов, о которых лесорубы любили поболтать перед сном у лесного костра.

Им часто приходилось, переходя с участка на участок, останавливаться среди пастушьих кочевий, и тогда они ночевали с пастухами в особых домах-загонах, называемых в этой стране пшалами.

Однажды, утомленные длинным подъемом по отвесным, скользким тропам, они добрались до большой цветущей поляны, окруженной скалами причудливой формы и с широким видом, который заставил их забыть усталость и остановиться. Большими волнами подымались горы, покрытые лесами и кудрявыми кустарниками, с зелеными лужайками и покатыми полянами, за ними вставали голые, темноликие скалы, кое-где украшенные соснами, за ними высоко подымали свои головы горы, осыпанные новым снегом, ослепительно блестевшим своими изломами.

Пшал был прислонен к скале с большим каменным навесом и хорошо предохранен от дождей и от катящихся со скалы камней, смытых дождями. Снаружи пшала лежали горки козьего помета, внутри на огне трещали сухие ветки. Перед огнем сидели пастухи. Дядя Хурам нашел знакомых, и они приветствовали его, как полагается по обычаю.

Худроут, напившись молока с горячими пресными лепешками, сначала слушал, как пастухи расспрашивали дядю про сплав леса, про виды на урожай в Боковой долине, мешая сучья на огне своими черными, крепкими пальцами, потом стал дремать и незаметно уснул.

Когда он проснулся, огонь уже догорел. Все спали, как кто нашел наиболее удобным. Полумрак стоял в помещении, храп и хрип спящих смешивались с блеянием козлят в загоне, шорохами и вздохами спящих животных, шевелившихся во сне. Худроут ощупью нашел засов, открыл дверь и вышел из помещения.

Он прошел по поляне к ее краю и лег на траву. Луна стояла над дальним хребтом, и снега излучали голубоватый, острый свет, который дрожал, как легкий туман, отделившись от снежных стен. Зубцы лесов, залитые лунным сиянием, побелели, а нижние ярусы леса падали в разрезы ущелий, сливаясь с их чернотой. Травы пахли резко и крепко, напоминали чем-то запах цветущей джиды. Худроут лежал, вдыхая в себя благодатный, освежающий холод ночи, вбирая в себя этот ошеломляющий, широкий простор, это звездное небо, на котором, переливаясь, мерцали холодные, чистые, большие звезды. Огромность и тишина горного ночного мира делали Худроута маленьким, растворенным среди спящих громад, великодушно допустивших его в свое общество великанов.

Худроут в то же время испытывал большое, непонятное ему волнение. Восторг перед всем, что он видел, переполнил все его существо. Он чувствовал, как будто стал больше, сильнее, крепче. Он очень вырос за последнее время. Его тонкие железные ноги не боялись ни острых камней, ни ледяной воды, ни колючих кустарников. Ночной ветерок овевал его крепкую грудь, а рукам было приятно сжимать колючую, жесткую траву поляны.

Он не мог бы сказать, сколько он так лежал, не думая ни о чем, весь во власти смутных ощущений, не отводя глаз от тех перемен, которые производила луна в горном мире.

Она передвинулась к востоку, и там, где были блески снегов, стояло теперь зеленоватое, блещущее иглами облако, как будто снега дымились. Дальние ущелья осветились, и их отвесные стены забелели, а чернота перекинулась на другую часть хребтов, и там уже все потонуло во мраке.

Худроут перевел глаза на поляну, и ему показалось, что какая-то вихляющаяся тень направляется к скалам, у которых он лежал. Мгновенно рассказы о горных духах пронеслись в его голове. Но он только резко вскочил на ноги и прислонился к камню. И как только он встал во весь рост, тень стала определенно приближаться и сгущаться, и, присмотревшись внимательно, Худроут увидел дядю Хурама, медленно и неуверенно идущего к нему.

Тогда он сам пошел навстречу и скоро стоял рядом с дядей, смущенным и не опирающимся на свою высокую палку.

— Это ты, Худроут? — спросил дядя, подходя.

— Я, дядя,— ответил Худроут.— Вас тоже выгнала духота? Там, в пшале, очень душно...

— Я плохо сплю, Худроут,— сказал тихо дядя, и тут Худроут первый раз за все годы увидел, как постарел дядя Хурам.

Они сели у тех же скал, где лежал на траве Худроут, и смотрели на горный простор несколько минут молча. Худроут разглядывал дядю Хурама, как будто видел его впервые.

Перед ним сидел старый человек, с глубоко запавшими глазами, с усталым лицом, с бородой, в которой лежали серебряные нити, с худыми руками, на которых выступали жилы, в поношенной одежде и в полурваном плаще, который носят жители Боковой долины, отправляясь в дорогу. Резкие черты лица под луной еще больше заострились. Большие глаза смотрели печально.

Худроут взглянул на луну, и она вдруг напомнила ему ту ночь, когда отец уходил из дому неизвестно куда.

Никогда Худроут не спрашивал об этом дядю Хурама, и никогда тот не разговаривал с мальчиком о тех давних днях.

Сейчас Худроут заговорил первый:

— Помнишь, дядя Хурам, ты мне раз сказал, давно-давно, что придет время, и я все узнаю? Дядя Хурам, время пришло!

— Я сказал не так,— дядя Хурам повернул к нему свое усталое лицо, и на нем мелькнула тень улыбки,— я сказал: когда ты вырастешь, ты все узнаешь. Разве ты уже вырос?

Худроут посмотрел в широко открытые глаза, смотревшие на него с каким-то новым выражением.

— Дядя Хурам, потрогай мои колени, потрогай мои руки, плечи и грудь. Я вырос.

Дядя Хурам молча коснулся его руки. Он сидел так тихо, что Худроуту начало казаться, что он засыпает, прислонившись к камню.

С закрытыми глазами сказал дядя Хурам:

— Он отошел к милости аллаха в битве, твой отец. Тогда ты был мал. Народ поднялся против неправды и голода. И твой отец был с народом. Мы выиграли битву, и мы проиграли ее. Нас обманули дважды. Нас обманули сын Водоноса — Баче-и-Сакао — и муллы, шедшие с ним. Они обещали, что у крестьян будет земля и вода, будет жизнь. Но, став эмиром, сын Водоноса стал еще больше угнетать нас. И когда его повесили в Кабуле, его и его помощников, снова обманули нас, говоря, что теперь будет жизнь. А потом чиновники пришли и отняли воду... Земля высохла, люди ушли кто куда...

— Что же будет дальше, дядя Хурам? Ты все знаешь, скажи.

Старик открыл глаза, и теперь они были почти веселые.

— Ничего я не знаю, сынок. Я брожу, как могу. Но я стал уставать, сынок. Ты это, наверное, заметил. Я уже не тот, что был. Раньше, в молодости, я возил оружие в эти горы, а теперь мы с тобой привозим стеклянные бусы, и перочинные ножи, и складные зеркальца. В молодости я сражался в этих лесах, а теперь мы рубим эти деревья и бросаем в реку их трупы, чтобы потом там, в Индии, из них сделали дорогу, по которой идут большие ящики на колесах, которых ты никогда не видел.

Помнишь ты того доброго работника, высокого осла, что вез тебя в горы, когда ты был совсем маленький?

— Помню, дядя... Я очень любил его.

— Помнишь, как раз он лег у дороги и больше не встал? Но он довез порученный ему груз... Так и я. Я не знаю день, когда я довезу груз, но я так же лягу у дороги, как он, а ты, сынок, пойдешь дальше...

Худроут встал и сказал со всем пылом юности:

— Дядя Хурам, я вырос, я сильный, я буду еще сильней, и я буду работать, а ты будешь отдыхать.

Дядя Хурам встал тоже и обнял его. Под большим ночным небом на большой поляне стояли две маленькие фигурки так неподвижно, что их можно было принять за камни, которые так ловко ставятся на крыши пшала, что их принимают за людей.

Дядя Хурам отступил от Худроута, осмотрел его тонкую, крепкую фигуру и пошел по поляне. Худроут шел рядом с ним.

— Мы уйдем из лесов,— сказал дядя Хурам.— Мы поищем другой жизни, может быть, нам будет лучше, хоть немного лучше...

У самого пшала их остановил пастух. В раскрытом тулупе он шарил по земле, ища оброненную трубку. Увидев дядю Хурама, он забыл, что делал, и, похлопав его по плечу, сказал:

— Э, старый, звезды смотришь? Гадаешь? А знаешь, что я тебе покажу? — И, задерживая дядю Хурама сильной рукой, он показал другой рукой на небо и сказал: — Видишь эти звезды? — Он показал на Большую Медведицу.— Видишь четыре звезды? Это кровать, а первая звезда в хвосте — это муж, вторая — жена, а третья — любовник. Хо-хо-хо! Так и бывает, запомни, старик,— сказал он и, вспомнив, что потерял трубку, снова начал шарить между камнями.

Дядя же, миновав пьяного пастуха, сказал Худроуту:

— Мы уйдем из лесов, сынок!

И они ушли из лесов и некоторое время жили среди людей, занимающихся перегоном скота с высокогорных пастбищ в долины через перевалы, и помогали им в этом трудном деле. Теперь они жили среди быков и овец, коз и баранов, среди трав и ручьев, низких, голых гор и бедных деревень Бадахшана.

Дядя Хурам имел такой открытый характер, умел так просто объяснить какой-нибудь сложный спор скотоводов, так хорошо знал скот, как только может знать крестьянин, лишенный своего крестьянского хозяйства.

Овечье молоко с растопленным маслом, это любимое кушанье горцев, Худроут пил теперь в гостях у старых пастухов, советовавшихся с дядей Хурамом о состоянии перевалов, через которые приходилось перегонять отары.

После той ночи у горного пшала Худроут разговаривал теперь с дядей Хурамом, как взрослый со взрослым, и ему было приятно, что дядя Хурам внимательно слушает его и серьезно отвечает на его иногда очень наивные вопросы. Он спрашивал у него совета или хотел убедиться, что правильно поступил в том или другом случае.

— Дядя Хурам,— обычно начинал он издалека,— если вы имеете время меня послушать, я хочу вас спросить...

И всегда дядя Хурам говорил:

— Говори, сынок, я тебя слушаю.

— Дядя Хурам, в прошлом году там в лесах я шел как-то вечером мимо деревни. И меня окликнули с дерева. Меня не позвали по имени, но позвали, как зовут у них путника. Я остановился, потому что думал, что это относится не ко мне. Но опять раздался голос с дерева, и я увидел, подойдя ближе, что на тутовом дереве стоит молодая женщина и ест спелые тутовые ягоды. Она улыбалась мне и звала с собой. Когда я сказал ей, что не хочу лезть на дерево, она соскочила и стала приглашать пойти с ней. Она очень волновалась, но я не пошел. Хорошо ли я сделал, что не пошел с ней?

— Женщина! Что ты знаешь о женщине, мальчик! Ты сделал хорошо,— сказал дядя Хурам,— потому что тебе жениться на ней нельзя: жители гор не признают такого брака, а если она замужняя, то тебе пришлось бы платить большой штраф или твоя жизнь была бы в опасности. Сынок, дорогой, вот подожди, мы разбогатеем и тогда найдем тебе такую жену, что нет лучше... У меня есть кое-какой план, и если он удастся, то мы будем с тобой есть на серебре, как сам эмир... Подожди немного, у нас будет и на жизнь и на жену.

Двигаясь с отарой овец, пришли они в такое населенное место, что у Худроута широко раскрылись глаза. Ничего подобного в жизни он еще не видел.

Это был просто большой кишлак, но для Худроута, знавшего бедные и неуютные жилища горцев, здешняя жизнь показалась великолепной.

«Так, наверное, выглядит преддверие Арка, дворца, где живет эмир»,— подумал Худроут.

По улицам ходило много людей в разноцветных халатах. Проезжали всадники, проходили тяжело нагруженные верблюды. Запахи горячего плова, жареного мяса и разных вкусных соусов щекотали нос. Над всем царствовал запах горячего бараньего сала.

В чайхане в облаке пара стоял огромный начищенный самовар. На коврах молча сидели с пиалами чая посетители, а от лавок шел такой гул, как будто дыни, арбузы, абрикосы, гранаты были предметом яростного спора, который никак не мог кончиться.

Оставив дядю Хурама в чайхане, Худроут, как игла, прошивал толпу, наполнявшую базар, и все никак не мог надивиться и всем шумам и всей пестроте, окружавшим его. То он смотрел на красивый палас, выставленный у ковровой лавки, то уличный фокусник привлекал его внимание, то продавец сластей так расхваливал свой товар, что нельзя было не заслушаться,— словом, наконец, чтобы немного отдохнуть от непривычных впечатлений, он пошел по кишлаку в сторону от базара.

Он шел быстро и скоро оказался в тихих, узких улочках, куда уже не долетали крик и шум базара. Тут был небольшой арык с журчавшей светлой водой, и над ним стоял старый карагач с тяжелой душной папахой темнозеленой листвы.

Худроут присел на корточки, подставил ладони, и холодные струйки вбежали в ладони, как бы резвясь. Он выпил немного этой хорошей, прозрачной воды, поднял глаза и увидел, что против него в нескольких шагах стоит женщина, вся закрытая покрывалом, спадающим самыми причудливыми складками по ее тонкой фигуре.

Он смотрел на эту женщину с таким же странным чувством любопытства, с каким он только что смотрел на фокусника там, на базаре. Ему казалось, что и здесь он увидит что-нибудь удивительное.

И он увидел. Из-под покрывала показались тонкие пальцы, такие тонкие и розовые, каких он ни у кого не видел, и эти тонкие пальцы откинули покрывало, и перед ним засияло такое лицо, что появление его можно было отнести к любому колдовству или фокусу.

Правда, все это длилось мгновение. На него с тонкого, продолговатого, с легчайшим налетом волнения, разрумянившегося лица смотрели большие, прямо в сердце идущие глаза с высокими бровями, как бы в удивлении поднявшимися над неиссякаемо ярким светом двух звезд, которым они служили чудным дополнением. Пунцовые губы сначала были сжаты, потом они раскрылись в такой улыбке, перед которой та горская женщина с тутового дерева могла заплакать от бессильной зависти.

Эти глаза смотрели на него, эти губы улыбались ему, а что же он? Правда, они не приглашали его за собой, и когда он сделал движение перепрыгнуть арык, чудное видение скрылось за стеной с быстротой ускользающей маленькой птички, и только захлопнутая под носом дверца ясно и жестко говорила о том, что именно отсюда это видение только что появилось.

Худроут долго сидел у арыка, не сводя глаз с крепко запертой дверцы в дувале, потом он грустно встал и пошел в шум базара, к чайхане, где ждал его дядя Хурам.

И когда он, полный смятения и трепета, хотел сразу же просить совета у дяди Хурама, тот в полном экстазе, возбужденно и порывисто, чего с ним никогда не случалось, сам схватил его за руку, увлек в сторону и, не дав ему сказать ни слова, заговорил быстро, так быстро, что первых слов его Худроут даже не разобрал. А дядя Хурам говорил о том, что теперь они близки к тому, что будут наконец богаты. Пусть он никому не проговорится, но знакомый и друг Хурама открыл в долине реки Кокчи такое место, где золото чуть не под каждым камнем. Но это тайна, этого никто не должен знать. И сначала туда пойдут только тот человек и Хурам, а потом он даст знать о себе Худроуту, и он тоже пойдет туда. Но сейчас он устроил пока Худроута в помощники к тому старому чабану, который его хорошо знает. Они будут недалеко кочевать со стадами и все ближе к реке Кокче, а там они объединятся и купят себе все, что хотят, и жену, конечно. Он же не раздумал, Худроут, жениться...

Он сказал это, смеясь, но Худроут уже ничего не мог рассказать о своей встрече в кишлаке. Что-то мешало ему сказать об этом, особенно после последних слов дяди. Он, привыкший слепо слушаться и советов и указаний дяди, не мог ничего возразить против того, что предлагал делать дядя Хурам.

А тот, разгоряченный тем, что его старый план разбогатеть, повидимому, близок к выполнению, весело говорил:

— Да, сынок. Добрые вести пришли от матушки Сафармо и твоей сестрички Сабзбагор! Они живы и здоровы и шлют тебе приветы. Я встретил тут человека из наших мест... Ну, пойдем теперь к тому другу, но помни, о нашем разговоре ни слова. Это наша тайна. Никто не должен знать...— И он взял слово с Худроута, что тот будет молчать, как могила.

В тот год, когда пришло известие о том, что матушка Сафармо отошла к милости аллаха, а маленькую Сабзбагор — Цветок весны — выдали замуж за сельского сапожника и дядя Хурам утонул в реке Кокче, так и не добыв золота, Худроута взяли в солдаты.

Его учили и днем и ночью. Днем он лежал на пыльной, горячей земле, и офицер оттаскивал его за ногу, как тюк, если он занимал неправильную позицию при стрельбе лежа. Потом он выполнял ружейные приемы стоя и с колена.

Он учился ходить, выкидывая далеко вперед носок, потом останавливался по команде и сразу, ударив прикладом, резко поворачивался и продолжал маршировать в другую сторону.

Ночью он нес караульную службу. То он охранял старый, пустой склад, то конюшню, то стоял у квартиры командира батальона.

Когда он достаточно преуспел в своем деле, его отправили на границу, и он был первое время вестовым при субадоре — помощнике командира роты,— так как обнаружилось, что он понимает толк в лошадях.

Жизнь на границе была тосклива и скучна.

Каждый день субадор в сопровождении вестовых, из которых один был Худроут, выезжал на объезд участка.

Узкое ущелье с нагроможденными скалами, до неба поднимавшими свои могучие камни, перерезалось рекой, сжатой так, что клочья пены взлетали над ревущим потоком, тщетно пытавшимся расширить свое русло. Полумрак и водяная пыль стояли над нависшими сводами береговых уступов. Лошади пугливо трясли ушами при грохоте реки, похожем на канонаду.

Бывали места потише, где стены ущелья расступались, точно сговорившись, и раз в таком месте впервые в своей жизни Худроут увидел самолет. Он уверенно шел по ущелью, и рокот его мотора далеко разносился по сторонам. На его крыльях были красные звезды.

Субадор смотрел вверх, некоторое время следя за полетом, потом плюнул и сказал, внезапно рассердившись: «Гуди, гуди, у нас в Кабуле тоже есть два таких».

Как уже заметил Худроут, субадор часто сердился по самым непонятным причинам. Так, он, расспрашивая как-то Худроута, откуда он и кто был его отец, страшно вспылил, узнав, что отец погиб в сражении за Кабул при Баче-и-Сакао, и, хлеща стеком по столу, закричал: «Уж эти кугистанцы! Все они собаки и разбойники!» И выгнал Худроута из комнаты.

Субадор был зол на весь мир: он считал, что начальство отправило его сюда, в эту каменную дыру, по каким-то проискам его врагов, и солдат посылает ему нарочно ненадежных или тупых, вроде этого кугистанца, и что булюк-мишр — взводный командир — приставлен к нему, чтобы следить за ним и доносить обо всем начальству.

Вечером он выходил за ворота своего маленького укрепления и снова сердился из-за того, что у него была больная печень, из-за того, что идти было совершенно некуда, так как в чахлой рощице лежал жаркий кишлак, собаки которого всегда бросались на его лошадь, когда он проезжал через него, и это были самые гнусные собаки на свете.

Так стоял он и тоскливо оглядывал пустое, унылое поле и дикие склоны, над которыми, как бы грозя, высовывался страшный ледяной кулак какой-то вершины.

И вдруг он услышал песню. Резкие, но сильные звуки молодого голоса доносились откуда-то от реки. Что-то воинственное и дико-веселое было в этой непонятной песне, что-то оскорбительное для его начальственного могущества, как представителя власти. Гордая, резкая песня как бы оспаривала его власть над зловещим молчанием этих забытых аллахом мест.

— Кто поет? — рассердившись, закричал он.

Солдат, звякая ружьем, побежал к берегу и через минуту — другую вернулся с Худроутом.

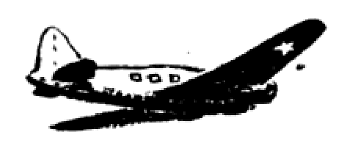
— Опять этот кугистанец! Нет от него покоя!

Солдат доложил субадору, что пел вот он, Худроут.

— Что ты пел? — спросил субадор, чувствуя, что его душит ярость, что он не может видеть без злости этого красивого, статного, крепкого, как горный козел, юношу.

— Это поют горцы Боковой долины,— сказал Худроут,— это боевая песня...

— Эти проклятые кугистанцы будут еще у меня под ухом распевать свои проклятые песни?! Чтоб я больше ее не слышал! И никаких песен чтоб здесь не было! Понял? Давай лошадь!

Тут же выяснилось, что его любимая лошадь захромала.

— Это невозможно! — закричал субадор и с яростными ругательствами пошел в свое жилище.

Там его ждало единственное забвение: он курил анашу. Когда он глотал горьковатый усыпляющий дым, заволакивавший все черные мысли, он чувствовал себя удивительно сильным, храбрым и счастливым. Исчезали неуверенность, подозрительность и злоба на мир. Хорошую анашу достали ему в этот раз!

Но едва он протянул руку за маленькой трубочкой и коробочкой с анашей, как вошел ненавистный булюк-мишр — взводный командир, его тайный завистник и шпион.

— Вы не можете ехать завтра на вашей лошади.

— Почему? — спросил так резко субадор, что булюк-мишр чуть отодвинулся.

— Потому что она расшибла ногу при проездке и ее нужно лечить...

— Кто выводил ее? — спросил уже тише субадор, злясь еще и оттого, что ему помешали погрузиться в состояние чудного опьянения.

— Худроут, этот молодой горец.

— Они мне шею перережут, эти проклятые кугистанцы, — сказал субадор уже спокойно, но в глазах у него бегали злобные, острые огоньки. — Он мне испортит жизнь здесь вконец.

— Он хороший, исполнительный, скромный юноша,— сказал булюк-мишр, знавший все особенности характера своего начальства.— Он не виноват. Лошадь испугалась верблюжонка и бросилась на камни.

— Вы все не виноваты, — сказал субадор,— вы все не виноваты, что я тут пропадаю по неизвестной причине! Они там в Кабуле веселятся...

Тут он замолчал, чтобы не сказать лишнего, и вдруг ему пришло в голову одно решение, которое показалось выходом.

— Отправь этого кугистанца на пост...

— На какой? — спросил булюк-мишр.

— Отправь его на пост Пещера.

— Пещера! Но там мы давно не ставим часовых. Там нехорошее место. Бывают обвалы... Раз там замерз часовой, помните, когда упала лавина...

— Да, да, — сказал субадор,— вот именно, отправь его в Пещеру и не снимай сутки. Пусть он оставит свой дерзкий вид, проклятый кугистанец! Иди!

На другой день к вечеру Худроут в сопровождении солдата и молчаливого аваляндора — отделенного — подымался по узкой, едва умещающей солдатские сапоги тропке, и только его привычные к горным переходам ноги не дрожали. Еще перед подъемом солдат сказал:

— Пещера — худое место.

— Почему? — спросил Худроут.

— Там нехорошо. Туда раз послал солдата субадор, и его засыпал обвал.

— А еще что там? — спросил Худроут.

Но солдат твердил только одно:

— Там нехорошо человеку...

— А ты сам стоял там?

— Я — нет,— сказал солдат.— Там замерз один часовой, его засыпало снегом.

— Эй, вы там, пошли! — сказал аваляндор, и они начали подыматься по козьей каменистой дороге.

После недолгого, но утомительного подъема они вышли на скалу, где был пост, именуемый солдатами Пещера.

Сначала, когда вышли на эту маленькую площадку, Худроут увидел под ногами обрыв. Полный неясных мыслей, ошеломленный всей неожиданностью происшествия, он не огляделся как следует и только следовал за ведшим его аваляндором. Пещера была скорее навесом, но в ней были каменная скамья, каменный стол, на столе лежала ржавая банка из-под каких-то консервов, несколько стреляных гильз и надтреснутая пиала.

— Вот это Пещера,— сказал аваляндор.— Ты будешь следить за тем и этим берегом,— сказал он, подводя Худроута к обрыву.— Если будет опасность или ты заметишь кого-нибудь, кто хочет переправиться на ту сторону, стреляй; стреляй только при тревоге, помни, что по этому сигналу мы придем к тебе на помощь. Если хочешь пить, тут есть пиала, а тут есть родничок. Он был раньше лучше расчищен, но тут давно не было поста, и ты его можешь снова расчистить. Ночью тебе особо холодно не будет. Луна еще светит, но ночи темные, будь начеку. И стреляй только по тревоге...

Солдат, до последней минуты боявшийся, что его все же оставят вместе с Худроутом, искренне обрадовался, когда узнал, что он уйдет с аваляндором, и не скрывал своей радости. Поэтому он похлопал добродушно Худроута по плечу и сказал, подмигивая: «Ты горец, у тебя, наверное, есть заговоренные камушки». И они ушли, оставив Худроута одного на скале.

Худроут обошел еще раз маленькую, заваленную камнями площадку. За спиной Худроута висели скалы; там, где в скалах был прорыв, виднелись близкие неприветливые горы, за которыми вдали блестели на вечернем небе снежные глыбы какого-то большого ледника. Все, что было вокруг,— все это скопление каменных глыб, нагроможденных друг на друга, нависших над рекой, разбитых на куски и стекающих каменным потоком в реку, было безотрадно и сурово.

В ту сторону, где расположился пост, видны были склоны, у подножия которых лежал нищий, маленький кишлак, так ненавидимый субадором. Но отсюда не было его видно, и только куски маленьких полей намечались как черные заплатки внизу сиренево-черной горы, уже подернутой вечерней тенью.

Угрюмая и суровая природа, казалось, презирала человека и давила его своим каменным величием. Внизу перед Худроутом, бесконечно шумя, проносились волны той реки, которая день и ночь бросалась на берега, вся в пене и в водоворотах, точно все ее нутро клокотало от нестерпимой обиды и она мстила окружающему миру, изрыгая проклятия и стоны. Ярость, с которой она проносилась в теснине, пугала человека и заставляла его с тайным страхом глядеть в ее бешеные волны, непрерывно взлетавшие над камнями в середине реки и ударявшиеся с силой молота в каменные уступы берегов.

Эта река отделяла два государства, два мира, и Худроут теперь смотрел на неизвестный ему мир, так близко лежащий против него на другом берегу пограничной реки.

И этот новый мир был так удивителен, что Худроут больше не смотрел по сторонам. Его глаза впились в открывшееся ему пространство за рекой.

И там, за рекой, стояли горы, дымчато-фиолетовые гребни которых, как бы зовя за собой, уходили на север, где блистали далекие скалы, уже полузакрытые облаками. Но, спускаясь к реке, горы образовывали впадину, в которой, как в зеленой чаше, лежал кишлак. Его светлые дома подымались по взгорью между бегущих красивых пенистых петель ручья и множества зеленых деревьев, которые то выстраивались аллеями, то соединялись в группы, образуя сады.

Светлая лента дороги проходила по самому берегу, чуть выше реки, и далее поднималась в селение и пересекала его, уходя в горы, и долго еще виднелась среди срезанных углов горы, подымаясь все выше и выше, пока не закрывали ее громады.

В этом селении и на этой дороге шла непонятная и неизвестная Худроуту жизнь. По дороге шли большие машины, проезжали люди на велосипедах, шли женщины и дети, в садах и на улицах — всюду, в тени деревьев и в домах, люди делали свое привычное дело, и чем больше всматривался в это живое движение Худроут, тем более ему казалось это чем-то и знакомым и очень близким.

Этот светлый, так красиво раскинувшийся в тени садов кишлак напоминал далекое селение в долине, никак не похожее на это место, и вместе с тем он казался все же тем селением детства, перенесенным чудесной силой сюда и так преображенным, что сердце сжималось от грусти и боли.

Проходившая по самому берегу женщина несла маленького мальчика. Разве он не узнавал в этой женщине матушку Сафармо, а разве не он был крохотным мальчиком, которого она так нежно прижимала к груди?

Потом взгляд его, переходивший с жадностью с предмета на предмет, останавливался на мальчиках, шедших группой, в полосатых халатах и широких штанах. Они держали в руках книги и тетради.

Худроут, неграмотный и только несколько раз в жизни видевший книги, все же сразу узнал их, и новое волнение охватило его. Ему казалось, что он видит сам себя, но в каком-то другом виде — мальчиком, который возвращается из школы.

Да, и он мог быть таким... Пока он рассматривал все, что происходило в горном селении над рекой, в небе заметно потемнело, горы как бы надвинулись, верхи их, только что горевшие розовым золотом, стали зеленовато-холодными, и уже трудно было уловить, различить особенности уступов. В ущелье вошли тени, и тени упали с ближайших склонов.

Надвигался вечер. Неожиданно в небе показались высокие блестящие звезды, прикрытые полупрозрачным зеленым туманом, и в селении над рекой вспыхнули длинные, рассыпанные по горе огни. Они светились так ярко и тепло, что было видно ясно все, что происходит на улице, особенно на большой площадке, окруженной квадратом огней.

Худроут почувствовал холод. С гор тянуло ветром, пронизывающим до костей. Худроут посмотрел на гору за спиной. От этого нелюдимого пространства исходило такое чувство одиночества, сиротливости, заброшенности и даже какой-то скрытой угрозы, что он невольно сжал карабин. Там не было ни одного огонька. Никакой, самый маленький луч света не блестел в этой сырой, холодной сплошной тьме, которая докатилась до реки и погрузила все окрестности в безмолвие ночи, и только река, беснуясь, гремела как-то глухо из своего черного провала.

А в подгорном селении на том берегу началась новая, вечерняя жизнь. На площадку, освещенную ярким светом, выехали большие машины, украшенные широкими полосами из красной материи, и с этих машин со смехом и веселыми восклицаниями соскакивали молодые люди.

На юношах были тюбетейки, на девушках — большие белые платки. Серые халаты, черные пиджаки, светлые платья, цветные шаровары, даже узорные джурабы, даже разноцветные шерстяные кисточки в волосах у девушек, скинувших платки, видел он так близко, как будто сам стоял среди них и прислушивался к их быстрому и легкому разговору.

Потом, несмотря на несмолкающий шум реки, он услышал тонкий серебристый звук, который пронесся через реку как вызов мраку и горам. Девушка играла на инструменте, который был знаком Худроуту. Это был рубоби.

И под звук этого сильного и чистого потока дрогнуло что-то в сердце Худроута. И он как будто впал в странное забытье, при котором он понимал и то, что стоит на посту с оружием на скале перед Пещерой, и то, что перед ним проносятся, как куски снов, картины его собственной жизни.

Темный кишлак там, у заставы, где только худые, страшные псы хрипло кричат во сне, дома в горах, где люди в старых овчинах при свете маленького чирака копошатся над грудой старого тряпья, темные дороги, баранта, голые, холодные скалы, дядя Хурам со своим пастушечьим посохом...

Там, на том берегу, пели и танцевали. Оттуда лились звуки рубоби, а вокруг него стояла тьма, которая как бы охватила его голову и плечи и давила его к земле.

Что ему до тех красивых девушек на том берегу! Перед ним прошло спокойное, освещенное каким-то внутренним солнцем лицо молодой горской женщины, звавшей его, стоя среди ветвей тута, прошло продолговатое, с ускользающими, чуть скошенными глазами лицо девушки из базарного кишлака. Что они ему? Жениться ему все равно нельзя. Где деньги на калым? Где его молодость, где его жизнь? Он вспомнил отца, и то, что тот убит в битве, сделало воспоминание тяжелым; вспомнил матушку Сафармо, и у него защемило сердце от тоски. Он не вспомнил Сабзбагор — Цветок весны, — свою сестру, потому что так давно не видел ее, что не мог бы узнать ее, даже если бы встретил.

И он снова посмотрел на заколдованный берег, полный голосов и музыки, которая побеждала шум реки. «А кто же там правит? — подумал он. — Если нет там эмира и нет царя, как говорил субадор, как же они живут без эмира и без царя? Да, там живут совсем, совсем по-другому».

И как только он так спросил себя, он впал в тоску, раздиравшую душу. Ему стало так больно, что музыка и пение уже не подымали его куда-то в высоту и не радовали его, а стали непереносимы и болезненны, как будто кололи, как острием кинжала, его грудь.

И он закричал в простор ночи, чтобы там услышали:

— Прошу вас, не пойте, не танцуйте!

И хотя он кричал сильным голосом, но река заглушала его крик. И напрасно он кричал снова:

— Пожалейте меня! Не пойте, не танцуйте, прошу вас!

Никто на том берегу, даже слыша крик, не мог бы разобрать, что кричит человек. И только скалы за его спиной отзывались, повторяя его голос, искажая его как нарочно, как будто издевались над его отчаянием.

И он понял, что он один среди ночи, на скале, над дикой рекой, и что темнота вокруг пялит на него черные глаза и смеется над его жалким криком. Он видел в этой тьме, там, где висела в воздухе козья тропинка, самые угрюмые лица ночных духов и среди них желтое, злое, перекошенное лицо субадора, пославшего его в эту пещеру демонов. Им овладела страшная ярость, злоба и страх. Ему показалось, что все эти чудовища лезут на скалу за ним и сейчас прыгнут на него.

Тогда он начал стрелять в эту тьму. Посылая выстрел за выстрелом, он приходил в себя все больше. И когда расстрелял всю обойму, ему стало почти спокойно, но он уже не смотрел на другой берег и был так взволнован, что не мог бы сказать, поют ли там еще или уже давно перестали. Он плакал от тоски и злости неизвестно на кого, от обиды за свою потерянную молодость.

Он не знал, сколько прошло времени, когда ему послышался далекий конский топот.

Потом еще шли минуты, он перезарядил карабин и встал у края площадки.

Кто-то, роняя камни, карабкался по тропинке. Но Худроут уже знал, что это не демоны, а люди. Он слышал знакомые голоса, в темноте перекликавшиеся у скалы.

Потом люди появились как-то сразу, и впереди них стоял субадор. Увидев Худроута, он осветил его фонариком с ног до головы и спросил раздраженным и взволнованным голосом:

— Почему ты поднял тревогу? Почему ты стрелял?

И злым и тоже взволнованным голосом Худроут, ненавидя его и не скрывая этого, сказал:

— Не я стрелял, горе мое стреляло!

И, к его удивлению, субадор не ударил его, не набросился с руганью. Он был сам не очень храбр в этой непонятной тьме, в этом диком месте. Он только отступил от края площадки и хрипло сказал:

— Ух, эти мне кугистанцы! Все они разбойники и воры!

На новые земли!

В тысячах семейств по всей стране идут сейчас проводы... Партия, правительство объявили: в стране есть могучий резерв, он может приблизить то время, когда для народа нашего будет создано изобилие продуктов. На востоке и юго-востоке страны лежат миллионы гектаров никогда не паханной целины, давным-давно не обрабатываемых залежных земель. Государство дает машины, чтобы поднять эти земли и собрать дополнительно более миллиарда пудов хлеба. Но нужны люди. Нужны люди смелые и упорные, потому что на новых землях ждут их трудности, потому что всегда нелегко зачинать новое.

Первым откликнулся на зов партии и правительства комсомол. И как откликнулся! Надо видеть, что́ делается в эти дни в комитетах, в райкомах комсомола, чтобы ощутить тот накал энтузиазма, которым горит наша молодежь. Сначала из райкомов звонили в комитеты: «Сколько от вас поедет? Вы сумели хорошо разъяснить задачу?» Потом в райкомы нельзя было уже дозвониться: из сотен комсомольских организаций сообщали: «Число желающих растет ежечасно. На некоторых участках все комсомольцы требуют записать их для поездки. Что делать?» В Ленинский райком комсомола города Москвы из треста «Академстрой» сообщили, что в четырех конторах почти вся молодежь собралась на новые земли. И комиссии при райкомах стали отбирать: поедут в первую очередь те, кто имеет механизаторские специальности. И все равно выбор оказался огромным. В комиссию приходили молодые люди с двумя—четырьмя специальностями. Приходили и старики, требуя комсомольскую путевку на целинные земли. Многие молодые люди вместе с просьбой о посылке на новые земли подавали заявления о приеме в комсомол.

Так было в Москве, Киеве, Краснодаре, в городах, селах, станицах. Через пять дней после начала записи добровольцев Москва уже провожала на Алтай первый эшелон. На собрание в Кремле, посвященное отъезду первой группы комсомольцев, пришли и те, кто уедет с последующими эшелонами, и те, кто остается в Москве, обещая работать и за себя и за отъезжающих.

На собрании присутствуют товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, А. И. Кириченко.

...В последние месяцы Кремль видел немало шумливых гостей: студентов, школьников, учащихся ремесленных училищ. Но в тот день здесь собралась самая боевитая, самая отважная, самая огневая молодежь, о которой хочется сказать словами бессмертных двадцатых годов: комсомольское племя. Это была сама юность нашего революционного народа, энергия которого, революционный энтузиазм лишь умножаются с годами.

«Молодые, задорные»,— назвал в своей речи отъезжающих Никита Сергеевич Хрущев.

Руководители партии и правительства с любовью смотрели в зал и приветствовали поколение, которое, сохранив пафос Корчагиных и стойкость Кошевых, воодушевлено новыми, еще не встававшими ни перед кем огромными задачами.

В зале собрался передовой отряд армии, отправляющейся в важный и ответственный поход. О целях этого похода говорили первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин, министры И. А. Бенедиктов, П. П. Лобанов, А. И. Козлов. За два года освоить тринадцать миллионов гектаров новых земель, вырастить сотни миллионов пудов хлеба, с тем чтобы в последующие годы поднять еще столь же огромное количество земли, вырастить еще больше хлеба. И все это во имя главной задачи — создания изобилия в нашей стране.

Нет счастливей сознания, что на тебя надеется народ. Оттого так взволнованы были речи молодых патриотов, выступавших на собрании, — агронома А. Козулина, слесаря Б. Лунькина, комбайнера Н. Балакина, бригадиров тракторных бригад А. Каверина, Л. Дегтяренко, инженера З. Гаврилиной. Оттого так радостны были проводы в залах Кремля. Тут, в этих залах, завязывались узы будущей трудовой дружбы, звучали клятвы. Вот за столом поднимают бокалы шампанского молодые токари и слесари Автозавода имени Сталина, завода малолитражных автомобилей, чьи комсомольские организации в числе первых застрельщиков нового дела.

Вот договариваются о том, чтобы работать в одной МТС, комсомольцы со стройки Университета на Ленинских горах, девушки с машиностроительного завода и приехавший с Кубани прославленный комбайнер Герой Социалистического Труда Николай Балакин. Беседуют руководители комсомольских бригад из первой Макаровской МТС Киевской области Леонид Дегтяренко и Александр Каверин из Жердевской МТС Тамбовской области. Они заключили уже договоры на соревнование с оставшимися в МТС комсомольцами, а теперь ведут речь и о соревновании между собой.

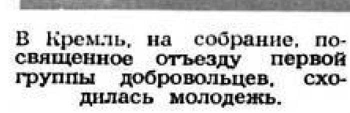
Из Кремлевского дворца через Красную площадь — на вокзал. Скольких провожала на большие дела эта площадь! Отсюда напутствуемые огненными словами гения революции В. И. Ленина уходили комсомольцы на фронты гражданской войны, отсюда в годы Отечественной войны шла молодежь защищать столицу. И вот на новый бой — бескровный и мирный — уходят с этой площади комсомольцы.

На вокзале хороводы и песни, последние поцелуи, требования писать и обещания не оставаться в долгу. С завистью глядят на отъезжающих провожающие. Но и многим из них скоро в путь!

В дни, когда первые посланцы Москвы прибывают на земли Алтая, уже стучат колеса новых эшелонов. Едут на освоение целинных земель новые отряды молодежи.

Великое трудовое сражение развернется нынешней весной на целинных землях. Славен будет посев, славна жатва!

И. АГРАНОВСКИЙ
Фото А. ГОСТЕВА.

В Кремль, на собрание, посвященное отъезду первой группы добровольцев, сходилась молодежь.

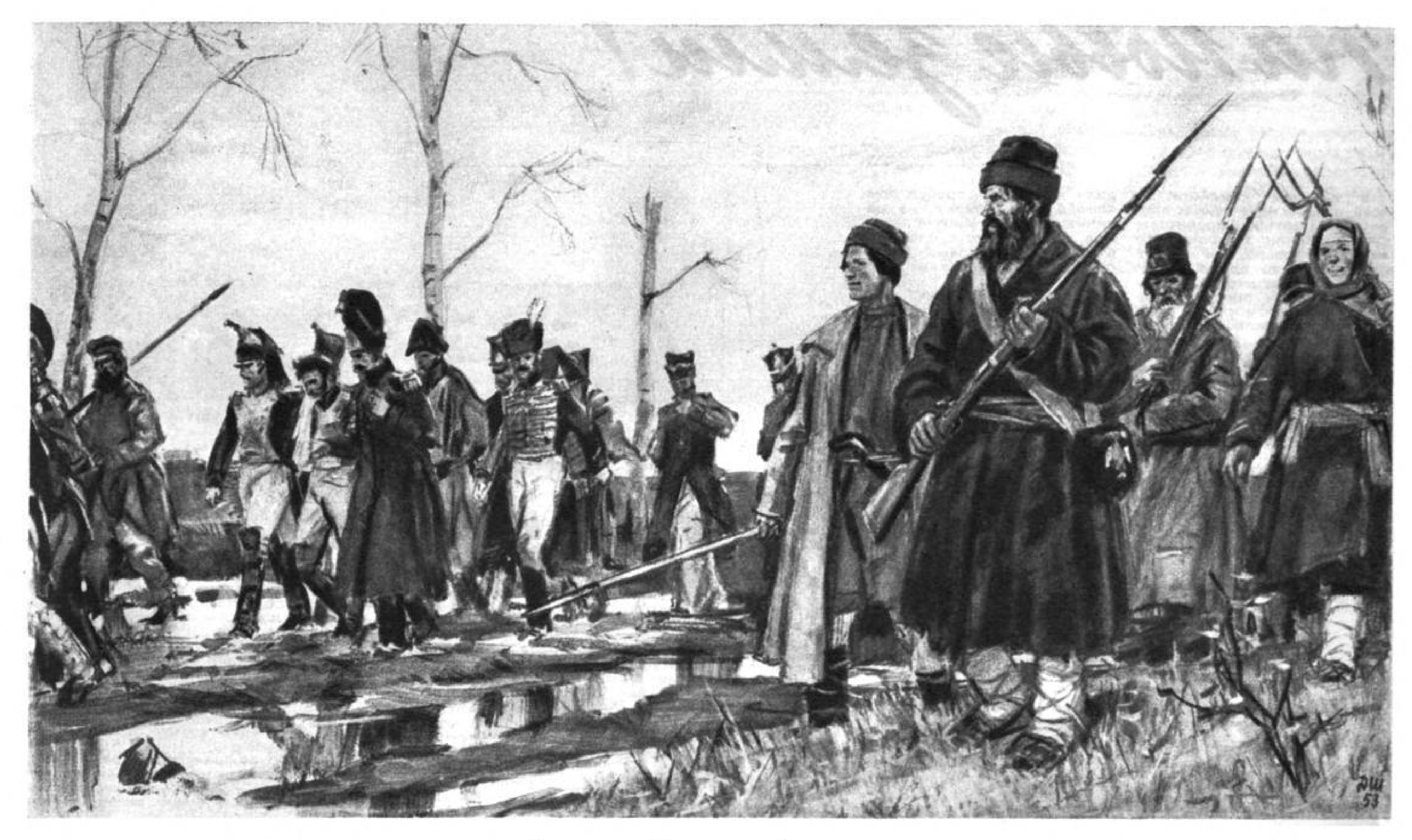
Комсомольцы со стройки Университета, девушки-москвички с машиностроительного завода, кубанец-комбайнер договариваются о работе в одной МТС. На снимке (слева направо): Ю. Дятлов, В. Лешкова, Н. Балакин, Г. Осетрова, А. Кладовщиков, Н. Сунгатуллин.

— Будем работать, как на заводе, — поднимают прощальный тост автозаводцы.

Последние напутствия...

Партизаны ведут пленных французов.

НОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

Кто из нас не читал и не перечитывал «Войну и мир», каждый раз по-новому воспринимая это гениальное произведение, открывая в нем все новые и новые достоинства? Кто из нас, читая и перечитывая «Войну и мир», не испытывал чувства патриотической гордости, переживая события Отечественной войны 1812 года?

Именно поэтому особенно трудна была задача, взятая на себя художником, решившим проиллюстрировать «Войну и мир» Л. Н. Толстого,— задача, с которой так блистательно справился один из лучших советских графиков — Дементий Алексеевич Шмаринов.

Не случайно художник испытал непреодолимую потребность сделать иллюстрации к «Войне и миру» именно в годы Великой Отечественной войны. Так сильно выражена в новой работе Д. А. Шмаринова идея патриотизма, так ярко проступает в ней тема единства народа, напряжения всех его сил, слияния всех слоев общества в великой борьбе за освобождение Родины, что художник как бы приблизил к нам это произведение во времени!

Д. А. Шмаринов не пошел по пути многих своих предшественников, увлекшихся помпезностью военной формы того времени, красотами ампирной архитектуры начала XIX века, пышностью женских туалетов. Главное в работе художника — человек, его судьба, его думы, борьба, надежды, волнения. Будь то наделенные портретным сходством образы исторических персонажей, подлинных героев Отечественной войны 1812 года, или литературные герои, созданные творческим воображением художника,— мы всюду видим живых, знакомых людей и радуемся встрече с ними.

Большая серия Д. А. Шмаринова только что закончена. Трем годам упорного труда предшествовали годы подготовительной работы. Художник осваивал документальный и иконографический материал эпохи, чтобы войти, вжиться в мир великого произведения. В 1947 году возникает альбом портретов главных персонажей романа — наброски, соответствующие описаниям Толстого и представлению художника. Но это был еще только типаж. А какой еще большой труд предстоял от поисков подходящего типажа до возникновения подлинно художественного образа! Когда мы сравниваем предварительные рисунки Шмаринова, сделанные с натуры, с законченными листами серии, мы видим, какая огромная работа проделана художником от внимательного документирования до большого художественного обобщения.

Среди лучших композиций обращает внимание лист, изображающий детей Ростовых. Глядя на эти лица, искрящиеся детским весельем, озорством, мы как будто слышим гомон этой дружной ватаги. Очень удачно противопоставлены образы Ильи Ростова и старика Болконского. Очаровательна маленькая княгиня, сразу узнается княжна Марья. Но самая большая удача художника в портретной серии — Пьер Безухов. Мы все узнаем этого человека по его «умному и вместе робкому наблюдательному и естественному взгляду». Образ Пьера Безухова так полюбился художнику, что почти все листы, где он фигурирует, лучшие в серии. Очень хорошо решены в плане развития характеров не только образ Пьера Безухова, но и Наташи Ростовой, Пети. Менее других удался Д. А. Шмаринову образ Андрея Болконского.

Художник не пожелал изобразить Наташу Ростову в замужестве погрязшей в домашних делах. Читатель, который всегда с болью переживает это перевоплощение, узнает в чуть-чуть раздобревшей Наташе ее былые черты, неугасший блеск живых глаз. Очень хорош лист, изображающий Наташу после смерти Андрея Болконского. Она изменилась, повзрослела. Горе ее неимоверно, но насколько теплее, человечнее стала она под ударами судьбы! Этот лист можно назвать образцом лаконизма и живописности в рисунке.

Но характер серии определяют те листы, в которых выражена народно-патриотическая идея романа. Народ — подлинный герой великого произведения Толстого, и русскому народу посвятил свою работу советский художник.

Прекрасны листы серии: батарея Тушина; купание солдат в пруду у Лысых гор; ополченцы на Бородинском поле; Бородинский бой; партизаны ведут пленных; Кутузов под Красным и многие другие. В этих листах мы ощущаем навечно живую силу народа, его веру в победу, его любовь к своей Отчизне. Перед нами встают образы богатырей, неунывающих, веселых и мужественных людей. Это они штурмовали стены Измаила, брали приступом Чортов мост, героически обороняли Севастополь. Их черты мы узнаем сегодня в героях, отстоявших молодую Советскую республику от полчищ интервентов, в советских воинах, победоносно дошедших до Берлина и спасших Европу от фашистского ига.

В рисунках, изображающих бесчинства французов на захваченной земле, Шмаринов достиг большого художественного обобщения, показав отвратительный облик солдата-мародера, порожденный самим характером захватнической, агрессивной войны.

С большой эмоциональной силой исполнен лист: раненый Андрей Болконский на Аустерлицком поле: «Над ним было опять все то же высокое небо, с еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которые виднелась синеющая бесконечность». Иллюстрируя это место книги, художник раскрывает перед зрителем величие подвига патриота. Этому листу предшествует другой, на котором изображен Александр I в Вишау. Император разглядывает в лорнет умирающего солдата. На бесстрастном лице Александра мы улавливаем легкий оттенок брезгливости. Здесь художник одной меткой сатирической чертой охарактеризовал монарха, которого история справедливо назвала двуличным.

На рисунке — Бородинский бой мы видим мужество русских солдат, о стойкость которых неизменно разбивались бесчисленные атаки французов.

Серия иллюстраций к «Войне и миру» — большая творческая удача талантливого художника, новая победа советской графики. Впечатление от всей серии, когда видишь ее на выставке,— волнующий зримый показ подвига народа, подлинного творца истории.

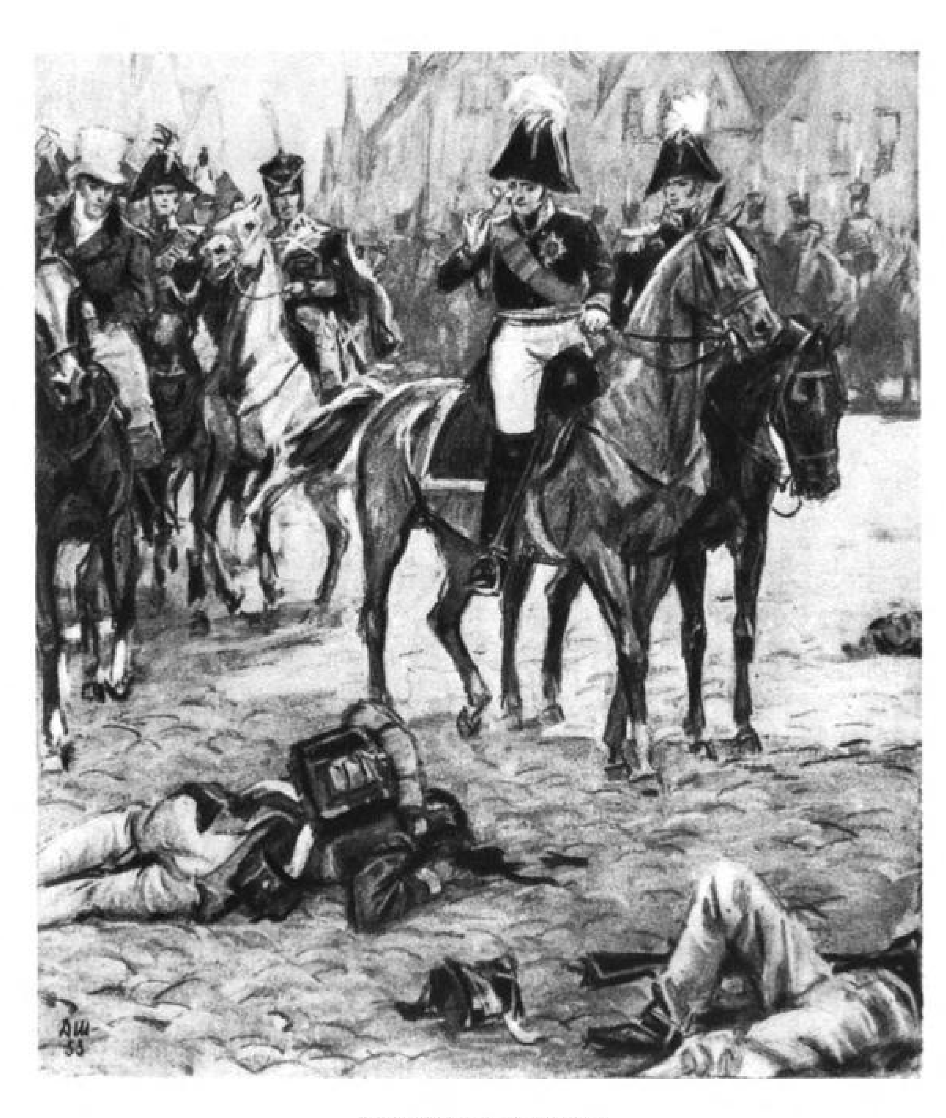
О. ВЕРЕЙСКИЙ

Дети Ростовых.

Пьер Безухов.

Александр I в Вишау.

Раненый Андрей Болконский на Аустерлицком поле.

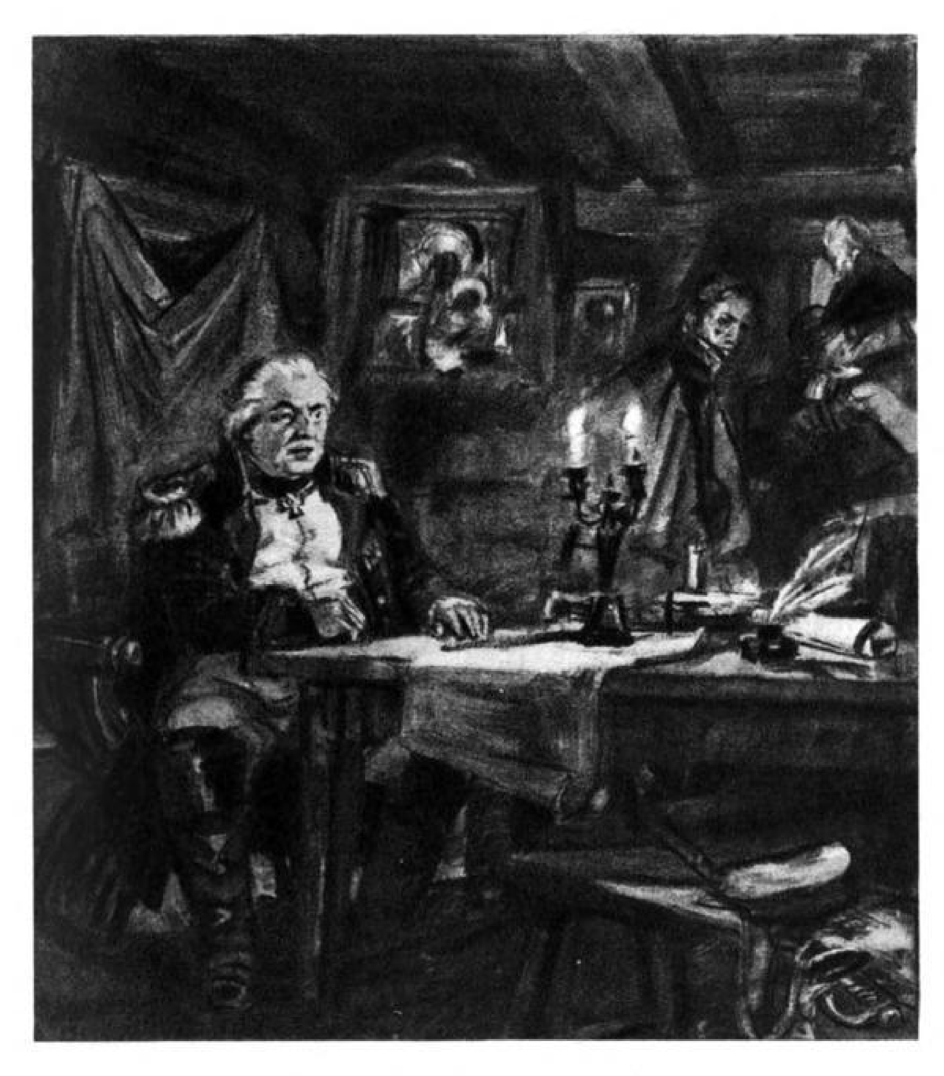
Бал у Ростовых.

Бородинский бой.

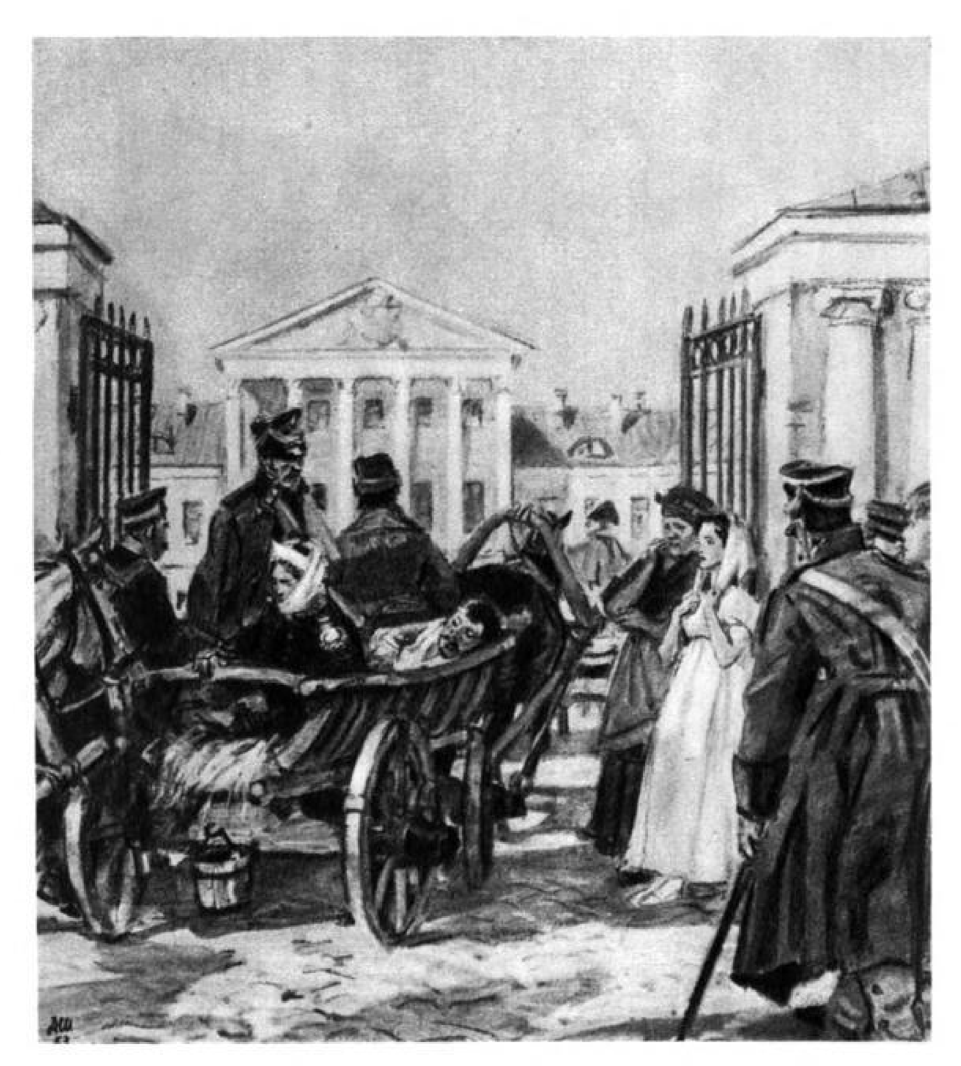

Охота.

Кутузов под Красным.

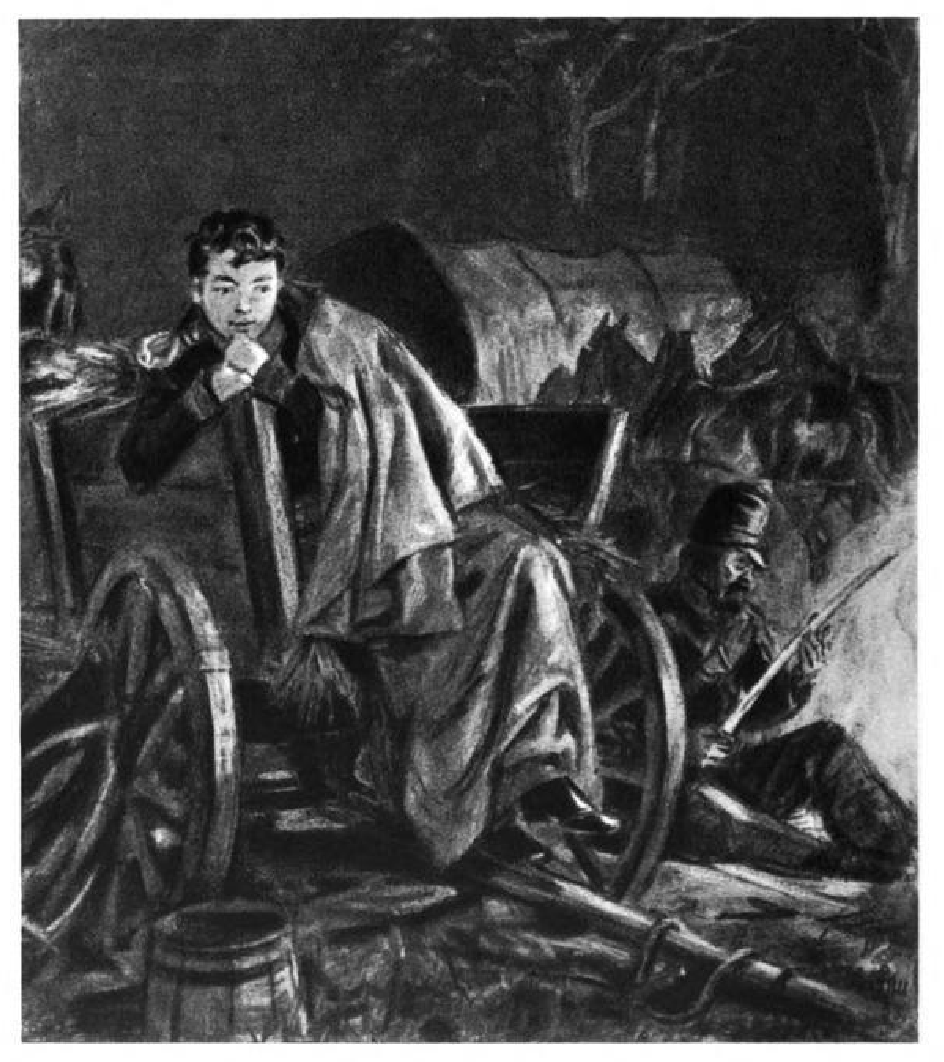
Кутузов после военного совета в Филях.

Наташа пускает раненых во двор своего дома.

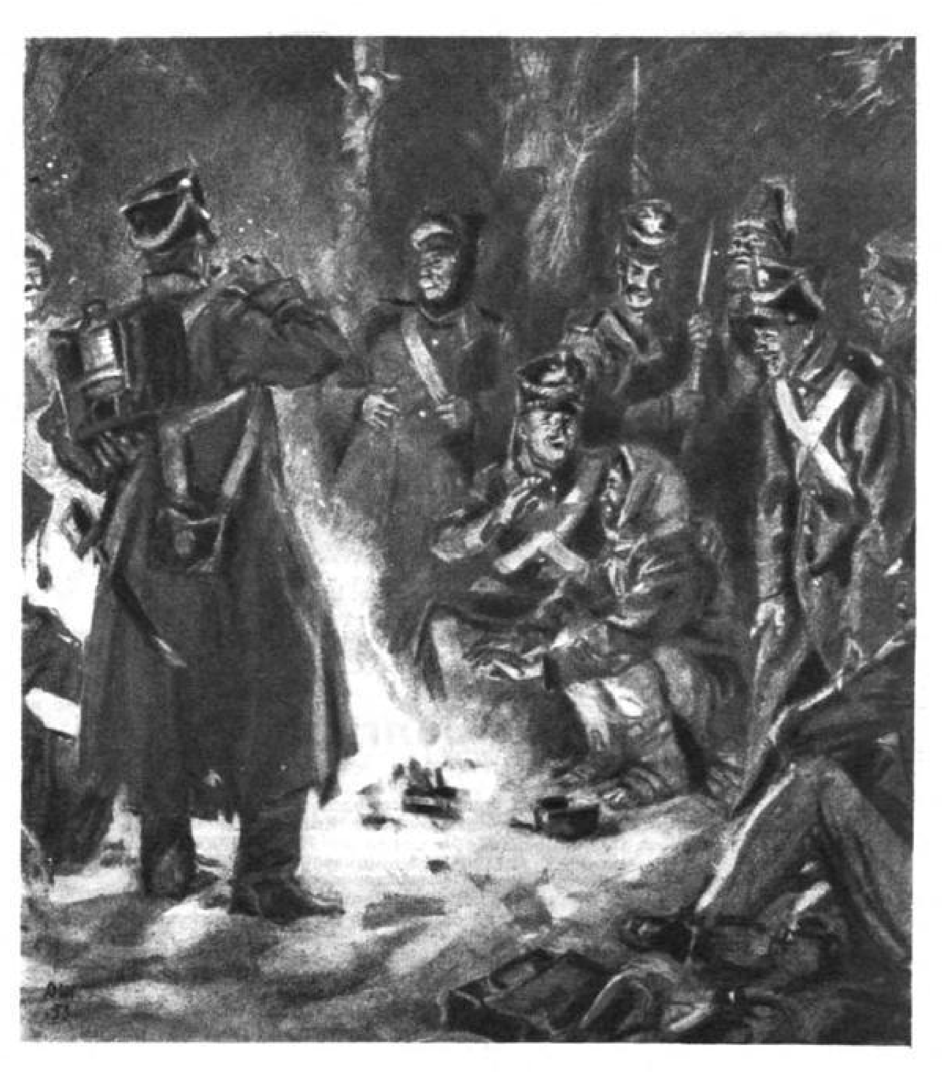
Разговор Пьера и Андрея Болконского на пароме.

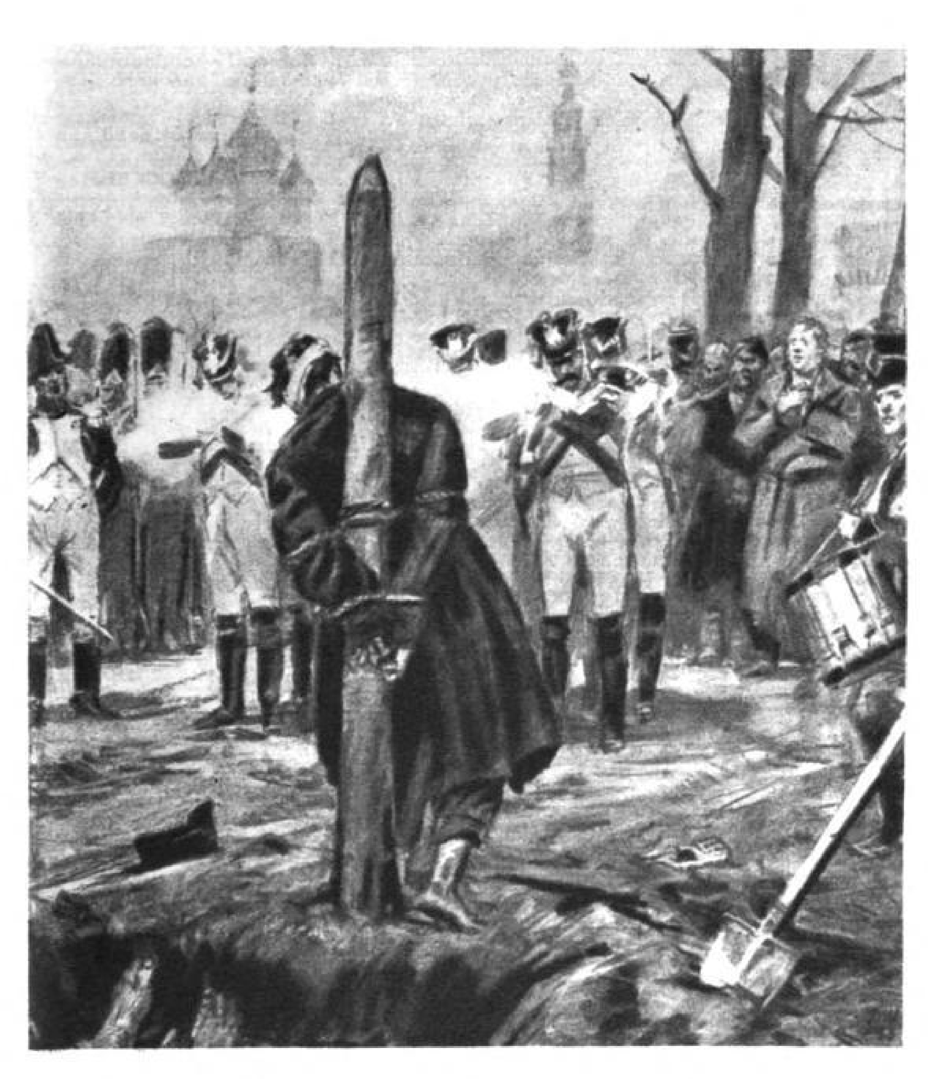
Петя Ростов в ночь перед боем.

Наташа после смерти Андрея Болконского.

Пленный француз среди русских солдат.

Расстрел французами жителей Москвы.

Пьер в детской.

Члены участковой избирательной комиссии Ф. Ф. Цирикашвили и М. С. Фролова.

Фото С. Фридлянда.

На берегах Салгира

Избирательный участок № 183 самый молодой в Симферопольском городском избирательном округе. Еще недавно тут, за окраиной, был пустырь. Теперь слева от Ялтинского шоссе много новых нарядных зданий, облицованных белым камнем, под черепичными крышами. Появились новые улицы: Плотинная, Бригадная, улица Мира. Избирательный участок № 183 создан в поселке строителей, выросшем за последние три года на берегах Салгира.

«Брега веселые Салгира» воспеты Пушкиным в «Бахчисарайском фонтане». Красива капризная горная река, текущая от подножия Чатыр-Дага по Крымской степи. Географы характеризуют ее как крупнейшую водную артерию полуострова, отмечая, однако, что в летние месяцы Салгир местами пересыхает и воды его не доходят до Азовского моря.

Стройка, развернувшаяся под Симферополем, преобразит Салгир. В долине, окаймленной холмами, скоро широко разольется искусственное озеро. Воды нового озера оросят около десяти тысяч гектаров колхозных полей.

Обо всем этом оживленно беседуют меж собой жители поселка, обсуждая Обращение к избирателям Центрального Комитета Коммунистической партии.

— Наша стройка — свидетельство неуклонной заботы партии о подъеме сельского хозяйства,— говорит инженер Алексей Тимофеев. Он приехал в Симферополь прямо из института и быстро завоевал себе доброе имя среди строителей. Молодого инженера приняли в партию, избрали депутатом городского Совета.

— Родная Советская власть не жалеет средств на строительство жилых домов для трудящихся. Будем работать лучше, строить быстрее и дешевле,— заявляет плотник Михаил Сетнов.

Вместе с Николаем Яблуновским он начинал на стройке разнорабочим. Теперь Сетнов — бригадир плотников, Яблуновский — бригадир штукатуров.

Рядом с агитпунктом работает участковая избирательная комиссия. В составе ее знатный экскаваторщик Александр Левенко, приехавший в Симферополь с Украины, бригадир строителей Федор Цирикашвили — уроженец Тбилиси, прочно обосновавшийся в Крыму, местная уроженка Мария Фролова — комендант общежития. Она хорошо помнит, как три с половиной года назад на месте нынешних улиц были разбиты палатки. А теперь рабочие все чаще переезжают из общежитий в благоустроенные квартиры. Редкую неделю не меняются в поселке адреса, и список избирателей то и дело приходится уточнять.

Четыре года назад в котловине меж холмов журчала по камням мелководная речушка. А сегодня здесь от одного берега будущего озера к другому пролегла глиняная насыпь длиной более полукилометра. С утра до вечера движутся к ней гусеничные тракторы с тележками на прицепах.

Осенью сооружение плотины будет закончено, и в чаше водохранилища начнется сбор воды. С будущего года на карте Крымской области появится новое пресноводное озеро.

Строители Симферопольского водохранилища трудовыми делами отвечают на Обращение любимой Коммунистической партии. Новыми победами на стройке готовятся они отметить выборы в Верховный Совет СССР.

С. МОРОЗОВ

Уроженка Карского моря...

Это крохотное существо впервые увидело землю на седьмом месяце жизни. О его рождении сообщило из далеких северных вод судовое радио. И люди Большой земли узнали, что в Арктике, в местах мало разведанных, но осваиваемых, началась новая человеческая жизнь.

В тот же день событие зарегистрировали в судовом журнале:

«31 августа 1933 года. Карское море. На пути из Мурманска к о. Врангеля. В 5 час. 30 мин. утра у едущих на зимовку на о. Врангеля супругов Васильевых родился ребенок — девочка, в счисляемой широте—75°46,5' норд и долготе 91°06' ост. Карта 712... Новорожденной девочке присвоено имя Карина. Имеется справка судового врача. На основании настоящей записи родителям выдана официальная справка».

Доротея Ивановна Васильева с дочкой Кариной. Снимок 1934 года.

Фото А. Шайхета.

Судовому врачу Мироненко, никогда не имевшему дела с роженицами, пришлось выполнить обязанности акушера. Ребенок, которому, по расчету родителей, предстояло вступить в жизнь на острове Врангеля, родился на пути к нему. Девочке придумали необычное имя — Карина — в честь Карского моря, уроженкой которого волей обстоятельств она оказалась.

В ту пору весь мир был взволнован гибелью парохода «Челюскин» и судьбой 105 человек, высадившихся на льдине. Ледовый лагерь был связан с миром благодаря спасенной и установленной на льду радиостанции. К ее голосу прислушивались на всем земном шаре. В благородной тревоге за всех обитателей лагеря каждый прежде всего думал о малютке. Удастся ли сберечь ей жизнь на дрейфующей льдине, где нет прочного жилья и упорно держится сорока—пятидесятиградусный мороз?

Карине было пять с половиной месяцев, когда «Челюскин» раздавило гигантским сжатием ледяных полей. Мы позаимствуем из книги о походе «Челюскина» несколько строк, рассказывающих о том, что предшествовало появлению Карины с матерью — Доротеей Ивановной — на льдине:

«Случайно, уже незадолго до гибели судна, гидробиолог П. П. Ширшов вспомнил, что в каюте забыл свой дневник, вернулся на судно и, пробегая по коридору, был ошеломлен следующим зрелищем.

В каюте спокойно, как ни в чем не бывало, тихо расхаживала Д. И. Васильева, убаюкивая уже одетого в меховую шубку ребенка.

— Дора,— возбужденно закричал Ширшов,— что ж вы не выходите на лед, ведь судно-то гибнет, уже низко сидит в воде. Машины и трюмы давно затоплены...

...Словом, П. П. Ширшову пришлось позабыть о своем дневнике и срочно вытаскивать эту мужественную женщину и ребенка на лед».

20 лет назад, 5 марта 1934 года, Карину вместе с другим ребенком, Аллой Буйко, и десятью женщинами вывез на Большую землю летчик Ляпидевский.

* * *

Мы попросили студентку Ленинградского университета имени Жданова Карину Васильеву показать свой паспорт. Во второй графе четким почерком выведено место рождения девушки: Карское море.

Карина, отметившая недавно свое двадцатилетие, учится на третьем курсе геологического факультета. У нее есть младший брат — Виктор, моложе Карины на пять лет.

Отец Карины Василий Гаврилович преподает астрономию в высшем арктическом морском училище, много лет является депутатом районного совета.

Снимок 1954 года. Карина и ее брат Витя с родителями.

Фото автора.

В семье Васильевых сохранились некоторые реликвии тех дней, когда все газеты и журналы широко информировали читателей о судьбе челюскинцев, печатали снимки мужественных людей, а на экранах шел документальный фильм о героической эпопее.

Вот крохотные серые туфельки — подарок ярославских рабочих, полученный Кариной на пути из Владивостока в Москву. На туфельках вышит самолет с двумя красными звездами. Сохранился снимок Карины в собственном педальном автомобиле, выпущенном в одном экземпляре; эту «персональную машину» девочка получила в подарок от горьковчан.

...Будущий геолог Карина Васильева мечтает об интересных путешествиях.

— А в Арктику не тянет вас, Карина? — спрашиваем мы уроженку далекого Севера.

— С радостью побываю всюду, где найдется дело для геолога.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Памятник Г. И. Котовскому

Творческий коллектив художников в составе И. Г. Першудчева и А. И. Посядо, молдавских скульпторов, заслуженных деятелей искусств Молдавской республики Л. И. Дубеновского и К. Д. Китайки и главного архитектора города Кишинева Ф. П. Наумова выполнил памятник герою гражданской войны, прославленному руководителю бессарабских партизан Григорию Ивановичу Котовскому.

Навеки остался в памяти народа выдающийся командир красной конницы, участник исторических битв против белополяков и петлюровцев в 1920 году, участник ликвидации банд Махно, Антонова и Тютюника.

Монумент достигает двенадцати метров высоты. Вес бронзовой скульптуры — около двадцати тонн, одна только сабля весит 95 килограммов! Постамент, сооруженный из красного полированного гранита, обрамлен высеченным из гранита венком. Вокруг памятника будет разбит сквер. Широкие ступени подводят зрителя к архитектурному сооружению.

Котовский одной рукой сдерживает горячего коня, другую руку отвел немного назад, как бы приготовляясь к приветственному жесту. Перед зрителем — легендарный советский полководец, вышедший из народных недр, с простой, открытой душой и несгибаемой волей.

Работа над памятником длилась около четырех лет. Отливка в бронзе производилась на Мытищинском заводе под Москвой. Здесь же, на заводе, до перевозки монумента в Кишинев состоялось и творческое обсуждение. Выступавшие художники и искусствоведы говорили о достоинствах работы, выполненной в традициях социалистического реализма.

Скульптор Вл. ЦИГАЛЬ

Неделя спортивных побед

В Фалуне

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ СОВЕТСКИХ ЛЫЖНИКОВ

Февраль полон спортивных событий. Только что отзвучал в Давосе гимн победителю европейского первенства по скоростному бегу на коньках Борису Шилкову; только что в Осло советские скороходы еще раз подтвердили свое превосходство над скороходами норвежскими и, в частности, над знаменитым Ялмаром Андерсеном; только что на площади шведского города Фалуна на мачте взвился флаг СССР, а на пьедестал почета, освещенный факелами, взошел победитель гонки на тридцать километров советский лыжник Владимир Кузин. И вот радио принесло из Швеции новые радостные вести. В заключительный день лыжных состязаний на первенство мира на трудной пятидесятикилометровой дистанции по холмистой местности, покрытой лесом и кустарником, встретились 42 сильнейших спортсмена мира. Основная борьба на дистанции вновь разгорелась между советским лыжником В. Кузиным и финном В. Хакулиненом. Они уже встречались на Уктусских горах, под Свердловском, да и здесь в Фалуне. Естественно, что зрители сосредоточили свое внимание на борьбе именно этих выдающихся мастеров.

Судя по тем сообщениям, которые регулярно поступали с контрольных пунктов, советский лыжник с начала гонки захватил инициативу и показал поразительную скорость, пройдя 10 километров за 33 минуты 1 секунду. Каждый новый километр он проходил быстрее своего главного соперника на доли секунды, а иногда и на несколько секунд, накапливая необходимый для победы запас времени. После 25 километров В. Кузин выигрывал у В. Хакулинена около двух минут — большой разрыв для столь напряженного состязания. Другие лыжники тоже имели хорошие показатели, непрестанно угрожали лидерам и словно подстегивали их. Это делало гонку исключительно интересной.

Под конец состязания В. Кузин несколько снизил темп, в то время как В. Хакулинен последние километры прошел с нарастающей скоростью. Все же Кузин показал лучший результат — 3 часа 2 минуты 58 секунд. Финн проиграл ему 8 секунд. Третье место занял финн А. Витанен. В число десяти лучших попал еще один советский гонщик, Ф. Терентьев, занявший шестое место.

Таким образом, В. Кузин второй раз в течение одной недели завоевал звание чемпиона мира. Это — исключительное достижение молодого советского спортсмена. Недаром знаменитый шведский гонщик, которого называли «королем лыжников», Нильс Карлссон так горячо поздравлял нового чемпиона.

Владимиру Кузину 23 года. Он уроженец Архангельской области. На лыжах ходит с детства, а в соревнованиях систематически участвует четвертый год. Архангельцы могут гордиться своим знатным земляком. Кстати, чемпион мира по конькам Борис Шилков — тоже уроженец Архангельска.

В итоге соревнований наши лыжники выиграли мужские гонки на 30 и 50 километров, заняли второе место в эстафетном беге 4 по 10 километров, и четвертое место — в гонке на 15 километров. В женских состязаниях на первенство мира, которые проводились впервые, советские спортсменки выиграли все состязания и эстафету 3 по 5 километров и гонку на 10 километров.

В списке чемпионок мира имена только советских спортсменок — Любови Козыревой, Маргариты Масленниковой, Валентины Царевой.

Л. Козырева — чемпионка мира в гонке на 10 километров.

Чемпион мира в гонке на 50 километров В. Кузин.

В Эстерсунде

ЛИДИЯ СЕЛИХОВА — ЧЕМПИОНКА МИРА

Чемпионка мира по скоростному бегу на коньках Л. Селихова.

Два дня: 20 и 21 февраля — в маленьком шведском городке Эстерсунде советские спортсменки с успехом участвовали в розыгрыше мирового первенства по скоростному бегу на коньках. Как и в предыдущих чемпионатах, борьба разыгралась между нашими скороходами, хотя на ледяной дорожке они вновь встретились со своими старыми знакомыми — финнкой Эви Хуттунен и норвежкой Ранди Турвальдсен.

Лидия Селихова, которая в течение всего сезона — в Свердловске, в Горьком, а также на высокогорном катке близ Алма-Аты — показывала высокие результаты, подтвердила свой класс и в этом главном состязании. Она увенчана лавровым венком чемпионки мира и награждена золотой медалью.

Л. Селихова не новичок в конькобежном спорте. Много раз она участвовала в международных соревнованиях, неоднократно занимала призовые места, а в 1952 году в финнском городе Коккола впервые завоевала титул чемпионки мира.

Второе место заняла Римма Жукова. Ей вручена серебряная медаль. На третьем месте — Софья Кондакова, на четвертом — Э. Хуттунен и на пятом — Х. Щеголеева.

Любопытная деталь: все советские чемпионки мира по конькам и лыжам — воспитанницы ленинградских спортивных организаций.

В Москве

ВАЛЬС ДРУЖБЫ

На небольшой ледяной площадке стадиона «Динамо», где совсем недавно кипела мужественная борьба хоккеистов, многочисленные зрители увидели плавные, красивые танцы на льду, отлично исполненные девушками, юношами и детьми.

Московские и ленинградские фигуристы 19 и 21 февраля принимали гостей из Чехословакии, Венгрии и Германской Демократической Республики.

Это был праздник молодости: большинство выступавших — школьники и студенты.

Если три года назад наши фигуристы по сравнению с зарубежными спортсменами казались учениками, то теперь они уступали лишь в легкости и непринужденности исполнения некоторых композиций. Порадовали своим мастерством школьницы Ира Голощапова и Таня Лихарева, студент Московского авиационного института Валентин Захаров и ленинградская пара — Лидия Герасимова и Юрий Киселев.

Вновь большим успехом пользовалась наша старая знакомая, пражская фигуристка Дагмара Лерхова. Она виртуозно и технически совершенно исполнила композицию на мотив популярной песни Б. Мокроусова «Хороши весной в саду цветочки».

Очень удачно выступали венгерская фигуристка Ходвич Полинкаш и ее соотечественник Иштван Сенеш, а также признанные мастера парного катания супруги С. Балунова и М. Балун (Чехословакия), брат и сестра Марианна и Ласло Надь (Венгрия) и Вера и Харст Курюбер (Германская Демократическая Республика).

Всеобщий интерес вызвали танцы семилетних девочек — воспитанниц стадиона «Юных пионеров», который много сделал для развития фигурного катания среди детей.

Показательные выступления по фигурному катанию закончились общим вальсом дружбы.

Д. Лерхова.

Х. Полинкаш.

Семилетние фигуристки.

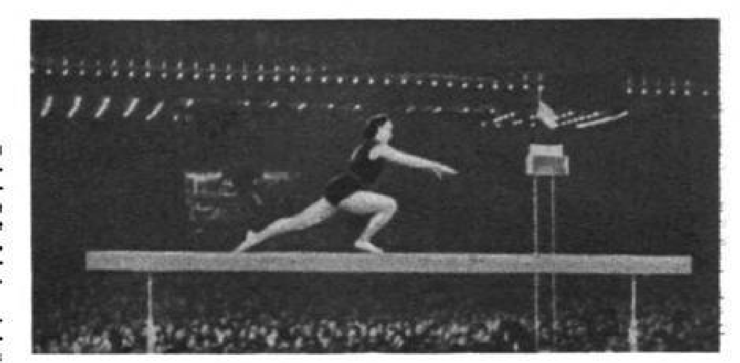
В Ленинграде

ПОД КРЫШЕЙ ЗИМНЕГО СТАДИОНА

Если в минувшее воскресенье москвичи видели танцы на льду, то ленинградцы наслаждались не менее красивым зрелищем — выступлениями гимнасток Советского Союза, Чехословакии, Венгрии и Германской Демократической Республики.

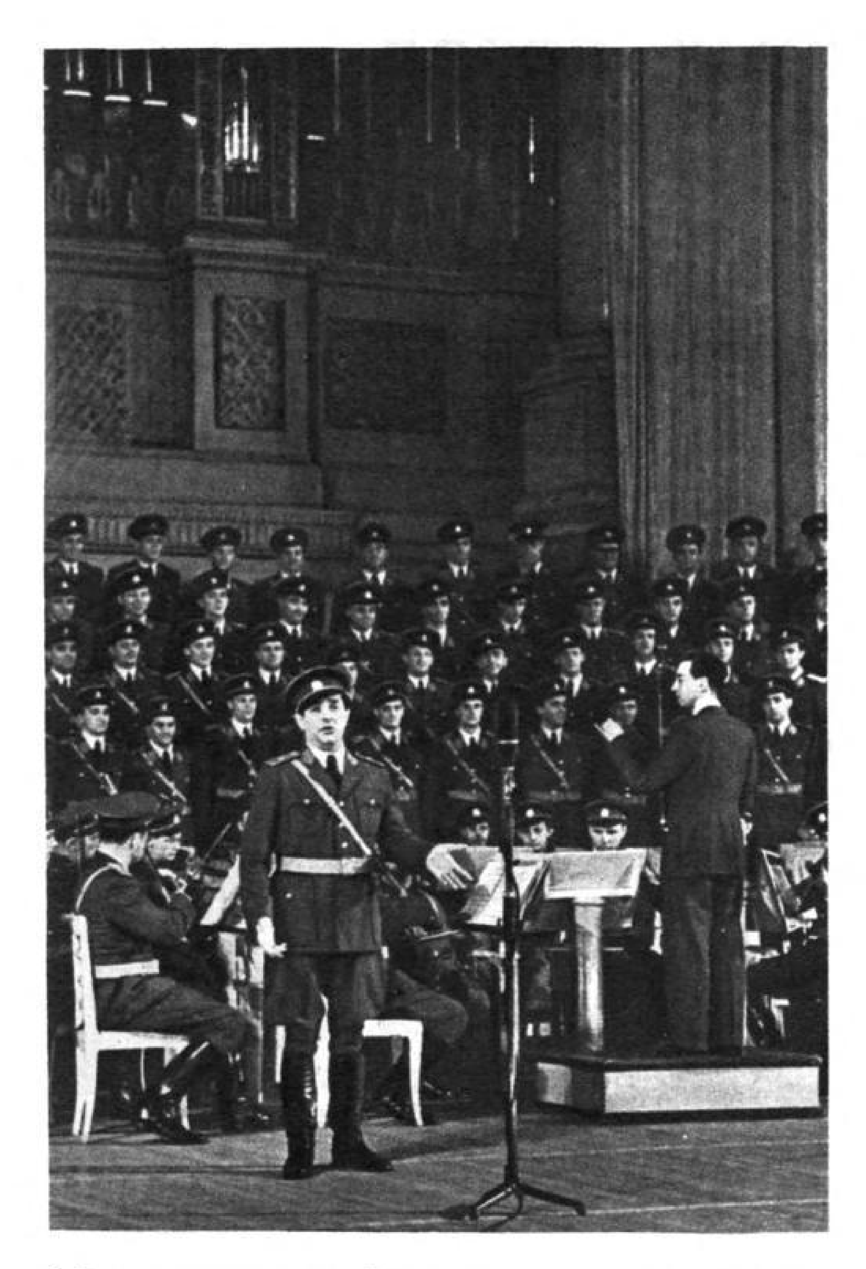
Двухдневные соревнования, которые проходили на Зимнем стадионе, закончились победой советских спортсменок. Общее первое место заняла москвичка С. Муратова. Очень высокую оценку за исполнение вольных движений получила чемпионка Чехословакии Е. Босакова — 9,9 балла из 10 возможных.

СПОРТИВНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Международная товарищеская встреча женских команд по гимнастике.

Фото А. Бочинина, Н. Волкова, Н. Ананьева.

В Концертном зале имени Чайковского. Выступление художественного ансамбля Чехословацкой армии имени Вита Нeедлы. Солист Ольдржих Дедек исполняет чешскую народную песню «Когда я к вам ходил».

Фото Б. Колесникова.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

24 февраля 1944 года на эстраде Колонного зала Дома Союзов состоялось первое выступление молодого чехословацкого музыкального коллектива, созданного на территории СССР в период жестоких боев с фашистами.

«С Советским Союзом — на вечные времена» — эти слова определяют программу новых выступлений в Москве и других советских городах художественного ансамбля Чехословацкой армии (художественный руководитель — Людвиг Подешть). Ощущение радостной встречи с друзьями рождает появление на эстраде Зала имени Чайковского участников ансамбля — певцов, музыкантов, танцоров. И уже первая песня, исполненная гостями, покоряет слушателей обаянием песенного творчества, целиком основанного на традициях музыкального искусства чехословацкого народа. Эта песня — «Победа будет за нами» — создана более десяти лет назад как символ благодарности народов Чехословакии своему другу и освободителю — советскому народу. Автор песни, основатель ансамбля Вит Неедлы, пал смертью храбрых, не дождавшись освобождения Праги. Но организованный им в составе чехословацкого корпуса ансамбль вместе с советскими воинами прошел боевой и славный путь.

Полны поэзии и народного юмора страницы из «Проданной невесты» Сметаны, творений Дворжака и других чехословацких классиков. Художественная одаренность коллектива придает исполнению этих произведений особенную прелесть.

Мастерство танцоров, изобретательность балетмейстеров ансамбля сказываются в любом из танцевальных номеров программы. И «Солдатский танец» и «Валашские игры» полны молодого задора и веселья.

С глубоким проникновением в характер советского музыкального творчества исполняют чехословацкие певцы произведения советских композиторов. Этому немало способствовала тесная дружба чехословацкого ансамбля с коллективом Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии. Она возникла несколько лет назад, когда советские артисты посетили Прагу. И один из лучших номеров программы чехословацкого ансамбля — «Песня о Советской Армии» А. В. Александрова, исполняемая хором с подлинным вдохновением.

К. САМОЙЛО

За мир и

Великая правда советских предложений

Анна ЗЕГЕРС

Для человека, любящего Москву, каждый приезд сюда — это не «посещение», а словно возвращение на родину, согретую прекрасным человеческим теплом.

Дорога с аэродрома ведет мимо нового здания Университета, сверкающего тысячами огней в вечерних сумерках. Каждое освещенное окно в новом храме науки — это символ настойчивого стремления молодого поколения советских людей завоевать вершины знания. Радостно думать о всем том, что совершается здесь, в Советской стране, где народ открыл новую страницу в истории человечества!

И в то же время чувство горечи охватывает тебя при воспоминании о том, как в Берлине во время совещания министров иностранных дел четырех держав реакционные силы Запада строили всевозможные козни, чтобы задержать движение истории...

Как ясно, четко и мужественно звучали на совещании предложения В. М. Молотова, устремленные к тому, чтобы обеспечить безопасность народов Европы и заключить с Германией подлинно демократический мирный договор! Молотов говорил так, как может говорить человек, являющийся представителем и гражданином Советского Союза. Мир и безопасность для него были не формальными пунктами в повестке дня совещания, а большой жизненной целью, к которой искренне и непреклонно стремятся миллионы его сограждан и сотни миллионов простых людей во всех странах.

Во время совещания можно было слышать от иностранных журналистов такого рода рассуждения.

«Молотову,— говорили они,— можно позавидовать. Чувствуется, что каждое его слово — это слово, которое одобрит его народ, его правительство». Об американском представителе — Даллесе — эти журналисты говорили другое: даже самостоятельное решение какого-нибудь формального вопроса процедуры стоит министру иностранных дел США беспокойства и нервного потрясения.

Это естественно. Даллес выступал по поручению своих хозяев, нескольких десятков людей, которые всячески стараются обострить международные отношения, чтобы сохранить свои прибыли, получаемые от гонки вооружений. Всем известно близкое отношение Даллеса к крупной юридической фирме, постоянными клиентами которой являются Рокфеллер и Морган. На мгновение, по контрасту с зданием Московского университета, встает в моем сознании многоэтажный дом на Уолл-стрите: вечером, когда в доме зажигается свет, каждое освещенное окно выступает мрачным символом погони за наживой, жестокости, страха перед будущим...

Советские предложения на Берлинском совещании полностью отвечают интересам немецкого народа, народов Европы, всех народов земли. Они так просто и ясно изложены и обоснованы, что любой простой человек в Европе поймет и примет их; помехой служит лишь заговор молчания, созданный вокруг этих предложений реакционной печатью.

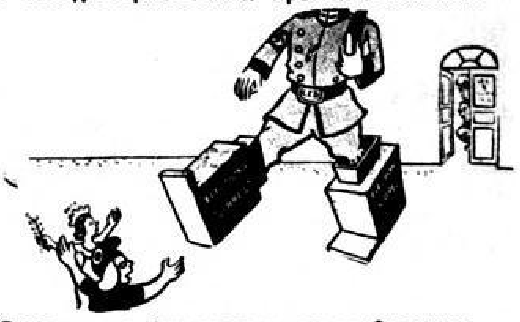
Надо сказать, что чувство национального достоинства и подлинные интересы Франции и Англии должны были продиктовать Бидо и Идену бóльшую самостоятельность, чем они проявили на совещании. Они обнаружили свою полную зависимость от американского министра, который, в свою очередь, целиком зависит от Уолл-стрита, требующего, чтобы защищали его бизнес. А предложения советской делегации мешают военному бизнесу, касаются ли они вопросов европейской безопасности, или всеобщего разоружения, или германского мирного договора.

Глубокий исторический обзор, сделанный В. М. Молотовым, напомнил немецкому народу о том, как Гитлер с помощью крупных банкиров и промышленников пришел к власти парламентским путем, путем так называемых «свободных выборов». Но большая часть германской печати по указке Даллеса и Аденауэра утаила от своих читателей это важное напоминание Молотова.

Упорно сопротивляются западные державы и проведению предложенного Молотовым всегерманского референдума по вопросу «Европейское оборонительное сообщество» или мирный договор. О том, каково было бы волеизъявление немецкого народа, можно судить по некоторым фактам. Магистраты ряда западногерманских городов под давлением широких масс населения отдали распоряжение засыпать сделанные по американскому приказу взрывные камеры на немецких мостах. Когда гитлеровский генерал, военный преступник Кессельринг, за день до начала Берлинского совещания задумал провести в Западном Берлине сборище реваншистской организации «Стальной шлем», западноберлинские рабочие сумели дать ему решительный отпор; из их памяти еще не изгладилось, как в 1920 году пытался совершить путч милитарист Капп и как тогда рабочие, социал-демократы Берлина вопреки своим партийным бонзам вместе с коммунистами провели всеобщую забастовку и преградили милитаристам путь в столицу Германии. Настоящую волю всех патриотически настроенных немцев ярко и убедительно показало мощное шествие сотен тысяч берлинцев, выразивших полную поддержку предложениям советской делегации.

Голос советской делегации, предлагающей такое решение германского вопроса, какого ждут миллионы и миллионы немцев, пробивается и пробьется сквозь стену лжи и молчания. Об этом свидетельствуют поступившие в Берлин во время совещания министров четырех держав обращения от самых различных слоев населения Западной Германии. В них решительно поддерживались советские предложения об образовании временного общегерманского правительства как необходимого предварительного условия для проведения демократических выборов. Но голос немецких патриотов, видимо, режет уши представителям западных держав. Им привычнее иметь дело с западногерманскими промышленниками и банкирами, с недобитыми гитлеровскими генералами.

Слова В. М. Молотова, предложения советской делегации должны быть услышаны всей Германией, и содействовать этому — долг и благородная обязанность немецких журналистов и писателей. Это поможет всем немцам Западной Германии, даже тем из них, кто до сего времени блуждает во мраке лжи и неведения, осознать исторические судьбы Германии. Это придаст силы всем немецким демократам в их борьбе за светлое будущее своего народа.

Опять они собираются к нам во Францию, и в тех же сапожищах (карикатура из газеты «Юманите»; сапоги изображены в виде избирательных урн с надписью: «Свободные выборы»).

безопасность

Так думают итальянцы

Вопрос о перевооружении Западной Германии оживленно обсуждался в широких кругах итальянского населения в дни Берлинского совещания министров иностранных дел четырех держав.

В эти дни Италия отмечала десятую годовщину движения сопротивления гитлеровским захватчикам. Празднование началось с торжественного приема; он был устроен представителями различных политических партий и президентом республики в честь старого крестьянина-коммуниста Черви, жителя области Эмилии, отца семи молодых патриотов, расстрелянных оккупантами в Реджио Эмилия в трагическое декабрьское утро 1943 года. Их арестовали после длительного сопротивления в осажденном хуторе. Там они укрывали американских, английских и французских солдат, бежавших из немецкого плена. Братья снабжали оружием партизан, боровшихся за свободу Италии. В память погибших братьев Черви-отцу были вручены семь серебряных медалей — за каждого из убитых сыновей.

Почести, воздaнные семи героям, лишний раз напомнили итальянскому народу, как важно бороться за то, чтобы никогда больше не вернулось страшное время агрессии германского империализма.

* * *

Что думают наши соотечественники о перевооружении Западной Германии и европейской безопасности? Мы решили побеседовать по этому вопросу с несколькими жителями Рима, случайно встреченными на улицах города. Мы не скрывали, что интервью предназначено для одного из московских журналов, и собеседники наши охотно согласились ответить на все вопросы, считая, что это будет на пользу дружбе народов Италии и Советского Союза.

Первым высказал свое мнение дровосек Аугусто Пелличчиари, 44 лет, отец семерых детей. В числе ста дровосеков он приехал на заработки в Рим из Абруццы, где теперь лежит снег и работы нет. Вместе со своими товарищами Пелличчиари нанялся на раскорчевку пней в районе Анцио — там во время войны шли бои с немцами, и поле до сих пор еще не разминировано. За эту опасную для жизни работу дровосеку платили около 200 лир в день. И вот он пришел со своими товарищами в префектуру Рима протестовать против такой нищенской оплаты.

— Я слышал, что там, на Западе, собираются снова вооружать Германию, — говорит Аугусто.— Что же, они думают, что итальянцы забыли, как их разоряли гитлеровские войска? У меня семеро детей, их нечем кормить, а тут берут с тебя последнее на военные нужды, да еще собираются посадить нам на шею немецких генералов! Я человек простой и скажу прямо: нет, это не пройдет!

Те же вопросы мы задали синьору Адельмо Мелони, 54 лет, представителю парфюмерного предприятия, проживающему на улице Америго Веспуччи, № 41. Он сказал:

— Вооружение Западной Германии? Всякий скажет, что от этого усилится бе локойство в Европе и приблизитс война. Не понимаю, зачем нуж но Италии входить в «европейское сообщество», разве мы мало пострадали от нашего несчастного союза с Гитлером? Много полезнее для нас и для всей Европы было бы расширить торговлю с СССР. И потом: деньги, которые идут на вооружение, разумнее было бы использовать для улучшения благосостояния людей — они стали бы больше покупать, это оживило бы экономику нашей страны.

В бюро по найму, на улице Черки, мы встретили безработного механика Серджио Сантоломацца. Ему 30 лет, он отец троих детей. Серджио Сантоломацца так ответил на наши вопросы:

— Конечно, я против перевооружения Западной Германии. Я еще не забыл то, что мне пришлось выстрадать во время войны. Вчера я получил повестку — вызывают в военный отдел. Что это значит? Как демобилизованный я имею право на то, чтобы меня оставили в покое и дали мне работу. Раньше я получал хоть пенсию — шестьсот лир в день, теперь меня ее лишили, да еще хотят, чтобы я опять пошел на войну под началом немецких офицеров!..

В трамвае 23-й линии мы разговорились с вагоновожатым Кармине Руссо, 50 лет, проживающим на улице Лабикана, № 42.

— Я читал заявление Аденауэра, он будто бы хочет объединить похристиански всю Европу, вплоть до самого Урала. Что это значит? Я думаю, это значит — новая война. А народу тошно от войны, мы хотим жить в мире. Итальянский народ помнит Ардеатинский ров и концлагери. Мы за то, чтобы была мирная Германия, которая жила бы спокойно среди других европейских стран. А чтобы было так, нужно внимательно прислушаться к советским предложениям.

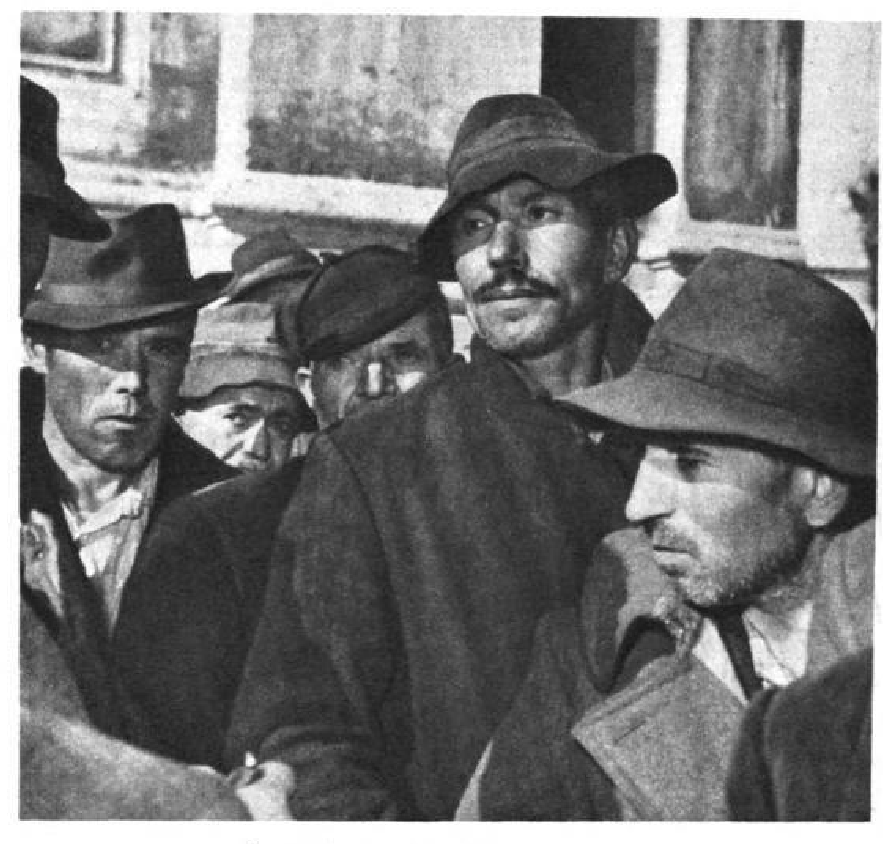
А вот мнение синьора Марио Нафисси, служащего римской скотобойни. Он холост, ему 44 года.

— «Европейское оборонительное сообщество», — говорит Нафисси, — это военный союз против СССР. Если бы его организаторы действовали честно и действительно хотели мира, они пригласили бы в это объединение все европейские страны. Я против «Европейского оборонительного сообщества» и надеюсь, что наш народ и все народы Европы помешают осуществиться этому военному заговору.

...Вот что сказали итальянцы разных социальных прослоек, разных возрастов и политических убеждений, с которыми мы разговаривали на улицах Рима. Как и подавляющее большинство итальянцев, они хотят мирного разрешения германской проблемы, выступают против «Европейского оборонительного сообщества» и питают чувство братской дружбы к советским народам.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО,
Рикардо МАРИАНИ

Рим.

Лесорубы из Абруццы.

Дровосек Аугусто Пелличчиари: «Нет, это не пройдет!»

Старый крестьянин коммунист Альчидо Черви получает медали за семерых сыновей-партизан, расстрелянных гитлеровскими оккупантами.

Вагоновожатый Кармине Руссо: «Нужно внимательно прислушаться к советским предложениям...»

Марио Нафисси, служащий скотобоен: «Я против «Европейского оборонительного сообщества».

НА ИНДОНЕЗИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

В дни, когда в Берлине происходило Совещание министров иностранных дел четырех держав, на другом конце света, в Джакарте, состоялся Индонезийский национальный конгресс мира. На нем получила самую широкую поддержку идея созыва конференции представителей СССР, Франции, Англии, США и Китайской Народной Республики.

На фото: В зале конгресса.

СНЕГ ИДЕТ...

«Завтра в Москве, по сведениям Центрального института прогнозов, ожидается снег... Температура ночью 10—12, днем 6—8 градусов мороза».

Обычная сводка. Вряд ли кто из жителей столицы обратит на нее внимание. Но есть в Москве учреждение, для которого эта сводка звучит как сигнал боевой тревоги. Завтра надо будет очистить от снега более 13 миллионов квадратных метров площади. Если даже снег небольшой, за сутки он покроет землю на 5—6 сантиметров. Чтобы вывезти его по железной дороге, потребовалось бы 6 тысяч вагонов, то есть больше 120 мощных железнодорожных составов. Представляете теперь, сколько хлопот у Треста уборки улиц, если за зиму снег способен покрыть Москву сплошным полутораметровым ковром!

Те, кому доводится ранним утром бывать на улицах, не могут не заметить большого количества разнообразных машин, выходящих на борьбу со снегом. Посмотрите на верхний снимок. Выстроившись уступами, одна за другой идут машины, стальными плугами сдвигая снег, подметая путь вращающимися щетками. Ежедневно в уборке московских улиц и площадей участвует более 500 могучих механических «дворников». 120 пескоразбрасывателей вслед за ними посыпают дорогу.

Вдоль тротуаров образуются большие снежные сугробы. К ним подходят любимцы всей московской детворы, да, пожалуй, как видно на снимке слева, не только детворы, именуемые очень просто: снегопогрузчики. Нельзя не залюбоваться, как ловко, словно руками, загребают они снег и толкают его вверх по ленте транспортера, покуда не высыплют в самосвалы. Таких погрузчиков в Москве 150.

Обычно 400 самосвалов с утра до вечера вывозят снег. В те же дни, когда, выражаясь языком Института прогнозов, осадки бывают особенно обильными, на улицы столицы выходит более тысячи самосвалов. Тонны и тонны снега ежедневно сбрасываются в Москву-реку и в Яузу в тех местах, где реки не замерзают (снимок справа).

— Если сбрасывать на лед,— говорят работники Треста,— то за несколько дней горы снега достигнут самых перил набережной.

Бóльшую часть снега вывозят за город, где мощные бульдозеры сдвигают его на поля. Весной снег досыта напоит землю влагой.

По обочинам Хорошевского шоссе идут две машины — роторы. Винты, вращающиеся в разные стороны, загребают снег, а лопасти вентилятора выбрасывают его струями на 40—50 метров (снимок внизу).

Т. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Фото О. КНОРРИНГА.

«На берегу моря» Ю. Юзелюнаса. На гулянье. В центре танцующей группы рыбачка Оне — Г. Свентицкайте.

Фото А. Ягминас.

Два СПЕКТАКЛЯ

Мариан КОВАЛЬ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Еще до войны на литовской сцене появились образы советских людей — Государственный театр оперы и балета Литовской ССР осуществил постановки оперы Дзержинского «Тихий Дон» и балета Глиэра «Красный мак». Энтузиазм художественной интеллигенции был велик, их творческие силы окрылились. Композиторы С. Шимкус и И. Пакальнис (ныне покойные) приступили к работе над оперой «Село у поместья» и балетом «Невеста». Это интересное начинание было прервано войной.

После освобождения Литвы от гитлеровских оккупантов в 1944 году развитие музыкальной культуры приняло невиданный размах. За истекшие годы во всех областях искусства были подготовлены свои национальные творческие кадры.

К смотру достижений литовского советского искусства в Москве композиторам и театру Литвы удалось создать и подготовить самое трудное и сложное — балет и оперу на советские темы.

Балет «На берегу моря» молодого литовского композитора Ю. Юзелюнаса (либретто В. Гривицкаса, постановка В. Гривицкаса и А. Мессерера) — знаменательное событие в советском музыкальном искусстве. Авторам удалось средствами хореографии рассказать о новой жизни тружеников моря, показать силу духа советских людей. Спектакль убедительно говорит об обреченности враждебных сил, пытающихся помешать неодолимому шествию вперед нового, передового.

Танцевальные и музыкальные характеристики героев балета — колхозников-рыбаков — настолько ярки, что уже с первого акта запечатлеваются в памяти зрителей и слушателей. Прекрасны девушка Касте, с тоской и верой ожидающая возвращения из армии своего возлюбленного Марюса, ее веселая и лукавая подруга Оне, смеющаяся над своими пылкими поклонниками — боевыми парнями Витасом и Микисом. Глубоко драматична фигура молодого бригадира Иониса, безнадежно влюбленного в Касте.

Перед зрителем проходят и другие живые, правдивые образы. Здесь и отец Марюса — хлопотливый старый Нарунас, и весельчак-счетовод Пляуга со своей ревнивой женой. Появление вернувшегося из армии Марюса, радость встречи его в родных местах с любимой Касте — эти сцены сделаны композитором и балетмейстером замечательно. Волнующая, красивая музыка раскрывает переживания героев, а их танец — это целый рассказ о пережитом, о радости долгожданной встречи.

Композитор находит нужную музыкальную характеристику и для врагов: бывшего кулака Кресаса и Густаса — бывшего эсэсовца, скрывающегося от честных советских людей. Если в характеристиках положительных героев широко использованы народные мелодии, явственно проступает светлая лирическая линия, то отрицательные персонажи обрисованы зловещими, сгущенно-психологическими тонами. Создавая образ врага, Ю. Юзелюнасу

«На берегу моря» Ю. Юзелюнаса. Сцена из 1-го действия. Касте — Г. Сабаляускайте.

«Марите» А. Рачюнаса. Сцена из 3-го действия. Допрос гитлеровцами Марите — Е. Саулевичюте.

удалось избежать нарочито дисгармоничных, антимузыкальных звукосочетаний, к которым в таких случаях обращались иной раз наши композиторы. Характеристики действующих лиц Юзелюнас не отрывает от общего колорита чудесной приморской природы, радости мироощущения строителей новой жизни; все это прекрасно выражено в музыке. Яркое оркестровое вступление ко второму акту отлично передает тему созидательного труда.

Советские люди построили на морском берегу маяк. Однако враги в момент разыгравшейся бури пытаются потушить маяк, погубить рыбаков, находящихся в море. Ионис вступает в смертельную схватку с вредителями и гибнет, успев снова зажечь огни маяка и спасти жизнь товарищей. Вся эта напряженная сцена написана с большой силой: здесь и разбушевавшаяся морская стихия, и борьба человеческих страстей, и трагизм событий. Балетмейстеры также нашли убедительные средства для воплощения этой драматической сцены.

В заключение спектакля разоблаченных врагов постигает возмездие. Рыбаки торжественно празднуют открытие выстроенного ими причала, встречая прибывшие из братских республик новые рыболовецкие траулеры. В музыке звучит гордость за советскую Родину, музыка славит братство наших народов. Красочные литовские танцы чередуются с танцами других советских народов.

Спектакль показал большое дарование литовских балетных артистов. Чудесна и обаятельна Г. Сабаляускайте в образе лирической героини спектакля Касте. И другие артисты и артистки создали на сцене яркие реалистические образы, показали хорошую балетную технику. С большим подъемом ведет оркестр молодой дирижер Р. Генюшас.

* * *

Опера «Марите» написана А. Рачюнасом, литовским композитором более старшего поколения, прошедшим сложный путь творческих исканий. На этом пути были у него и достижения, особенно в хоровой музыке, но были и заблуждения — увлечение декадентским искусством порою заглушало в его творчестве здоровые основы реалистической музыки. Решительно преодолевая наносные влияния, композитор создал оперу, посвященную недолгой, но прекрасной и героической жизни славной дочери литовского народа Марите Мельникайте.

Первое действие оперы — празднование свадьбы в литовской деревне, где только что начали строить новую жизнь. Собрались крестьяне, среди молодежи и Марите — инициатор всех лучших начинаний. Здесь же секретарь уездного комитета партии Вашкис, любящий Марите. Композитор в этом акте не дал особенно ярких, запоминающихся музыкальных характеристик всем действующим лицам. Более определенную и рельефную музыкальную характеристику получила здесь лишь Марите. Однако автору удалось отразить в многочисленных хорах и танцах народный дух, колорит. Особенно это сказалось в оптимистически светлых хоровых темах.

Неожиданным взрывом бомбы обрывается народное ликование. Началась война. В широком, могучем финальном хоре выражено стремление народа к сплочению вокруг партии, уверенность советских людей в грядущей победе.

В последующих картинах показывается героическая борьба партизан, в которой вырастают отважные герои — Марите, Вашкис и другие. Непоколебима стойкость советских людей: и трогательной Данутe, лишившейся любимого мужа и оставшейся с ребенком во вражеском тылу, и мужественного отца убитого Сакаласа, и любящей, заботливой матери Данутe. В каждой картине спектакля есть музыкальные эпизоды — хоровые и сольные, — значительные своей художественной силой, эмоциональной насыщенностью, правдивостью. Это во многом искупает серьезные недостатки и либретто (автор — Ю. Густайтис) и музыки оперы в целом; драматургии спектакля недостает цельности, она слишком эпизодична. В музыкальных индивидуальных характеристиках, слабо развивающихся, недостает убедительности. Инструментовка недостаточно искусна, рыхлая. Характеристика враждебного лагеря разрешена несколько примитивными звукоизобразительными средствами. Подлинного симфонизма музыка достигает лишь в финальной картине — в сарае перед казнью, где Марите вместе с арестованными женщинами проводит последние минуты своей жизни.

И все же, несмотря на эти недостатки, опера «Марите» вызывает в зрительном зале неослабевающий интерес. Молодые талантливые артисты театра — ведущая сила спектакля; они поют и играют с энтузиазмом и покоряющей искренностью. Волнующий образ Марите создала еще совсем молодая певица, студентка Вильнюсской консерватории Е. Саулевичюте, обладающая красивым голосом и незаурядным артистическим дарованием.

Отлично поют и играют в опере К. Гутаускас, Ю. Мажейка и молодые артисты М. Алешкевичюте, Е. Кудабайте, Я. Петрашкевичюте, И. Стасюнас, К. Шилгалис, А. Лиетувнинкас, Р. Сипарис, Г. Забуленас.

Спектакль хорошо поставлен режиссером Ю. Густайтисом (консультант — Е. Соковнин). Большую и сложную работу с солистами, хором и оркестром удачно выполнил молодой дирижер А. Жюрайтис.

Две постановки новых произведений советских литовских композиторов, с которыми сейчас познакомится наш зритель в связи с гастролями театра Литвы в Москве, и рядом с этим незаурядные постановки классических опер и балетов говорят о том, что литовский оперный и балетный театр находится на верном пути.

Мы от души желаем советскому литовскому искусству нового замечательного расцвета.

Песни Дальнего Востока

...Шла передача из Москвы. Перед микрофоном выступал Северный русский народный хор. И вдруг Владимир Румянцев с удивлением услышал мелодию своей песни «Шуми, Амур». Но мелодию сопровождали совершенно не те слова, что родили ее.

Может быть, какой-нибудь демобилизованный солдат привез песню с Дальнего Востока в поморский край и спел ее девчатам на первой вечеринке? А от девчат-певиц песня докатилась и до областного центра? Наверное, так и случилось с песней Владимира Румянцева «Шуми, Амур» — одной из самых популярных на Дальнем Востоке.

Вскоре «Шуми, Амур» была «возвращена» авторам: ее передали из Москвы уже как образец творчества дальневосточных песенников — композитора Владимира Румянцева и поэта Сергея Феоктистова.

Творчество Владимира Александровича Румянцева тесно связано с Дальним Востоком, исхоженным и изъезженным композитором. Он побывал на Чукотке и Охотском побережье, на Камчатке и Курилах, в Приморье, на Сахалине и в Амурской долине. Итогом поездок были циклы песен «Сахалинский» и «Люди Приамурья» на слова С. Феоктистова.

Известны здесь его песни «Мы ведь с Дальнего Востока», «Баллада о Максиме Пассар» — герое нанайского народа, также созданные им совместно с С. Феоктистовым, песни «Идут солдаты ротами», «Мчится песня под Амуром» — на слова поэта С. Тельканова. Недавно композитор закончил песню «Сильна страна» — на слова поэта С. Васильева.

Под впечатлением поездки в Китайскую Народную Республику В. Румянцев написал песню «О великих друзьях». Слова принадлежат поэту-дальневосточнику Ан. Рыбочкину.

...Радио начинает воскресный концерт по заявкам трудящихся: «...Вальс «Амурские волны». Обработка Владимира Румянцева, исполняет Краснознаменный ансамбль...»

«Плавно Амур свои волны несет!..» — запевают теноры первые слова вальса. Льется широкая, как река, мелодия...

Л. ДАНИЛОВ

Хабаровск.

Композитор В. А. Румянцев.
Фото В. Гулина.

Овощи зреют зимой

Звеньевая Л. Н. Карнаухова и работница И. Е. Липецкая в теплице.

На южной окраине Ленинграда, там, где проходит шоссе, ведущее к Пулковским высотам, виднеются выстроившиеся в ряд необычные по форме здания. Сплошь остекленные крыши плотно прилегают к промерзшей, заснеженной земле. Это строения теплично-парникового комбината треста «Леннарпит». Круглый год снабжает комбинат свежими овощами магазины, столовые и рестораны Ленинграда. В его теплицах выращивают

Агрономы наблюдают за развитием кустов рассады.

огурцы, зеленый лук, помидоры, петрушку, свеклу, сельдерей, салат, щавель и... виноград.

Открываем дверь, и перед нами точно огромный зеленый ковер. По пряному запаху нетрудно определить, что здесь выращивают сельдерей. Работницы, присев на корточки, аккуратно выдергивают корешки.

Проходим небольшой коридор и попадаем в соседнюю теплицу. На одной половине ее уже снят урожай. У весов стоят ящики, доверху наполненные зелеными стебельками свежего лука. Эти овощи подготовило к отправке звено К. И. Григорьевой.

На высоких стеллажах другой теплицы зеленеет созревший лук. И тут же, в грунте, мы видим грядки свеклы, салата, сельдерея.

— Таким образом мы,— объясняет старший агроном А. С. Богомазов,— полнее используем площадь теплицы.

Звеньевая О. Ф. Азарьева, нагрузив доверху корзину красными, сочными помидорами, идет в кладовую. Это последний урожай минувшего года. Но сбор помидоров прекратится ненадолго. Вот и сейчас мы видим на стеллажах кусты рассады.

Вверху, под стеклянной крышей, тянется толстый провод, по которому на роликах передвигаются 18 железных софитов. Дежурный включает мотор. Раздается глухой, едва слышный гул. Автоматически двигаясь взад и вперед, софиты освещают рассаду, увеличивая непродолжительный зимний день. Агроном Р. И. Холодова и работница А. А. Воробьева пристально наблюдают за развитием каждого куста рассады. Очень важно в точности соблюдать режим электродосвечивания.

До середины января температура в теплице с виноградом достигала едва пяти градусов тепла. Постепенно ее начали повышать, вначале до восьми, потом до десяти, и довели до двадцати градусов. Виноград пошел в рост. В июле начнется сбор урожая.

...Ежедневно от теплично-парникового комбината отправляются в город машины со свежими овощами. А навстречу им из города мчатся грузовики с кирпичом, цементом, стеклом. Идет строительство новых теплиц и парниковых рам. За два года площадь комбината удвоится.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото **С. ФРИДЛЯНДА** и **Н. АНАНЬЕВА.**

Круглый год в теплицах выращивают свежие овощи. Звено К. И. Григорьевой подготовило к отправке зеленый лук.

КАЛУЖСКИЙ ГУСЬ

В. ТИТОВ

Фото М. САВИНА.

Мне сказали:

— Поезжайте в Калугу и разузнайте, куда девался тот знаменитый калужский гусь, который когда-то в Москву пешком ходил.

Я поехал в Калугу.

...Калужская лесная сторона. Старинные города, славные ремеслами села. Тут и десяти километров не проедешь, не узнав о чем-нибудь важном и интересном.

Города! Ну вот возьмем хотя бы Мещовск. Древле он назывался Мезеческом, а потом — Мещерском. Летописная история рассказывает о Мещовске, что под его стенами когда-то пылали и огни костров разбойных крымцев, побывали под его стенами и паны шляхетские. Но есть у Мещовска старина и другая. Здесь в незапамятные еще времена была выведена лучшая порода русских свиней — мещовская свинья. На пареной мякине да на картошке она на крестьянском дворе за год до десяти — двенадцати пудов вымахивала. И сейчас жива эта свинья; на колхозном и крестьянском дворе в Калужской округе она не редкость.

Недалеко от Мещовска стоит и Медынь — древний Медынск. Славилась Медынь испокон веков лучшими на Руси медами. Липовые точеные бочонки с луговыми медами докатывались из Медыни и до Москвы, и до Архангельска, и до Урала, а то и в чужие страны увозили их заморские корабли. И это оттого было, что в незапамятные времена крестьяне вывели на Медыни великолепную длиннохоботковую пчелу. К тому же на Медыни уже тогда умели возделывать луга и сеять и растить на них клевера.

Недалеко от Медыни — Брынь. Но у Брыни слава уже другая — индустриальная. На Брыни в начале восемнадцатого столетия поставил Никита Демидов чугуноплавильный завод. Отсюда посылал он и своих первых «рудознатцев» и «работных людей» за «Каменный пояс» — Урал — искать там меди, злата, железа и ставить «огневые печи». Уходили люди из Калуги на века. И забрали они с собой, увели на Урал местную замечательную корову — «красную пойменку», выведенную на приокских пойменных лугах. На Урале от нее пошла новая порода — тагильский скот.

Но больше всего и во все времена славилась калужская земля гусями. Многотысячные стада гусей наполняли реки, речки и ручьи, которые пересекают лесную эту сторону во всех направлениях. Славился калужский гусь не своим весом, а качеством нежного, вкусного мяса. Не было лучше блюда на праздничном столе у москвичей, как жареный калужский гусь с антоновскими яблоками. А приходил он в Москву действительно пешком. Пригоняли гусей в столицу мелкие крестьянские прасолы. Скупали они их по деревням и гнали по старой калужской дороге до самых столичных застав. От этих времен осталась поговорка: «На Калуге гуси кричат — на Москве жаровни готовят».

— Так где же этот гусь, куда он девался? — спросил я по приезде Евграфа Савельича, моего старого знакомого, исконного жителя Калуги, бывшего лесовода и неизменного птицелюба.

— Ага, так вот какой вопрос! — сказал Евграф Савельич и, распорядившись самоваром, ответил: — Что ж, разберемся!

Старый калужский гусь никуда не девался, — объяснил мне Савельич. — Он только убавился числом, потому что долгое время внимания к нему не было никакого. Ты увидишь этих гусей. Но повезу я тебя смотреть не их, а нового гуся. На Калуге родился новый гусь! Утром поедем в Козельск, там все тебе и объяснится.

На следующий день с Евграфом Савельичем мы были уже на остановке, откуда на Козельск отправляется автобус. И вот тут случилось так, что тот гусь, которого мы ехали смотреть в Козельск, почти буквально влетел к нам в автобусное окно. Вернее, он не влетел, а его впихнули в большой плетеной корзине. Вслед за гусем под протесты кондуктора в автобус вошел старик и заговорил:

— Что ты понимаешь в этом гусе, мил человек? Я с ним, с этим гусем, уже больше недели от дому отбившись! Ведь в нем, в этом гусаке, больше восьми кило весу, да посчитай корзинку за четыре. Я с ним, с окаянным, весь измучился! Ни в один ресторан, ни в гостиницу, никуда не пускают. Я с ним чуть не до обкома дошел, в редакции был, семь ден и ночей, на речке ночуя, мок. Но все ж я его утвержу! — сказал решительно старик.

— Что же, гражданин, он какой-либо ученый, что ли? — спросил я с любопытством у старика.

Старик уничтожающе обдал меня взглядом презрения и ответил:

— Профессор, в цирке из пистолета стреляет.

Гусь, видом очень похожий на парусный корабль с тугими сложенными парусами, веский, солидный, серый, с чистейшей белой «салфеткой» на груди, сидел на лавке, скрипел тугим, чистым пером, повертывая медленно головой то в одну, то в другую сторону, тихо разговаривал сам с собою, а иногда задумчиво, но громко произносил солидное «кга».

Водитель дал веселый предупредительный сигнал, и автобус, шумный и кипящий, как дачный самовар, покатился из Калуги.

— Вот это и есть та самая новая птица, о которой я тебе говорил, — сказал мне, смущаясь, Савельич.

Наш автобус скоро миновал Перемышль и бежал уже долиной реки. Стоял чудесный день. Воздух был сух и прозрачен. Отлично с дороги открывалась нам вся долина Жиздры, уставленная высокими стогами сена. За рекой нескончаемой полосою темнел еловый лес.

Наконец у первого села Евграф Савельич высунулся в окно и сказал мне значительно:

— Гляди!

Со взлобка горы к воде спускалось под охраной двух мальчиков стадо глинисто-белых гусей голов в триста. Гуси кричали, гомонили, перекликались и тянулись по стежкам, протоптанным косо и криво, как большие живые связки бус, хорошо нанизанные на крепкие нити. Гуси не были крупны, но не были и слишком мелки.

— Вот это и есть потомки тех гусей, что в Москву пешком ходили, — сказал Савельич. — А теперь погляди вот сюда, в огороды, и приметь.

В огородах, которые были вид-

ны за частоколом по берегу, бродило много гусей, да таких, что от удивления только руками можно развести. Серые, рослые, крупные птицы с белыми «салфетками» на груди, точно такие же, как и та, что сидела с нами в автобусе на скамейке, щипали похожие на большие зеленые вазы капустные лопухи, и казалось, перо на них тоже скрипит от чистоты и сытости тела. Разница между гусями на речке и гусями в огороде была разительная.

— В чем тут дело? — спросил я Савельича, но он промолчал.

В Подборье все повторилось сызнова, в Полошкове — тоже. Бело-глинистые некрупные гуси паслись на пажитях, а в селах — у дворов, на лужках, в огородах и палисадах — ходили семьями удивительно рослые серые птицы с белыми «салфетками» на груди.

— В чем тут дело, Савельич? — спросил я спутника снова.

— За этим вот и едем, чтобы узнать, в чем тут дело,— пробурчал недовольный Евграф Савельич.— А покуда и без того уже ясно: глинисто-белые гуси — это, гуси с колхозных ферм, а вот эти серые корабли — личные, индивидуальные.

...Новый калужский гусь родился совсем недавно. Он появился на свет как-то незаметно и сразу занял одно из первых мест среди старинных, так называемых местных, русских пород. Его открыли работники загорского института птицеводства, обследуя три—четыре года назад знаменитый козельский «гусиный массив» старинного гусеводства. Новый гусь оказался всеми статьями лучше породистых арзамасских, шадринских и псковских лысых гусей, он не остановился даже перед холмогорами. Родословная его проста. Установлено, что произошел он от скрещивания малоизвестного, неказистого, но как-то сохранившегося сильного тульского бойцовского гуся, которого прежде разводили для увеселительных боев тульские любители, и тоже неказистого, того самого местного гуся, который прежде пешком в Москву ходил.

Новый гусь показал сразу свои качества отличной птицы. По весу он достиг холмогоров, нагуливая в зрелом возрасте семь — восемь килограммов. За весну, лето и осень новый калужанин вымахивает от гусенка до крупного гуся весом в пять кило. Но на его стороне оказалось и другое преимущество: жир свой он откладывает не так, как все без исключения породы гусей, толстым слоем под самой кожей, а «стелет» тонкими слоями между мускульной тканью. Его мясо напоминает слоеный пирог, в котором слой мяса и слой жира чередуются в строгой последовательности. Две трети года новый гусь не требует за собой никакого ухода. С ранней весны до поздней осени пасется он на «зеленом конвейере», который может предоставить ему любое колхозное хозяйство. Гусь идет как бы следом за календарем хозяйственных работ, успевая побывать вначале на зеленых, а потом и скошенных лугах, затем на ржаных, а потом на гречишных и овсяных пажитях, на убранном картофельном поле и вновь на луговой отаве или в капустнике. Главное для него — движение, воля, простор. В движении он нагуливает плотный, обильный мускул, в меру прослоенный жиром, как хороший, тренированный спортсмен. Только со снегом становится он в стойло; тут его корм состоит из пареной мякины, картофеля, клеверной трухи и отходов зерна.

Все это о новом калужском колхозном гусе мы узнали, как только прибыли в Козельск, от директора Государственного племенного рассадника Варвары Дмитриевны Фирсовой.

— Да,— сказала она,— новый, колхозный гусь родился, и теперь я покажу вам его.

Через час мы уже шли через древний Козельск в село Ново-Кизачье, что стоит в лугах под городом, недалеко от Жиздры, на одну из колхозных ферм Госплемрассадника. Гусей мы увидели близ самого села. Они паслись в широком капустнике подвижной, большой, плотной стаей голов в триста. Из дверей большого длинного помещения, похожего на коровник, то и дело выбегала какая-то женщина в телогрейке и, вскинув руку над глазами, вглядывалась в капустник. Заметив нас, она пошла навстречу.

— Гусей пришли смотреть? — спросила она и отрекомендовалась: — Колхозная гусятница Василиса Тимофеевна Печнева.

И повела нас в капустник. Было приятно видеть этих рослых, красивых, сытых птиц, которые с дородной важностью ходили между полуопустевших гряд.

...В селе Дешевки Вера Кретова, старшая гусятница колхоза имени Орджоникидзе, встретила нас так же радушно и распахнула двери обоих теплых, больших помещений гусиной фермы. Большие, светлые окна, хорошо утрамбованные полы, добросовестно проконопаченные пазы бревенчатых стен, добротные кормушки и поилки — все было в порядке; ферма была готова и ждала гусей на зимовку. Сейчас гуси паслись где-то в полях, на поздней овсяной пажити. В одном из помещений показала Кретова нам хитроумно устроенную «большую наседку». Вдоль всего помещения по полу тянулся кирпичный намост, похожий на печной боров, со множеством печурок. Здесь по весне высиживаются в тепле молодые гусята, отобранные от наседок.

Вера Кретова охотно рассказывала нам о том, как создавалась в колхозе племенная ферма нового калужского гуся. Она называла фамилии колхозных и неколхозных гусеводов-любителей, у которых брали на племя лучших гусей. Запомнились две фамилии: козельского кузнеца Алексея Ивановича Смирнова и жителя села Дешевки Кузьмы Гавриловича Ханеева.

Удивило нас больше всего тут то, что новый гусь был выведен и появился на свет не на этой вот колхозной ферме и не в научном каком-либо селекционном хозяйстве, а в крестьянском закутке гусевода-любителя. Но кто был его творец? Ответить нам на это никто не мог.

Но еще всего больше удивило нас здесь то, что во всех тридцати восьми колхозах района, где были гусиные фермы, разводят сейчас и содержат того самого старого гуся-«самохода», который в Москву пешком ходил, и только на девяти из них холят и пестуют нового, замечательного гуся, который как бы самой природой создан, чтобы заменить и вытеснить прежнюю, «самоходную» старину. Эти девять колхозных ферм были фермами Госплемрассадника.

— Сколько на этих девяти фермах гусей? — спросил Савельич Варвару Дмитриевну.

— Около двух с половиной тысяч,— ответила она.

И тут Вера Кретова обронила случайно одну острую фразу. Она сказала:

Заведующая птицефермой колхоза имени Орджоникидзе Вера Васильевна Кретова.

— А у нас сейчас на ферме пятьсот голов, да сто пятьдесят мы свезли в госзакупку.

У Евграфа Савельича перехватило дух.

— Это в какую госзакупку? — спросил Савельич, бледнея.— Не в ту ли уж самую, из которой гусь потом попадает прямо в жаровню?

— Может, и в жаровню,— резонно ответила Вера Кретова.— Только больше пятисот держать мы не можем.

— Племенных гусей в жаровню? — переспросил Савельич и воздел на нос от волнения свои металлические очки.

В городе был базарный день. По всем дорогам к нему катили подводы, полные корзин с крикливыми гусями. Около корзин, празднично одетые, сидели хозяйки. Евграф Савельич всматривался в гусей и, удивляясь, приговаривал:

— Глядите, глядите, почти одних серых везут!

Мы шли через базар на двор госзакупки. В рядах и среди возов шла бойкая торговля сеном, картофелем и овощами. Бочары выкатывали дубовые кади и, постукивая по ним молотками, нараспев расхваливали свой товар. Мы вошли на большой двор с вывеской «Заготскот». В длинном сарае, набитом до отказа, кричали гуси. Серые рослые красавицы мешались с низкорослыми бело-глинистыми птицами.

— Сколько?— спросила Варвара Дмитриевна.

— Три с половиной тысячи уже,— охотно и весело ответил заведующий приемкой, подвижной и торопливый Цукерник.

— Куда пойдут? — в свою очередь, спросил Савельич.

— На откормку под Москву, в Наро-Фоминск, в совхоз «Красная Пресня».

Савельич ошарашенно опять воздел свои металлические очки на нос. Его удивило это слово — откормка. Его удивило и то, что на железной дороге для отправки гусей в Москву уже было заказано десять или пятнадцать вагонов.

— Вы вот что, вы им самолет закажите,— посоветовал заведующему Савельич.— Мол, прежде гуси в Москву пешком ходили, а теперь вот летают. Так и сделайте!

Цукерник язвительно поблагодарил.

— Так! — сказал Савельич, как бы мучительно соображая и прозревая истину.— Так!

И спросил он тут вдруг, как будто нацелившись на что-то главное, Варвару Дмитриевну:

— А скажите, пожалуйста: разве вот эти самые серые гуси с «салфетками», что у Цукерника во дворе, разве они беспородные?

— Да как же беспородные-то?— искренно отвечала Варвара Дмитриевна.— Ведь наши-то, что на фермах, от таких пошли.

— Так! — сказал еще раз Савельич Варваре Дмитриевне прямо в упор.— Что же вы это делаете?

И вскипел. И пошел. Он доказывал, что серого гуся как племенного надо взять на учет, на каком бы дворе он ни стоял. Он доказывал, что им пора заменить беспородного гуся-«самохода» на всех фермах района и всей Калужани.

— Разве это порядок,— возмущался Савельич,— когда на колхозных фермах бытует мелкий гусь тысячелетней давности, а новый, которому суждено заменить старого, идет в жаровню?

— Да боже мой! — запирая с опаской сарай, вскричал Цукерник. — Чего же вы хотите?

— Того и хочу,— говорил Савельич,—чтобы на колхозных фермах было больше новых калужских гусей.

И тут, как бы очнувшись и выйдя из оцепенения, Варвара Дмитриевна сказала:

— Это еще невозможно. Ведь наш этот новый, колхозный калужский гусь есть гусь еще не утвержденный!

И тогда мы узнали, что и эти новые калужские гуси и даже те прославленные, что упоминаются во всех справочниках по птицеводству—холмогоры, шадринские, псковские лысые, роменские, тамбовские и другие гуси,— существуют у нас на свете до сих пор как птица неутвержденная. А мы и не знали того, что неутвержденный гусь, как не записанный в Государственную племенную книгу, не может подлежать ни планированию, ни районированию и не может быть рекомендован как порода и на фермы.

Вечером того же дня мы с Савельичем разыскали домик кузнеца Алексея Ивановича Смирнова. Нам очень хотелось узнать, откуда же все-таки пошли новые калужские гуси. И здесь, у него, мы застали вдруг и того старика, который ехал с нами утром на автобусе. Он и был тот самый Кузьма Гаврилович Ханеев, любитель-птицевод, от чьих гусей и пошло стадо на ферме в колхозе имени Орджоникидзе. Мы разговорились. Но оказалось, что установить, откуда пошел на Калуге новый гусь, невозможно. Кузьма Гаврилович сообщил, что взял он своих первых гусей у какого-то лесника на Жиздре, лесник привез своих от кого-то из-под Козельска, и так далее. Примерно то же самое рассказал нам о своих гусях и кузнец Алексей Иванович. День был воскресный, и хозяин предложил нам у него отобедать. И тут впервые мы с Евграфом Савельичем дегустировали нового калужского гуся. Он был подан, обложенный душистыми печеными антоновскими яблоками. Гусь, как известно,— мастер пахнуть. К тому же стол был сервирован графином, в который предусмотрительно была опущена свежая алая кисть рябины. Мясо гуся было исключительно вкусным. Сочное и ароматное, оно действительно напоминало слоеный пирог, в котором тонкий слой белого, нежного мяса был аккуратно прослоен тончайшими пластами жира.

В гостиницу с Савельичем мы возвращались поздно вечером. Кругом стояла тьма. Мы шли и думали о калужской стороне, о ее народе. Вот, думали мы, сумел же калужанин обжить когда-то лесные былинные брынские дебри, вывести мещовскую свинью, медынскую пчелу. Уходя на Урал, покидая Калужань, увел туда за собой «красную пойменку». Там сложил он новую породу скота — тагильскую,— красу и гордость уральского животноводства. А теперь вот на Калуге родился новый, колхозный, изумительных качеств гусь. «Но почему же сейчас на Калуге не могут с ним справиться, пустить его, как надо, в дело?» — думали мы.

СОЗДАТЕЛЬ ТЕХНИЧЕСКОЙ БИОХИМИИ

К 60-летию со дня рождения А. И. Опарина

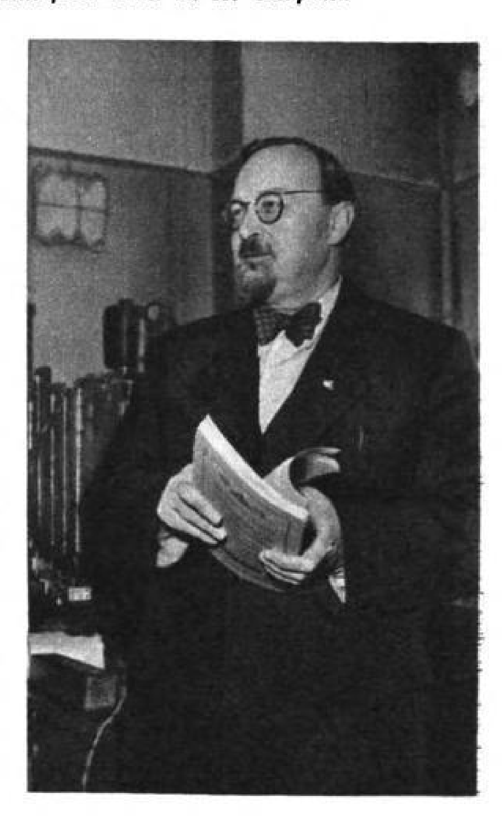

Фото О. Кнорринга.

— Моей специальностью... является биология — наука о жизни, одна из благороднейших наук, служащая основой здравоохранения и сельского хозяйства... В своих научных исследованиях я стремлюсь не только понять сущность жизни, но и ищу пути к овладению живой природой на благо человечества.

Эти слова, произнесенные академиком Александром Ивановичем Опариным несколько лет назад, как нельзя лучше характеризуют его многогранную творческую и общественную деятельность. И с какой бы стороны ни начать знакомство с ней, перед нами встанет облик глубокого исследователя, пламенного борца за мир, неутомимого просветителя, несущего знания в широчайшие слои масс.

Советским ученым, да и не только советским, хорошо известны научные труды А. И. Опарина. Если академик А. Н. Бах — основоположник советской биохимии, то его ученик и верный соратник Александр Иванович Опарин по праву считается создателем того направления, которое получило название технической биохимии. Это ему принадлежит открытие и детальное изучение биохимических процессов, лежащих в основе технологии изготовления хлеба, вина, чая и других продуктов растительного происхождения.

Труды биохимиков широко используются в народном хозяйстве. Повсеместно применяется режим длительного хранения сахарной свеклы, позволивший увеличить сезон работы заводов почти в полтора раза. На фабриках чая успешно внедряется биохимический контроль, обеспечивающий получение чая более высокого качества. Правильные методы определения свойств муки и составления мучных смесей получила от ученых хлебопекарная промышленность.

А. И. Опарину принадлежит важная роль в развитии теоретических основ новой ветви современной науки о ферментах — энзимологии. Участники 2-го международного биохимического конгресса, состоявшегося в июле 1952 года в Париже, с огромным вниманием слушали доклад главы советской делегации академика А. И. Опарина. Он рассказывал о поведении энзимов — ферментов — в живой растительной клетке. Советские ученые — пионеры изучения энзимов в живой клетке.

Действие ферментов обычно наблюдается в растворах, искусственно полученных из разрушенных тканей растения или животного. Александр Иванович начал изучать действие ферментов не в искусственных растворах, а непосредственно в самой живой клетке, не нарушая тех условий, которые в ней существуют при жизни.

Широко развернувшиеся в Институте биохимии имени А. Н. Баха работы в этом направлении уже позволили обосновать ряд физиологических и хозяйственно важных особенностей культурных растений: их сахаристость, скороспелость, засухоустойчивость и т. д.

Многие годы упорного труда посвятил ученый сложнейшей проблеме происхождения жизни. Его книга «Возникновение жизни на Земле», выдержавшая десятки изданий на разных языках в Советском Союзе и за рубежом, до сих пор остается выдающимся явлением в биологической литературе. Живые существа возникли на Земле, по мнению автора, в результате длительной эволюции материи, как определенный качественный этап в ее историческом развитии. Шаг за шагом раскрывается картина этой эволюции. Наиболее подробно А. И. Опарин останавливается на первичном возникновении белковых веществ, играющих огромную роль в жизни организмов.

Научная деятельность Опарина далеко не ограничивается разработкой указанных проблем. Ему принадлежит ряд выдающихся экспериментальных исследований по механизму дыхательных процессов растений и, в частности, честь открытия вещества — хлорогеновой кислоты,— ускоряющей окислительно-восстановительные реакции.

А. И. Опарин — замечательный популяризатор передовых биологических идей. Его, как председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и лектора, знают миллионы трудящихся нашей страны. Академик Опарин не раз выступал в свободном Китае и возрождающейся Корее, в демократической Венгрии и Польше, перед учеными Италии и США, Австрии и Финляндии.

Особенно популярным стало имя академика Опарина как активного участника всемирного движения сторонников мира. Тысячи людей доброй воли, представлявшие 80 с лишним стран на Варшавском конгрессе, единодушно избрали его членом Всемирного Совета Мира. С тех пор он непременный участник его сессий.

А. И. Опарин сформировался как ученый после Великой Октябрьской социалистической революции. Он является одним из ярких представителей нового типа ученых, которые, не боясь трудностей, смело штурмуют крепость науки, отдают все свое умение и знания народу.

Член-корреспондент
Академии наук СССР
Н. М. СИСАКЯН.

КОГДА ВОЙНА ПОГЛОЩАЕТ МИЛЛИАРДЫ...

На окраине Парижа, в районе Нантера, есть местечко, которое получило своеобразное название Бидонвилль — город из бидонов. Бидонвилль — это целый город, построенный из жести, корпусов старых автобусов, железных ящиков, обрезков фанеры.

В воскресный день мы побывали в Бидонвилле. Одна из его «улиц» предстает перед читателем на фотографии. Едва ли нужны комментарии к этому снимку!..

В районе Нантера, заселенном преимущественно рабочими, перед нами предстала ужасающая картина — дома, провалившиеся под землю. В Нантере не было землетрясения. Но здесь под землей проходят длинные извилистые карьеры, в которых торговые фирмы выращивают грибы шампиньоны. Земля была изрыта до того, что начали проваливаться целые дома. На улице Дидро нам показали дом, провалившийся ночью на глубину десяти метров. Некоторые жильцы, в том числе двое детей, получили тяжелые ранения. Тридцать семь человек остались без крыши над головой.

Г. РАССАДИН

Путеводители по Парижу, издаваемые для иностранцев, пестрят названиями произведений архитектуры, живописи, скульптуры. Вандомская колонна, ансамбли площади Бастилии и площади Этуаль — все эти замечательные памятники, свидетельствующие об одаренности и трудолюбии французов, приобрели всемирную известность.

Но не о музеях и парках, не о Версале и Фонтенбло хочется рассказать читателям «Огонька», а о другом — о трущобах Парижа.

Тяжелый жилищный кризис, от которого страдают массы трудящихся парижан, с особой силой обнаружил себя в начале этого года, когда во Франции ударили неслыханные холода. В феврале газеты сообщали о грудных детях, погибших от холода в домах, лишенных отопления, о молоке, замерзавшем в бутылках. За один день 8 февраля, например, отмечено 11 смертных случаев от холода.

Демократическая печать указывала на бездействие властей, которые словно только теперь, когда на Париж обрушилось стихийное бедствие, открыли, что в столице множество трущоб, непригодных для жилья даже в обычных для Франции мягких климатических условиях.

Вот один из распространенных типов «квартир» Бидонвилля. Когда-то это был корпус автомашины, в которой по Парижу развозили кофе. Теперь здесь живут четверо одиноких рабочих, и каждый из них платит за «квартиру» по 2 тысячи франков в месяц! За что взимаются эти деньги, видно по внутренности «жилья».

В тупике Курони, в доме № 14 (Париж), проживает семейство Буано: отец, мать, трое детей. Глава семьи три года назад получил увечье на работе. Пенсия составляет 14 тысяч франков в квартал. И это при прожиточном минимуме около 26 тысяч франков в месяц.

— Дом наш,— рассказывает госпожа Буано,— признан непригодным для жилья еще в 1943 году. В комнате так темно, что приходится жечь свет круглые сутки. Шныряют

Сильные морозы захватили врасплох парижан, не имеющих жилья. Многие из этих бездомных замерзали на улицах.

крысы... Недавно одна укусила меня в кровати. Я все время боюсь за ребенка...

На фотографии вы видите, как должны изощряться французские матери, чтобы устроить хотя бы подобие колыбели для малыша, например, из деревянного ящика от фруктов.

Трущобами знаменит не только Париж. В Гавре есть поселок Шовэн, как две капли воды похожий на Бидонвилль. Семьи, живущие в разбитых автобусах, там не редкое явление.

Фотография трущоб в городе Труа свидетельствует, что и там положение не лучше.

По подсчетам прогрессивных газет, на деньги, истраченные на войну во Вьетнаме, можно было бы построить 800 тысяч квартир и обеспечить крышей, по крайней мере, 3 миллиона французов.

Это один из тех многих примеров, которые убеждают трудящихся Франции в том, что их борьба за повседневные права и интересы неотделима от борьбы за мир.

Писатели и книги

Борьба продолжается

В книге Александра Гудайтиса-Гузявичюса «Братья» раскрывается дальнейшая судьба героев, которые уже знакомы русскому читателю по роману «Правда кузнеца Игнотаса», удостоенному Сталинской премии.

Автор рисует широкую картину жизни Литвы в тот период, когда на нашу страну со всех сторон устремились полчища интервентов. По-разному приходят к борьбе за дело революции герои романа. Кузнец Игнотас, ставший старшиной в своей деревне, прошел большую школу пролетарской борьбы, и он по праву становится вожаком деревенской бедноты. Комсомолка Альдона, как и многие ее товарищи по комсомольскому отряду имени Карла Либкнехта, увлечена революционной романтикой. В отряде идут бесконечные споры о задачах комсомола, но сами члены отряда еще далеки от трудящейся молодежи, не умеют найти путей к сердцам молодых рабочих и работниц. Отец Альдоны доктор Мастайтис полон либеральных иллюзий. Но и он приходит к мысли, что правда на стороне трудящихся людей. Он так и не решается подать заявление с просьбой принять в члены Коммунистической партии, боясь, что ему откажут, сочтут его недостойным. С этим заявлением в кармане старый доктор погибает героической смертью, закрывая собой раненых красноармейцев от сабель пилсудчиков.

Мы видим в романе профессиональных революционеров и молодых комсомольцев, видим бедняков-крестьян, которым трудно еще уразуметь ту правду, которую понял Игнотас.

Автор правдиво показывает причины поражения молодой Литовской республики. Неискушенные воины революции еще очень беспечны, что позволяет скрытым врагам проникать в советский аппарат. Комсомолец Дзукас увлекается красивой актрисой, привлекает ее к агитационной работе в отряде, не подозревая, что это американская шпионка.

Дорого стоит это благодушие! Вылезшие из нор враги устраивают кровавую резню, когда пилсудчики и немцы вступают на литовскую землю. Автор выводит в романе палача-садиста Ляхавичюса. Ксендз Канопа, исповедующий жертвы Ляхавичюса перед казнью, благословляет все страшные преступления.

Но борьба продолжается. Вокруг ушедшего в подполье Игнотаса собираются новые борцы. Им приходится работать в крайне тяжелых условиях. Многие подпольщики схвачены и уничтожены, явки обрываются. Но Коммунистическая партия продолжает свою деятельность, и все больше честных тружеников сплачивается вокруг нее.

В романе много героев. Стремясь показать самые различные типы, автор не сумел дать всем своим персонажам запоминающиеся характеристики. Если мы помним Альдону, доктора Мастайтиса, Игнотаса и его жену Игнотене, еще полную предрассудков и лишь во время нашествия врагов изживающую их, то образы многих других героев обрисованы крайне бегло, так что, встречая некоторые имена, приходится припоминать: кто же это?

Не повезло в романе профессиональному революционеру, мужу Альдоны Каролису. Он ненадолго появляется на первых страницах книги, затем упоминается еще в одной главе. А ведь, по замыслу, Каролис должен играть в романе очень значительную роль: это один из тех людей, которые руководили борьбой против интервентов и внутренних врагов.

Страницы, посвященные судьбе комсомольского отряда, вступающего в героическую борьбу с ворвавшимися в Вильнюс отрядами пилсудчиков, судьбам Игнотаса, его семьи, его друзей, написаны ярко; здесь чувствуется рука художника. Но часто подлинно художественные описания прерываются беглой хроникой, где все внимание автора уделено лишь констатации развертывающихся событий, в ущерб художественному показу их и раскрытию внутреннего мира самих героев.

Автор задумал создать широкую эпопею революционной борьбы литовского народа. Два написанных им романа являются заметным событием в литовской литературе. Но хочется пожелать автору снова вернуться к роману «Братья», поработать над многими его страницами, чтобы сделать весь роман цельным произведением. А. Гудайтису-Гузявичюсу эта работа вполне по силам.

На мой взгляд, переводчики Л. Левинене и Н. Паньшина не справились со своей задачей. Нередко создается впечатление, что это не литературный перевод, а лишь подстрочник: так неуклюже построены фразы. Многие литовские и польские слова переводчики вообще не дали себе труда перевести на русский язык. Например, мы встречаем слово «боювка» вместо «боевой отряд». Вряд ли можно полагать, что русскому читателю понятны слова «многовалакининкас», «шволежер» и многие другие, которые даны без всякого пояснения. Переводчики без нужды оставляют в тексте литовские слова, объясняя их значение лишь в сносках. Видимо, они считают, что сохраняют таким образом национальный колорит. Но на деле это лишь затрудняет чтение.

Александр Гудайтис-Гузявичюс пользуется не только литературным языком, но и областными диалектами для речевой характеристики своих героев. Конечно, это создавало дополнительные трудности при переводе. Но все же мы вправе требовать, чтобы переводчики решали свою задачу творчески и сумели на русском языке дать все оттенки образной и яркой речи героев романа.

П. ШЕБУНИН

А. Гудайтис-Гузявичюс. Братья. Книги первая и вторая. Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР. 1953. 556 стр.

Фельетон

М. СЕМЕНОВ

Рисунки И. Семенова.

Понедельник

Папа — человек очень занятой. Когда мама разговаривает с соседкой Натальей Сергеевной, то всегда жалуется:

— Беда мне с Николаем. Все время на службе пропадает.

Сначала я не понимал, как это можно пропадать на службе, и стал смотреть в «Толковом словаре». Это меня папа научил в словарь смотреть. Я полистал словарь и нашел слово «пропасть». Даже два таких слова: одно — с ударением на «о», другое — с ударением на «а». Первое означало крутой обрыв, ущелье, бездну, и мне не подходило.

У второго слова оказалось несколько значений. Я выписал их по порядку: «1. Потеряться, затеряться, исчезнуть неизвестно куда вследствие кражи, небрежности и т. п. 2. Отправившись, уехав куда-н., исчезнуть, перестать появляться где-н. 3. Скрыться, перестать быть видимым или слышимым. 4. Перестать существовать, утратиться. 5. Погибнуть...»

Долго думал я над этими определениями, и мне стало страшно. А вдруг папа пропал на службе вследствие небрежности и кражи и его надо будет разыскивать с милицейскими собаками? Я вспомнил, как в прошлом году разыскивали на даче у Кузьминых пропавшую радиолу и петькин велосипед.

Но ничего этого не случилось. Папа явился ровно в семь ноль-ноль.

Когда сели пить чай, папа сказал:

— Ну вот, теперь у нас на службе новый режим, и я по вечерам всегда буду дома.

Мама ответила:

— Вот и хорошо. Займешься сыном. А то он совсем от рук отбился.

Ночью мне приснилось, что я стал большой-большой рыбой. Мама тянет меня на берег, а я отбиваюсь от нее...

Вторник

Не знаю, как это получается, но только у меня уходит очень много времени на приготовление уроков.

Когда я сел за стол и вынул из портфеля тетради, на нашем будильнике было два часа дня. Потом позвонил Сашка Кресик и сказал, что у них из окна видно, как над Москвой летает самолет и пишет на небе какие-то буквы. Но я ничего не увидел из окна, кроме подъемных кранов на большом доме напротив. Тогда я побежал на кухню и оттуда сразу увидел самолет. Он летел высоко-высоко, и за ним тянулись какие-то белые круги. Я стал разбирать, и у меня получилось «ОЕ». Но Сашка со мной не согласился, у него выходило просто два «О». Он велел позвонить Женьке Петрову, потому что Женька живет на восьмом этаже и ему виднее. К телефону подошла женина мама и сказала, что Женя занимается по музыке и что надо не в окна смотреть, а учить уроки.

Я уже хотел решать задачу, но тут зазвонил будильник. Пришлось переводить его еще на один час.

Когда я лазил в кухне на стол, чтобы получше рассмотреть на небе буквы, то рассыпал макароны, которые мама оставила в пакете. Наташка взяла одну макаронину, подкралась и стала дуть мне за воротник. Я отнял у нее макаронину и стал дуть сам. Наташка убежала, а я пошел опять на кухню и стал дуть в кастрюлю с молоком, и молоко бурлило, как будто его кипятят на плите.

Потом я придумал пускать мыльные пузыри. Я развел мыло и стал пускать пузыри с батареи, а Наташка ловила их. Она подняла такую возню, что ни один пузырь не долетал до пола. Тогда я встал на окно и стал пускать пузыри в форточку. Но меня заметили на стройке, и один рабочий погрозил мне с крыши пальцем.

Пришлось слезать с окна, и тут будильник зазвонил второй раз.

С примерами у меня шло дело довольно быстро, а вот задача никак не решалась. Тогда я позвонил папе.

— Прочти,— сказал он.

Я прочитал:

— «Текстильная фабрика выпустила в течение месяца 13 685 кусков материи: ситца, полотна и бумазеи; ситца в три раза больше, чем полотна; бумазеи в четыре раза меньше, чем полотна. Поставить вопрос и решить задачу».

— Решить задачу,— ответил папа,— можно, только поставив вопрос... о снятии с работы директора фабрики...

Я услышал в телефоне, как кто-то, сидевший рядом, рассмеялся. Папа сердито сказал мне:

— Оставь свою глупую задачу до мамы! И вообще брось скверную привычку звонить мне на службу. И так я верчусь здесь, как белка в колесе.

Мне стало немного грустно. А потом я вспомнил, что видел на даче белку, как она бегала по нашему забору. Интересно, где сейчас эта белка и что она делает?

Я захотел узнать побольше о жизни белок и взял словарь. Но тут было написано только: «Небольшой лесной зверек-грызун». Тогда я стал подряд читать, что вообще есть в словаре о зверях и птицах. Когда я дошел до гуся, то опять прозвенел звонок. Я думал, что это снова будильник, но оказалось, что вернулась из школы мама.

Мама стала ругать меня, что вот она целыми днями торчит из-за меня в школе, в родительском комитете, а я не учу уроки и что будет жаловаться Нине Павловне.

Наташка тотчас же наябедничала, что я рассыпал макароны.

Мама сказала:

— Вот придет папа, он ему задаст.

Но папа пришел поздно, когда мы с Наташкой уже легли спать. Папа сказал, что у них после службы было собрание о работе по-новому и о воспитании в семье.

Среда

Я очень люблю папу.

Когда я вырасту большой, то буду, как папа, много работать.

Только отдыхать буду по-другому.

Почему, как только мы придем с Наташкой к нему в комнату, он говорит: «Ребята, поиграйте одни, я устал»? А сам берется за книгу.

Почему когда он соберется погулять, то звонит Петру Ивановичу? Почему гулять и разговаривать с Петром Ивановичем — это отдых, а если гулять с нами — нет?

Сегодня, когда мама ушла в магазин, мы играли в партизаны. Я напал на Наташку, но она не умела защищаться и заперлась в ванной. Тогда я стал зажигать бумажки и подсовывать ей под дверь. Наташка раскричалась, пришла соседка Наталья Сергеевна и сказала, что так я мог устроить в доме пожар.

Когда вечером об этом рассказали папе, то он очень рассердился и назвал мой поступок злостным хулиганством.

— Надо играть в разумные игры,— сказал папа и ушел к Петру Ивановичу.

А уж если на то пошло, то преферанс тоже не очень разумная игра.

Четверг

Вечером в школе было родительское собрание, и мама, как актив, вместе с женькиной мамой встречала родителей и раздевала их на вешалке.

Я не понимаю, почему нянюшка Маша, которая принимает у нас по утрам одежду на вешалке, не считается актив, а моя и женькина мамы считаются?

И почему актив — только одни мамы? Они дежурят в буфете, на этажах, в раздевалке, ходят с нами в кино, театры, на экскурсии.

Сегодня, когда мы ходили в кино смотреть «Сын полка», нам пришлось долго ждать начала сеанса. Женькина мама стала рассказывать, как готовить печенье из детской муки. Все стали записывать рецепт. И моя мама записывала и наша учительница Нина Павловна. А нам было неинтересно слушать, и ребята стали шалить. Тогда пришел администратор и сказал, что тридцать вторая мужская вообще не отличается дисциплиной и что он будет говорить в районо, пусть они там принимают меры.

А когда мы шли из кино, то Вовка Беликов ни за что на свете не хотел встать в строй и все время бежал впереди и показывал нам рожи.

Мама пришла домой сердитая и сказала, что с этими ребятами нет сладу.

— Хоть бы один отец пришел в школу и посмотрел, какие номера выкидывают их сыновья!

Папа ответил, что дело совсем не в отцах.

— Просто у вас нет правильного подхода к детям, поэтому они и не слушаются,— сказал папа.

Потом он сказал, что целиком согласен с оценкой работы родительского комитета, которую дали сегодня на собрании.

— А ты откуда знаешь, что нас критиковали? — спросила мама.

— Здравствуйте! — сердито сказал папа.— Я хоть и опоздал немного, но зато сидел на собрании до конца. Даже в прениях выступил и высказал очень ценные мысли о воспитании в школе и семье.

— А почему же я тебя не видела?

— Не знаю, почему. Собственно говоря, я тебя не встретил там... Где ты была?

Они стали спорить и выяснили, что папа по ошибке попал в тридцать третью женскую, она с нашей школой рядом, только на другой стороне улицы.

Мама стала так сильно смеяться, что проснулась Наташка.

Папа рассердился и сказал, что вот теперь-то он уж не будет таким дураком, что его теперь и калачом не заманишь в школу.

Пятница

За ужином был такой разговор.

— Николай, когда ты займешься серьезно сыном?

— А что такое? — спросил папа и отложил газету.

— Я тысячу раз ему говорила, чтобы он никуда не заходил после уроков. А сегодня он опять отличился, ходил целый час по магазинам.

Я думал, что папа будет ругаться, и стал оправдываться, что только на минутку забежал в «Союзпечать» посмотреть, нет ли альбомов для марок.

— Только-то и всего? — спросил папа.— Не понимаю, из-за чего ты поднимаешь шум. Купи ему альбом, и дело с концом.

И опять взял в руки газету.

Мама ушла в другую комнату и стала плакать. Она говорила, что как только я не прихожу вовремя из школы, то переживает, как бы ребенок не попал под машину, но, оказывается, до этого никому нет дела, потому что отец совсем не хочет заниматься воспитанием своих детей.

Суббота

По вечерам мама всегда проверяет, как я выполнил домашние задания. Она требует, чтобы я все заучил, как написано в учебнике. Но один раз мама была занята и попросила папу проверить мои уроки. Я рассказал о событиях после Отечественной войны 1812 года точно, как в учебнике:

— «Чтобы бороться с революцией в Европе, русский царь, прусский король и австрийский император заключили между собой реакционный Священный союз...»

— Хорошо, хорошо,— остановил меня папа,— зазубрил ты изрядно. Но скажи мне, что означает слово «реакционный»?

Я не знал этого слова и молчал. Тогда папа объяснил мне и сказал, что не надо заучивать механически.

Когда на уроке Нина Павловна спросила, кто знает, что означает слово «реакционный», то поднял руку только один я. Нина Павловна велела мне рассказать. Потом она спросила, кто мне объяснил.

Я сказал:

— Папа, когда проверял мои уроки.

Нина Павловна спросила:

— А папа всегда у тебя проверяет уроки?

Мне почему-то очень захотелось сказать: «Всегда»,— но потом я вспомнил, что пионер должен говорить только правду, и ничего не ответил.

Сегодня у папы день подготовки к вечернему университету, и он как вернулся со службы, так сел за книги. Я зашел к нему один раз, хотел что-то спросить, но он только махнул рукой и сказал:

— К маме, к маме иди, я занят.

Воскресенье

Сегодня я с утра гулял во дворе. А потом пришли гости. Мы с Наташкой пили фруктовую воду и ели копченую колбасу.

Гости были очень долго. Сначала смотрели в телевизор «Идеальный муж», а потом играли в карты.

Все письменные задания по русскому языку и арифметике я сделал еще вчера, а вот географию прочесть не успел.

Когда я ложился спать, мама спросила:

— Слава, а ты выучил уроки?

Но тут вступился папа:

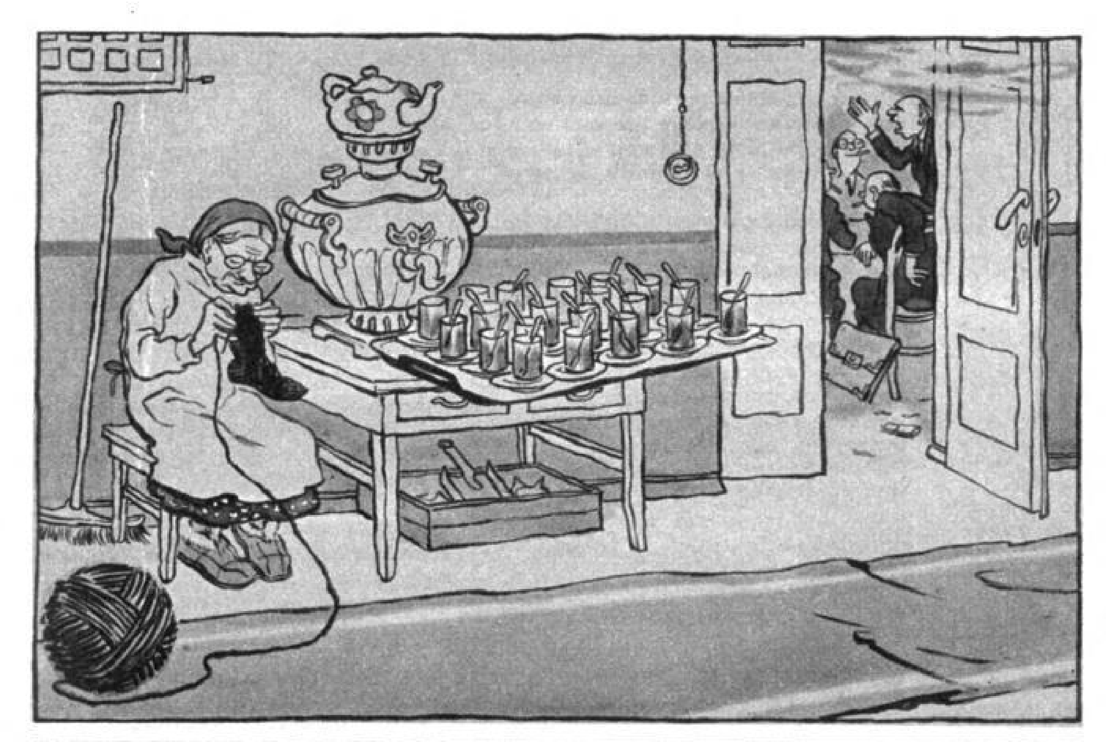
— Можешь ты ему хоть один раз в неделю не напоминать об уроках? Сегодня же — воскресенье!

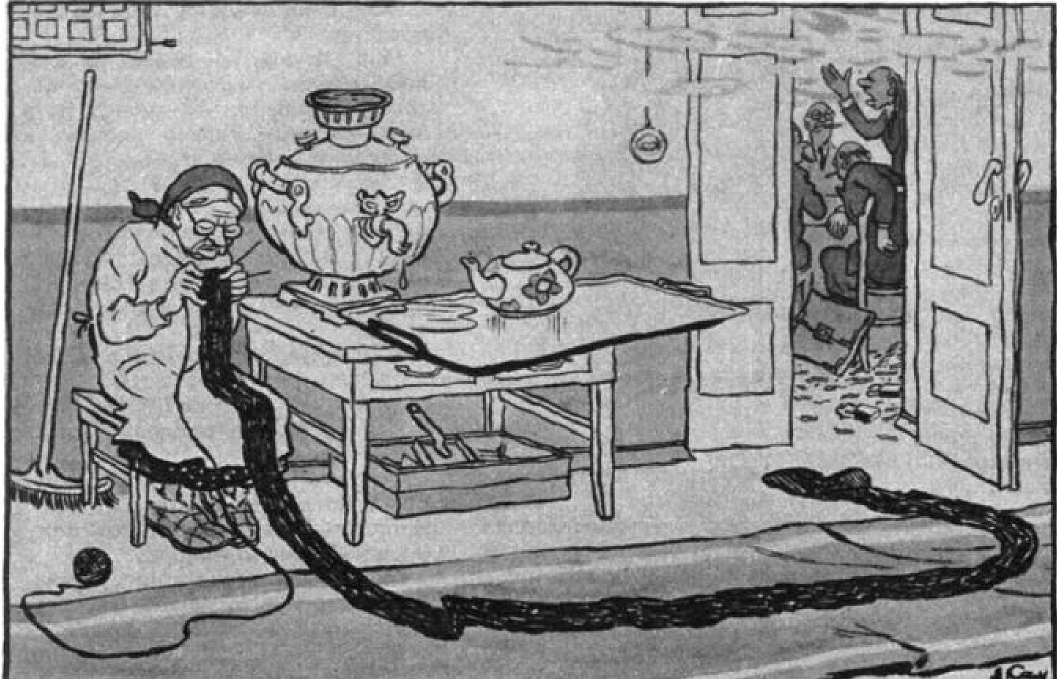
Странный человек — этот папа. Конечно, сегодня — воскресенье, а завтра-то — понедельник. И потом у папы нет на службе Нины Павловны, а у меня есть!

Я думаю, что надо бы и у папы на службе завести такую классную руководительницу, как наша Нина Павловна. И, может быть, не только у моего папы на службе, а и у других. Чтобы они почаще спрашивали:

— В прошлый раз, товарищи папы, я задала вам задачу заняться воспитанием своих детей. Кто решил задачу? Поднимите руку!

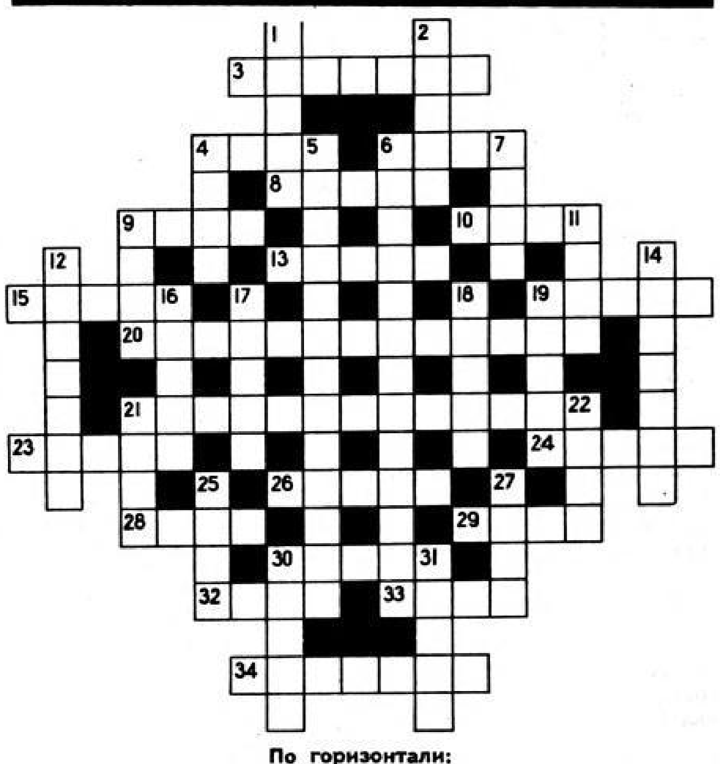

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ... Рисунки Л. Самойлова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Польский национальный танец. 4. Растение из семейства однодольных. 6. Южное растение. 8. Город в Эстонской ССР. 9. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 10. Степень быстроты. 13. Первый выдающийся русский мастер музыкальных инструментов. 15. Спортивная площадка. 19. Лучшие, отборные экземпляры растений или животных. 20. Город в Молотовской области. 21. Наука. 23. Сорт груши. 24. Подразделение в частях авиации. 26. Украинский советский поэт. 28. Часть света. 29. Вулканическое извержение. 30. Серный колчедан. 32. Мера длины. 33. Часть зрительного зала. 34. Смешное или язвительное выражение.

По вертикали:

1. Плод тропического растения. 2. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 4. Сильная жара. 5. Составление перечня однородных предметов. 6. Описание своей жизни. 7. Рукоятка холодного оружия. 9. Определенный промежуток времени. 11. Воинская часть. 12. Прибор для замедления скорости падения тел. 14. Сравнительная величина. 16. Массовый вид спорта. 17. Место, где начинается река. 18. Нотный знак. 19. Предварительный набросок. 21. Японская денежная единица. 22. Место конспиративных встреч. 25. Равномерное чередование. 27. Планета. 30. Плотный слой. 31. Часть целого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

5. Котовский. 8. Бордо. 9. Латук. 10. Вкладка. 11. Сабза. 13. Налог. 16. Карат. 18. Гаубица. 19. Авантал. 20. Апофема. 21. Гвардия. 22. Лодка. 25. Рельс. 28. Карта. 30. «Тачанка». 31. Истра. 32. Башня. 33. Баркарола.

По вертикали:

1. Попова. 2. Новелла. 3. Эскадра. 4. Биплан. 6. Рота. 7. Гуно. 11. Снайпер. 12. Зритель. 14. Атакама. 15. Граница. 16. Канал. 17. Тайга. 23. Овчарка. 24. Концерн. 26. Ейск. 27. Стакан. 28. Кабель. 29. Танк.

Фрукты из марципана

На столе — ваза с фруктами. Румяные яблоки, малиновые сочные сливы, желтые бананы с чуть тронутой коркой, спелые, потемневшие груши... А наверху — кисть винограда, покрытого сизым, матовым налетом; кажется, надкуси ягоду — так и брызнет сладкий сок...

Но виноград не отщипывается от кисти, у лимона сухая, мучнистая мякоть и пряно-сладкий вкус, с банана не сдирается корка. Это не настоящие фрукты. Они сделаны из марципана.

Говорят, что родина марципана — Италия. Большие любители сластей, итальянцы готовили тесто из сахара и перемолотого миндаля и называли его марципаном.

Потом марципан перекочевал на север и все еще употреблялся в виде пряного теста. Но вот он попал в Эстонию. Наверно, по закону контрастов, здесь, в краю сурового свинцового моря и пасмурного неба, марципан расцвел яркими южными красками в бананах и виноградах, в краснобоких яблоках и грушах.

Марципан делается на Таллинском хлебокомбинате. Здесь изменили рецепт: тесто готовят из одной части молотого арахиса и двух частей сахара, прибавляют патоку и для дезинфекции — немного спирта. Тесто получается очень вкусным и питательным, оно не печется, а только подогревается, так что сохраняются все витамины, содержащиеся в арахисе.

Подогретое тесто укладывается в формы. Они изготовлены из серы, потому что сера — очень гибкий материал, в нем можно сделать самые мелкие углубления, например, изобразить вмятину в лежалой груше или узкие щелочки смеющихся глаз зайчонка.

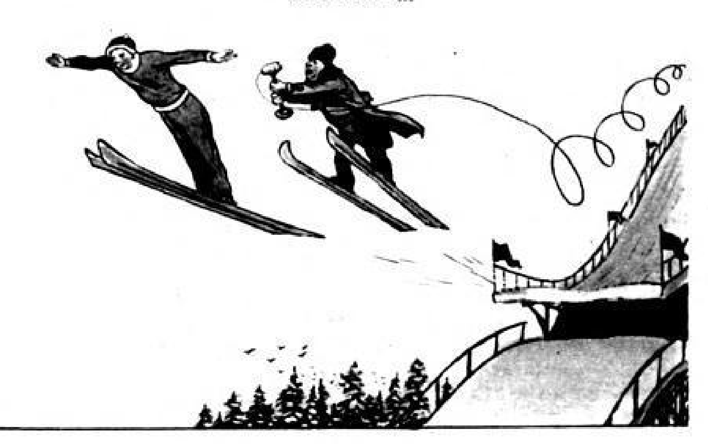
Вот из форм выходят марципановые фигурки: овощи и фрукты, ягоды и цветы, звери и птицы. Пока все они белого цвета. Теперь их передают художницам, которые раскрашивают марципаны пищевыми красками.

Мы видим, как одни шарики превращаются в аппетитную скороспелую картошку, другие — в мандарины и лимоны. На желтой корке банана появляются те самые коричневые оттенки, которые придают ему такой естественный, спелый вид. Зайцы становятся веселыми и смешными, пеликаны — важными, утята — милыми и неуклюжими.

Вот и готово вкусное и забавное лакомство для маленьких покупателей.

Н. ТОЛБАСТ

В ЭФИРЕ...

Радиокомментатор.— Идут последние секунды соревнований по прыжкам с трамплина...

Изошутка В. Васильева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 00619. Подп. к печ. 23/II 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 164. Заказ 411. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗАКАРПАТСКАЯ СОЛОНКА

На берегу бурной реки Тиссы, на самом краю советской земли, среди гор и лесов, раскинулся небольшой поселок с красными черепичными крышами, садами, тихими улицами... Это — Солотвина. Говорят, что соль здесь добывают чуть ли не с бронзового века, но первая глубокая шахта была заложена сравнительно недавно — лет полтораста тому назад.

Многие в шутку называют Солотвину «закарпатской солонкой». В этом есть доля правды. Миллионы людей, садясь за обеденный стол, достают щепотку соли именно из этой солонки. Солотвинская соль идет в Белоруссию и Латвию, Литву и Эстонию, Молдавию и во многие области Украины. Этой солью приправляют пищу в Праге и Будапеште.

Каждый человек употребляет около десяти килограммов соли в год, но мало кто знает, где и как ее добывают. И вот мы в соляной шахте. Перед нашими глазами — высокие залы, где многие поколения солотвинских солекопов добывали соль ручным способом. Только после воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной здесь узнали, что такое современная механизация. Появились электрические сверла, врубовые машины, электровагонетки, — словом, все то, чем богаты передовые шахты нашей Родины.

З. ХИРЕН

На шахте имени Сталина Солотвинского солерудника в Закарпатской области. Электровозная откатка соли в главной камере.

Фото И. Тункеля.

Цена номера 3 руб.

